

КИРА В СТРАНЕ ДИРИЖАБЛЕЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

АНДРЕЙ ШВЕД

Андрей Швед

Кира в стране дирижаблей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67336028

SelfPub; 2022

Аннотация

Главная героиня Кира живет в начале XX века. Девушка приезжает в вымышленную страну, чтобы учиться на журналиста в Институте газетоведения. Однако дирижабль, на котором она летит, терпит крушение. Среди тех, кто уцелел, есть и Кира. Страны обвиняют друг друга, считая, что дирижабль сбили. Надвигается угроза войны, и Кира поневоле оказывается втянута в гущу событий. Она начинает свое журналистское расследование, чтобы докопаться до правды и предотвратить кровопролитие.

Этот роман – антивоенный манифест. Здесь читатель узнает знакомые места и названия. И над всем государством будет возвышается лик батюшки-императора.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Пролог	6
Часть первая	7
1	8
2	11
3	15
4	21
5	30
6	31
7	37
8	43
9	62
10	66
11	70
12	77
13	84
14	85
15	97
16	102
17	115
18	123
19	129
20	131
21	133

23	138
24	149
25	155
Часть вторая	160
26	161
27	164
28	174
29	177
30	184
31	187
32	191
33	203
34	216
35	223
36	231
37	240
38	244
39	249
40	254
41	265
42	271
43	276
44	290
45	292
46	294
47	296

48

297

49

299

Андрей Швед

Кира в стране дирижаблей

Пролог

Сегодня метеорологические условия продолжит определять тыловая часть циклонического вихря. При облачной с прояснениями погоде пройдут кратковременные дожди, и станет прохладнее.

Ртуть в термометрах не поднимется выше отметки в 19° тепла. К вечеру погода ухудшится, будет пасмурно. Ветер порывистый 15 м/с. Атмосферное давление будет меняться мало и составит 750 мм ртутного столба, что ниже нормы.

В последующие дни горожан ждет ухудшение погоды, с запада движется циклон, гребень которого будет над городом в середине недели. Ожидаются дожди.

Метеорологическая сводка

Часть первая Буревестник

I like the way you hold the road.

Mama, it ain't no sin¹

Led Zeppelin

¹ Мне нравится путь, которым ты идешь. Мама, это совсем не грех (*англ.*)

1

Раздалось шипение и полыхнула вспышка. Клубы магниевого дыма расползались по ателье как маленькие облака. Почему-то весь красный, фотограф с растопыренными, моржеподобными усами вылез из-под темной ткани, как актер, вышедший напоследок из-за кулис на сцену, чтобы поклониться зрителю.

На черно-белом снимке трое: еще пока молодой мужчина с тростью под мышкой, худая бледная женщина с острыми, угловатыми локтями, сидящая на стуле, при этом ее богатое викторианское платье, сшитое по последней моде, небрежно, но не вульгарно задирается, обнажая щиколотки, и на руках у женщины – новорожденная девочка, укутанная белой простыней.

Пройдут годы. Фотография выгорит и затрется. Некогда проявленные лица утратят былую четкость и белизну, сделаются похожими на привидения. Особенно пострадают углы – они изомнутся в засаленных грязных мужских руках, когда те будут передавать снимок друг другу где-то в окопах Европы. Забившаяся под ногти земля останется мазками на краях фотокарточки.

Трясущиеся пальцы – все в нарывах и ссадинах – бережно стряхнут крошки земли с тусклых лиц троих людей – значит, фотография прошла по кругу и вернулась к хозяину.

Хозяин фотографии похож на молодого мужчину со снимка, только постаревшего и исхудавшего. Прислонившись к стене окопа, он будет дремать после бессонной ночи. Ночи, когда враг вытравливал их газом из укреплений. Одна его рука перевязана обгорелыми тряпками с засохшими пятнами крови, другой он подпирает плохо подстриженную голову с обвисшими усами, которые придают лицу унылое выражение. Приоткрыв красный воспаленный глаз, он что-то пробормочет и снова погрузится в тревожный сон.

Пройдет офицер и даст распоряжения о скором наступлении. Здоровая рука еще раз достанет фотографию из нагрудного кармана шинели и погладит фигурку жены, коснется светлой головки маленькой дочери. После этого снимок быстрым движением дрожащей руки отправится в нагрудный карман, на то место, где должны висеть медали.

Потом эта грудь поползет по влажной и холодной земле, изрытой колеями автомобилей и танков, изъеденной воронками ручных гранат, а руки будут перерезать колючую проволоку.

Позже уставшие ноги неуклюжими шагами войдут в маленький городок. Командир отдаст приказ отнимать у жителей продовольствие и теплые вещи. Солдаты разбредутся по домам, а вечером лягут спать, растопив печки мебелью и книгами.

В ту ночь бомбардировщик сбросит фугасные снаряды на черепичную кровлю жилых домов, часовни и ратуши. Бом-

бы пробьют крыши и стены. И когда начнется пожар, люди и лошади будут кричать и метаться в разные стороны, не понимая, куда им деться от пламени и дыма. В суматохе кто-то попытается стрелять, но непонятно в кого.

И все-таки среди хаоса битых стекол и кирпича, запаха пороха, и искореженных трупов фотография уцелеет.

На следующее утро, когда влажными пятнами на тлеющую землю выпадет первый снег, солдата найдут и отнесут в полевой госпиталь. Так фотокарточка вместе с ее хозяином вернется на родину.

А через месяц, выписанный из больницы мужчина, хромя на одну ногу, подойдет к свежевскопанной могиле на загородном кладбище.

Бледная женщина с угловатыми локтями работала в больнице, когда снаряд попал в хирургическое отделение. Странно: воевал – он, а умерла – она.

Гроб медленно опустят в узкую, как бы тоже угловатую, яму под монотонную речь черного человека. Сначала засыпят землей, потом снежная зАметь закончит работу, начатую могильщиками. Мужчина будет держать за руку девочку семи лет. Морозный ветер растреплет ее светлые волосы, горло будет распирать слезный ком, но обветренные щеки останутся сухими, а голубые глаза – ясными.

2

– Что это у тебя там? – соседка по каюте, маркиза де Феррер заглянула через плечо Кире и увидел старенькую памятную фотографию. Загоревшееся секунду назад любопытство маленькой и проворной маркизы тут же потухло. Кусок старой картонной бумаги далек от того, что ее действительно интересовало: драгоценностей, украшений, платьев и кавалеров.

– Мари, это... – хотела сказать Кира, но, не увидев интереса в глазах подруги, тут же передумала.

Мари де Феррер ловким движением защелкнула крючок серебряной цепочки на шее. Кирина взгляд на мгновение задержался на переливающейся линии.

– Ты чего так смотришь? – Мари перехватила ее взгляд. – Нравится? Красивое, правда?

Но не успела Кира что-либо ответить, как маркиза уже сняла цепочку и теперь протягивала ее соседке.

– На, забирай!

– Нет, что ты! Я не могу!

– Мне еще заставлять тебя! – Мари в шутку нахмурилась и тут же расхохоталась. Эмоции на ее лице сменялись быстрее, чем коллекции одежды в модных домах Парижа. – Это подарок! Чтобы наше путешествие хорошо закончилось! Цепочка волшебная, кто ее носит, в беду не попадет! Она удачу

приносит!

– А ты? – растерялась Кира.

– Да у меня еще тысяча таких! Бывшие ухажеры надарили целый сундук! – отмахнулась Мари. – Пойдем! Скоро ужин, а ты, милая, еще нисколючко не одета. – И она, взяв тушь, отошла к зеркалу.

Кира, смущенная неожиданным подарком, осталась неуверенно стоять посередине каюты с фотографией в одной руке и цепочкой в другой. Помедлив, она наконец застегнула цепочку на шее, не так быстро и ловко, как маркиза, но все же привычным, женским и женственным движением, а фотографию убрала в клатч, откуда та и была извлечена ранее, и стала собираться к ужину.

Темно-синяя гладь в круглом окошке иллюминатора заполняла собой все пространство до горизонта, которого на самом деле не было – просто всполохи перистых облаков в отблеске заходящего солнца прочерчивали нечеткую границу между воздухом и воздухом.

Судно чуть сменило курс. И сразу показался розовый разрыв закатного облака. Перья и кудри проступали сквозь вечернюю пелену, и тысяча стрел красного шара все слабее пронизывали кучерявые или наоборот хлесткие и как бы порванные частицы того, что еще несколько минут назад было небом. Выющийся свет отражался по форме ясно-голубого зрачка. Блеск, слишком яркий, чтобы не зажмуриться, сначала ударил в глаза, причем с такой силой, что осталась одна

только белость, но потом отступил, и из-под него постепенно вышли тяжелые, но хрупкие, как весенние цветы, очертания небесных изгибов.

Словно неф храма, сводились над головой, переплетаясь загадочным узором, витиеватые орнаменты туч. Чуть ниже курса, которым шло воздушное судно, недавно пролетел маленький самолет – ветряной шлейф его крыла растрепал полы ночной рубашки заката, задрал ее вверх, отчего стыдливому небу пришлось бы прижимать рубашку руками к бедрам, если бы оно только знало о похотливых желаниях летчика заглянуть под перистые кружева облаков. Пролетел и птичий клин, возвращающийся из южных стран, как майский флигель, говорящий о приближении лета. И тем, кто сейчас стоял на земле, верно, хотелось задрать голову и смотреть, смотреть, смотреть, а лучше просто наплевать на законы физики и гравитацию и оторваться от земли, на которой замерли другие такие же зеваки, пораженные этим обнаженным светом, и взлететь, так чтобы шум и суeta города осталась позади...

Облака все расступались в разные стороны, клубясь сладким паром материнского молока, и нужно было грести, раздвигать блаженную дымку руками, будто плыть сквозь теплую воду. И вот, через непреодолимый простор небес протянулась волна последнего лучика. И солнце, ушедшее дальше на запад, осталось позади. Теряя прежний блеск и ласковость, облака становились синими камнями – сапфирами,

холодея, словно набитые снегом подушки.

И среди этих облаков плыло что-то большое, похожее на кита или пузырь. Оно ширилось, заслоняя собой край, увенчанного послезакатным светом облака. Кит двигался, плавно гребя хвостом, двигалась каждая часть его спертого железом тела. Плавники рассекали воздух, протягивая за собой параллельные полосы небесных остатков. Раздался низкий гудок, действительно похожий на звуки подводной песни. И хотелось тянуть руки к китовым усам, чтобы проникнуться величием и теплотой этого неведомого существа.

Гудок повторился снова.

Теперь «Мирный» шел правым галсом. Обшивка корпуса, напоминающая парусину, туго стягивала алюминиевые балки внутри себя. Они – ребра зверя – топорщились, распирая корпус до нужного объема.

Водород – воздушный пузырь этой небесной рыбы – держал дирижабль в потоке ветра, который проскальзывал через искрящиеся винты, безразлично перемалывающие воздух, задевая стабилизаторы со страшным режущим свистом.

Кира с восторгом и детским первородным восхищением отшатнулась от плотного, двойного стекла, как если бы ветер ударил ей в лицо, слезя глаза и растрепывая волосы. Страх не было, он остался там, внизу, где остались и крыши домов, и кроны деревьев, и лающие собаки, и удивленные люди с задранными вверх головами...

3

«Мирный» шел из Марокко в Соединенные Штаты, пересекая просторы Средиземного неба. Завтра утром цепелин пришвартуется к причальной мачте Имперской Государственной Постройки. А сегодня – последняя ночь пассажиров на судне, последний шанс исполнить мечты. И если Мари права, и серебряная цепочка на самом деле приносит удачу, то все Кирины желания сбудутся!

Впрочем, ее жизнь и так складывалась благополучно: дворянское происхождение, богатая семья, пускай без матери, но с заботливым отцом, хорошее воспитание в *pension*²: игра на фортепьяно и уроки французского, а теперь – учеба в Штатах и светская жизнь, наполненная торжественными приемами, замужеством и устрицами, поданными под белое вино. Чего еще желать? Да она ничего и не желала... просто сейчас ей хотелось того сиюминутного удовольствия и счастья, которые бывают только в конце длинных путешествий перед началом размеренной и понятной жизни...

На палубе-ресторане было, как обычно, людно.

«Мирный» был оснащен четырьмя дизельными двигателями, фюзеляж вмещал двести тысяч кубометров газа в баллонах – это позволило конструкторам установить на палубе рояль, под музыку которого танцевали несколько пар в пла-

² Пансионат (*англ.*)

тьях и смокингах.

Кира обвела взглядом зал и обрадовалась, что среди танцующих нет того, кого она искала...

Маркиза, пришедшая на палубу-ресторан раньше нее, заняла столик у окна и теперь заказывала у официанта *salade de crevettes*.³ Кира уже было пошла к подруге, как вдруг к ней обратились.

– *Bonjour! Me laisserez-vous vous inviter à une danse?*⁴

Кира медленно обернулась – он... он! Он!

Ах, сколько же этой невинной фразе предшествовало неловких пауз, заминок и косых взглядов в дни их перелета! Но зато теперь, Кира точно знала, к чему сегодня вечером приведет невинный вопрос... Не зря она столько думала об этом моменте, хранила и лелеяла тайные мысли, а потом засыпая, уткнувшись от стыда в подушку, и надеясь, что при выключенном свете Мари все-таки не видит ее покрасневших щек, просила маркизу, если завтра вдруг... не возвращаться в каюту раньше полуночи, или быть может наоборот, не ждать ее ночевать...

Эрик улыбался ей широкой улыбкой, не подозревая, что Кира сейчас чувствует. Его карие глаза проникали под декольте, куда-то вглубь ее, под сердце.

– *Oui*,⁵ – чуть дыша, шепнула она.

³ Салат с креветками (*фр.*)

⁴ Здравствуйтесь, вы позволите пригласить вас на танец? (*фр.*)

⁵ Да (*фр.*)

... И вот они кружатся снова и снова, а в перерывах разговаривают «Вас ведь Кирой зовут, не так ли?» «Прошу, давай на "ты"»! Ведь она и так уже все о нем знает – и не только от сплетницы-маркизы – из детских сказок, которые нянечка читала ей перед сном. Он – тот самый принц! Воздух в груди перехватывает – она почти задыхается, но не может остановиться, и шлейф платья кружится следом, вторя разрозненным звукам джаза. Клавиши рояля громяют, готовые пробить палубу. – Раз! Раз! Раз!

Наконец, потанцевав и освежившись шампанским, они с Эриком вышли на прогулочную палубу. Здесь было гораздо прохладней, чем внизу – ветер гнал мимо заплывшие тенью облака. Юноша накинул на плечи девушки кожаную куртку, подшитую овчинным мехом, какую носят многие летчики.

– Ты знала, что «Мирный» вмещает шестьдесят тонн топлива? Для такого веса нужны баки объемом две с половиной тысячи литров. А максимальная мощность каждого двигателя тысяча двести лошадиных сил, – Эрик со знанием дела наморщил лоб, показывая на механизмы.

Кира была готова внимать, готова закопаться во всех этих числах, вторить Эрику вопросами, поддерживая беседу, лишь бы он продолжал говорить.

– Откуда ты все это знаешь? – восторженно спросила она.

– Я на инженера-авиаконструктора еду поступать в Адмиралтейскую академию, – Эрик засмеялся. – После института пойду в «Дирижаблестрой» работать. А ты? Зачем ты ле-

тишь в Петербург?

– Я тоже еду учиться, – обрадованная тем, что у них есть что-то общее, Кира с охотой начала рассказывать, ибо нет на свидании худшего момента, чем тот, когда симпатичные друг другу люди, не знают, о чем поговорить, и потому заминаются, как закончившаяся виниловая пластинка.

– Поступаю в институт «Газетоведения», на журналистику. Мой отец, вообще-то мягкий человек, тут почему-то настоял на этом... По правде говоря..., – она помедлила, – мой дядя... ректор института, он обещал, что меня примут... – этот факт разглашать не хотелось, но слова, зацепившись друг за друга суффиксами и окончаниями, сами вылетели из нее.

К тому же, не в силах сдерживать своего очарования Эриком, она поддалась его магии и желала высказать ему всю свою жизнь без утайки, чтобы остаться обнаженной, беззащитной перед ним. Она забывалась, как в детстве, когда бесхитростные девочки, неискушенные жизнью, просто и легко держаться за руки и гуляют с такими же неискушенными жизнью мальчиками.

– И долго учиться на репортера? – спросил Эрик.

– Четыре года, но потом еще практика.

– Почему же ты из Марокко летишь? Ни за что не поверю, что ты марокканка, – он посмотрел на ее светлые волосы, развевающиеся на ветру. Прядь то и дело заслоняла глаза. Кира сдалась и не пыталась ее поправить, решив, что

такой небрежный вид только еще больше подпитывает нужное настроение.

– Сама я из Новой Англии...

(И здесь, хоть произведение не является летописью этой далекой страны, и излишние ее восхваления были бы странны, все же несколько слов этому дивному Королевству мы уделим. В скобках – дабы не утруждать ленивого читателя излишней информацией и дать возможность пропустить сей абзац... Новая Англия (к слову, никакой Старой Англии никогда не существовало, (а скобки внутри скобок – это уж совсем моветон), (только если перед вами не пример по алгебре), (коим эта книга явно не является)) была разделена на несколько графств, каждое из которых славилось чем-то особенным: Чешир – котами, Дарем – дарами, Кент – сигаретами, Диваншир – диванами, Глобстер – лобстерами, а Суссекс... тут мы вынуждены себя оставить, ибо как раз на этой странице книгу может раскрыть невинная рука ребенка).

– ...Прошлым летом закончила школу, – продолжала Кира, даже не подозревая о столь грубых авторских ремарках, – год не знала, где жить и чем заниматься. Путешествовала: Париж, Женева, Монако... Теперь вот определилась. А в Марокко мы с подружкой отдыхали, я познакомилась с ней в Барселоне, где прожила всю зиму...

Эрик казалось перестал ее слушать.

– Погоди-ка, – неуверенно перебил он, – твой дядя... Ты сказала, он ректор института «Газетоведения»... ведь... он

же и министр информации, верно?

– Да, – Кира опустила глаза. Ей стало неловко.

– Граф Дракула...? – все больше удивляясь, воскликнул Эрик.

– Ага, – Кира усмехнулась, смущенная своим родством со знаменитым политиком и ученым, темным канцлером и серым кардиналом. Реакция людей всегда была одинаковая. Поэтому она и не любила о нем говорить. – Адольф Геннадьевич Дракула – мой дядя.

4

– А кто тогда...

– Моя мама – его сестра, но она умерла во время войны...

Двенадцать лет назад. Мне кажется отец очень болезненно переживал ее утрату. Я очень похожа на маму и внешне, и просто.... Может быть я слишком напоминала ему о ней. Он отдал меня в пансионат, а когда я доучилась... вот, я здесь.

Эрик замолчал, потрясенный услышанным, но тут же, спохватившись, сказал:

– Извини, я не хотел... про маму...

– Ничего. Я маленькая была. Плохо все помню, – Кира пожала плечами.

Эрик, тот Эрик, на которого она смотрела все дни их круиза, теперь извинялся перед ней! Есть все-таки в девушках что-то волшебное, что притягивает, сажает на цепь и держит, даже если сами девушки, особенно юные, не догадываются о существовании таких кандалов. Серебряная цепочка не заканчивается на сплетении ключиц, она становится невидимой и тянется к мужскому сердцу.

Эрик рефлексивно похлопал себя по карманам.

– Что случилось? – встревожилась Кира.

– Курить... хочется. – Он тоскливо посмотрел на горизонт.

На дирижаблях курить запрещалось. Все пассажиры при

посадке сдавали спички, зажигалки и любые другие легко-воспламеняющиеся предметы.

Солнце уже скрылось и теперь ночь – Госпожа Луны и звезд – крадучись осматривала свои владения. А все они – пассажиры и экипаж – были всего лишь гостями в ее небесном чертоге. Но не судьба была увидеть звезды в эту ночь – воздушный корабль окутал сильнейший туман, который так обволакивал судно, что уже не было возможности разобрать, где зашло солнце.

Теперь Эрик рассказывал про воздушную навигацию:

– ...По сути, измеритель Герца похож на подзорную трубу. Он вставляется в отверстие на нижней палубе гондолы и крепится на подшипнике, а вокруг него – градуированный лимб. Но в такую погоду, как эта, им особенно не воспользуешься. А ветер, кстати, довольно свежий... возможно, у нас сильный дрейф...

Они остановись у круглых циферблатов непонятного назначения. Эрик с любопытством их разглядывал.

– Хм... – промычал он задумчиво. – Странные показатели... не можем мы сейчас быть на такой высоте... Кстати, Кира, ты знаешь, что высотометр – это просто барометр-анероид, который устанавливается на ноль или...

Но Кира уже немного устала от упоминаний странных приборов, и поэтому не слушала юношу, а только оглядывалась по сторонам.

– Эрик, смотри! – девушка вытянула палец и показала

внутри большого сизого облака. – Там самолет!

Прошло несколько мгновений неподвижной тишины. Только винты хвостового отсека планомерно гудели в вечернем воздухе. Но тут из-за тучи действительно показался серебристый аэроплан с белесым фюзеляжем. Он, лавируя между потоков ветра, шел параллельно «Мирному». Выигрывая у неуклюжего дирижабля в маневренности, самолет то и дело странно ложился в крутой бакштаг⁶, все сильнее сокращая расстояние между дирижаблем.

– Не просто самолет... это... перехватчик. Военный...

Эрик прищурился. Но глаза от ветра слезились, и, в наступивших сумерках, разглядеть флаг на оперенье не удавалось.

– Не пони... – не успел Эрик договорить, как по «Мирному» прокатился глухой стон, от которого палуба, будто в лихорадке, задрожала.

При этом левый борт медленно пополз вверх, кривя алюминиевые снасти – балки, которыми пассажирская гондола верхней палубы крепилась к корпусу. Клапанный канат натянулся. Винты замерли. Перекошенный «Мирный» лег в дрейф. Тут же турбулентность захватила тело судна, и новый толчок сбил Киру с ног. Она упала на палубу, порвав платье. Рука, наткнувшись на что-то острое, кровоточила, меняя цвет ткани на красный.

– Эрик! Эрик!

⁶ Курс, образующий с направлением ветра угол больше 8, но меньше 16 румбов, то есть ветер по отношению к судну дует сзади-сбоку.

Звонко лопнул клапанный канат. Как жгут, как змея, шипя, металлическая веревка, извиваясь прочертила S-образную дугу в воздухе, скрывшись за бортом. Если бы она ударила по лицу – сломала череп...

– Мы падаем! Дирижабль падает! – прокричал Эрик, но, где он сам, было непонятно.

Кира хотела подняться, но вместо этого соскользнула по накренившейся палубе, как по деревянной горке, собирая коленками и локтями сосновые занозы. Спина ударилась о перила правого борта, который теперь оказался единственной преградой между девушкой и темной бездной...

Крепежи больше не сдерживали балонеты – отсеки с газом над головой, заслоняющие небо, – теперь они угрожающе нависали, готовые в каждую секунду обрушиться на палубу газопадом...

– Водород! – снова раздался голос Эрика, похожий на хор ангелов.

– Что? – обессиленно прокричала Кира в ответ.

– Там внутри водород! Тут все к черту сгорит сейчас!!!

Кровь пропитала платье. Скользящая Кирина рука еле-еле держалась за поручень. Красные капли соскальзывали в мрачную пустоту, от которой Киру отделяли несколько металлических перекладин, похожих на клетку. На них Кира лежала, как на жесткой кровати без матраса, вцепившись в спасительный каркас. Спина болела от удара. Прутья впились поперек позвоночника.

Вдруг дирижабль завис в воздухе, как металлическое облако, слившись с окружающей воздушной стихией. Может капитану удалось стабилизировать положение? Палуба замерла под наклоном около тридцати градусов – а вокруг нее: слева, справа, сверху, снизу – повсюду была непреодолимая воздушная гладь. Они сидели на маленьком, беззащитном острове, который настигло землетрясение. И помощи ждать было не от кого. Кира представила как столы, кровати, рояль... – все это перевалилось на один борт, и теперь тянуло, тянуло судно к земле.

Наверное, людей внутри перемололо мебелью...! А как же Мари?! Кира попыталась подняться, но нога проскочила в дырку между металлическими прутьями, и Кира сильно стукнулась копчиком. Туфельку тут же подхватил вихрь и унес в туманное ничто. Золушка так и не ставшая принцессой...

– Что ты делаешь?! – опять голос Эрика. Теперь Кира разглядела его. Юноша запутался в упавшем на палубу такелаже и теперь повис на нем, как на паутине.

– Там осталась Мари!

– Нельзя внутрь! Там опаснее! Наоборот, все оттуда сейчас переберутся сюда! Нам надо добраться до парашютов!

– Но Мари...! – однако дирижабль затрясло с новой силой. Он гудел и вибрировал, палуба все больше изгибалась. Деревянные штифты, которыми доски крепились к каркасу гондолы со скрипом полезли наружу – выпадающие от цинги

зубы умирающего животного.

– Мне не доползти до парашютов, – перекрикивала Кира железный гул.

Из недр корабля доносился механический голос: «НАДЕТЬ СПАСАТЕЛЬНЫЕ ЖИЛЕТЫ!».

Эрик бесился от бессилия:

– И зачем нам жилеты, если мы в воздухе, черт возьми!!!

Раздался вопль. И Кира увидела, как из каюты первого класса выпал человек. Но голос тут же стих – одежда на безжизненном теле трепыхалась, пока человек летел вниз. Он не разбился – сердце остановилось.

Они все еще смотрели вниз, когда облака под дирижаблем рассеялись и показалась вода. Теперь Кира поняла, что все это время они не просто бесцельно барахтались в воздушном потоке, как сдуваемый воздушный шарик, забытый невнимательным ребенком. Дирижабль планомерно снижался.

Темные волны моря бились друг о друга, пожирая обломки, постепенно отваливающиеся от «Мирного».

– Эрик! Там вода! Вода! Слышишь!

– И что?!

– Там не зе...

Дирижабль качнулся, Кира ударилась лбом...

– Там не земля! Нас сажают на воду! У нас дирижабль-гидроплан!

– Не выйдет! Волны слишком сильные! Они подомнут

нас!

– Тогда можно прыгнуть!

– Ты вообще представляешь, какое там расстояние?! Тебя же расплющит, дура! – но теперь его панические возгласы казались неуместными.

Это уже не походило на крушение. Судно двигалось по нисходящей спирали, в сторону наклона корпуса. «Наверное, что-то с правым газовым отсеком, – Эрик набросал в голове формулу. – Он спускает, поэтому нас и тянет вправо. Но борт все больше проседает... Угол наклона палубы уже больше пятидесяти градусов...»

– Капитан сажает нас на воду, но это бессмысленно если...
– от волнения Эрик рассуждал вслух.

Судно прошло по дуге спиральный цикл, спустившись метров на двести или больше... Вода была уже гораздо ближе... Это походило на гонку – что произойдет раньше: судно закрутится в горизонтальный штопор, заминая в винтовом перевороте свой фюзеляж или же капитан успеет опуститься на воду...?

Шум волн доносился до пассажиров, и Кира увидела, как самые отчаянные начали вываливаться через люки и иллюминаторы. Люди разбивались о воду, теряли сознание, тонули, а выживших зашибали падающие обломки. Черные волны ненасытного штормового моря поглощали жалкие трупы.

Кира и Эрик неподвижно наблюдали за происходящим.

Капелька соленого пота, пропитавшего рубашку и порванный пиджак, сорвалась с висевшего над Кирой юноши и разбилась о ее макушку. А может просто погода портилась, и начинался дождь... Ночное небо постепенно заволакивали грозовые тучи. Снижаться в такую погоду становилось труднее с каждой минутой, но капитан не мог спешить. Любое резкое движение могло высечь искры и спровоцировать взрыв водорода.

– Давай попробуем добраться до парашютов! С другой стороны, на такой высоте парашют уже не успеет раскрыться... – Эрик не знал, как лучше поступить. – Ты же понимаешь, что сейчас наш дирижабль – это огромная летающая бомба замедленного действия, которая рванет в любую секунду! Надо убираться отсюда!

Все-таки эти слова подействовали. Кира сделала рывок, силясь подняться, но повалилась обратно, застонав.

– Кажется, у меня вывихнута нога... – на глазах проступили произвольные слезы. Эрик стал распутываться в такелаже. Прошло несколько долгих минут. Он уже освободил руку, и теперь узел был только вокруг ноги.

Юноша рывком дернул канат, освобождая ногу, но не рассчитал силу и повис на противовесе – гигантской чугунной гире, которая из-за его маневров теперь раскачивалась в аккурат над Кирой. Остальные канаты, как вываренные спагетти, вывалились за борт, чуть не утащив за собой девушку...

Гиря поползла вниз, набирая скорость...

– Я ее не удержу, Кира!

Канат проскальзывал через ладони, сдирая с них кожу.

– Кира!

Гирия падала на голову, как гильотина...

– Кира, ты должна прыгнуть! Прыгай! Живо! Сейчас!

Раздалось шипение и полыхнула вспышка. В небе загорелось новое солнце, и светло стало точно днем. Огненный орел озарил облака и отразился в черном море. Из солнца сыпались и сыпались человечки – разорванные тела, держащиеся за руки, будто собирающиеся водить хороводы. Обломки каркаса на секунду зависли недвижимые в воздухе, а затем медленно полетели навстречу воде, ускоряясь в геометрической прогрессии. Горящий «Мирный» рухнул на воду, подмятая под себя людей и обломки.

Неистово шипя и извиваясь, языки пламени метались по обшивке, силясь найти сухое место, еще не объятые огнем. Но цеппелин, как рукотворный остров, начал погружаться под толщу воды, и та, испаряясь, но все же подступая к горячей махине со всех сторон, медленно поглощала куски палуб, доски, двери, комплекты нераспакованных спасательных жилетов...

Где-то слышались неразборчивые крики. Кира поняла, что почти оглохла – взрывная волна оглушила ее. Девушка безвольно болталась на плаву, ухватившись за обломок мачты, прислонившись обожженным лицом к металлическому крепежу. Кожей она чувствовала холод, холод, холод... холо... хо...

Холод. Лбом она чувствовала холод. Пронизывающий до самого мозга, но приятный, как утренний снег.

Опять один и тот же сон с катастрофой.

Даже не сон, а воспоминание, которое настигало Киру снова и снова. Стоило ей закрыть глаза – алая вспышка в небе. Весь этот бред, тянущийся дни и недели... походивший на кому... встающий комом в горле после воспоминаний... Эрик... Мари... другие люди, пробивающие своими телами воду, будто асфальт. Железная вода перемальывает стопы в труху... фарш... она не чувствует ног... вода хочет размозжить кости... солью разьесть суставы... ее накрывает волна... нечем дышать... новые трупы... вспышка взрыва... обожженное лицо мертвого официанта... доски... горящая обшивка фюзеляжа... ночь... держаться за обломки... огни лодок... крики... спасательный канат... санитары... операция... больничная палата... несколько дней в бреду... и этот холод.

Веки ее приподнялись, но она ничего не увидела. Кира хотела закричать, что ослепла, но тут чернота, повинувшись ее внутреннему позыву, сама, словно бархатная кулиса театра, отъехала в сторону, впуская белый свет больничной палаты.

Тут же Кира поняла, что на лбу и на глазах у нее лежала чья-то ледяная рука. Она попыталась повернуть голову, но

вкрадчивый голос предупредил ее:

– Стой. Не двигайся. Лучше я сам пересяду. – Тон был доброжелательный, успокаивающий.

От изголовья кровати отошел молодой человек.

На фоне белых стен палаты контрастно выделялся его черный костюм. В таком можно идти на кладбище. И первая мысль Киры – что за ней пришли из похоронного бюро.

Лицо же наоборот – до того бледное, что практически сливается с цветом палаточных стен. И только молодые глаза светятся нетерпеливым и радостным блеском. Только глаза казались живыми, в остальном внешность была изможденной и уставшей. Вокруг век зияли мешки бессонных ночей. Щеки впали. Губы нервно обкусаны.

– Не узнаешь меня? – лицо попыталось улыбнуться, отчего белая кожа сбилась в складки на скулах.

Кира все еще непонимающим взглядом осмотрела помещение: белая палата на троих человек. Рядом с ее кроватью стояла еще одна, на которой лежал... Эрик! Кира невольно улыбнулась. Между кроватями тумбочка – на ней уцелевшая фотография ее семьи: отец, мать и она. Снимок обгорел по краям и промок, но все же сохранил форму и изображение. Кто-то бережно высушил его и разгладил. Рядом с фотографией лежал букет красных роз.

Кирина взгляд вернулся к болезненно-худому лицу молодого человека.

– Влад? Это ты? Влад Дракула?

– Ну привет, сестренка, – холодная рука снова опустилась Кире на голову и легонько потрепала по волосам.

– Где мы? Почему ты здесь...? – Кира хотела задать кучу вопросов, но дыхание прервалось от волнения.

– Тихо-тихо, – попытался успокоить ее Влад. – Все хорошо. Ты в больнице Вознесения юродивого Гагари. Ты в Петербурге, столице Соединенных Штатов Россссии. Теперь ты дома.

– Но наш дирижабль...

– ... разбился, – тут же подтвердил Влад. – Давай я просто буду говорить за тебя?

Он усмехнулся, обнажив ряд ровных белых зубов.

– Вы упали совсем недалеко от берега. Прямо в Финском заливе. Спасательные службы тут же прибыли на место крушения, хотя, по правде говоря, спасти было почти некого...

Кира невольно бросила еще один взгляд на Эрика.

– С ним все в порядке. Медсестра делала ему перевязку, когда я пришел, – Влад говорил равнодушно. – Хотя его состояние гораздо тяжелее твоего. Раз ты очнулась, значит тебя скоро выпишут... а у него компрессионный перелом позвоночника, винтовой перелом бедра. Кости раздроблены... К тому же, отбиты внутренности, ожог третьей степени... ну и так далее... – поморщился Влад. – Думаю, он навсегда останется калекой.

Помолчав, он спросил:

– Ты его знаешь?

– Знаю, – Кире не хотелось об этом говорить.

Ее двоюродный брат, Влад Дракула, никогда не отличался умением тактично подбирать слова. Хотя как она может судить о нем, если виделись они так давно? Последний раз еще до войны... В детстве, когда Кирина мама, сестра Адольфа Дракулы, была жива, они часто ездили к ним в гости. Тогда Влад и Кира были близки... Но время уносит с собой старые воспоминания. И с тех времен почти ничего не осталось.

– ...А Мари? – растерянно спросила Кира.

– Ты про маркизу де Феррер? – не трудно было догадаться, о ком спрашивает его сестра. Естественно, что в путешествии она общалась с высшим обществом. А оно не настолько большое, чтобы кого-то не знать.

– Жива, – Влад как-то отстраненно посмотрел мимо Киры. – Но ее состояние еще хуже, чем у этого молодого человека... прости, не знаю имени. Маркиза в другой палате, подключена к аппарату, который поддерживает в ней жизнь. Но, повторюсь, шансов мало... У нее проломлен череп и...

– Прошу, перестань! – взмолилась Кира. – Я хочу ее видеть!

– Не думаю, что это возможно, – в голосе Влада прозвучали ледяные нотки. Но он тут же сменил интонацию. – Просто врачи не разрешат. Ей нужен покой, да и тебе тоже.

Кира сникла и попыталась увести разговор в другую сторону:

– Бледный ты стал чего-то... Я тебя другим запомнила.

Влад немного помедлил: «Сказать ей или нет?»

– Когда тебя привезли... ты истекала кровью... Много потеряла... Срочно требовался донор для переливания. Мы с отцом и так собирались тебя встретить, а тут катастрофа – я тем более приехал сразу, как только смог. Я – твой родственник, может поэтому кровь подошла. Да и искать тогда, кого-то другого не было времени. Так что... теперь у нас общая кровь во всех смыслах! – он засмеялся, но не особо весело.

– Но сколько я здесь уже?

– Четыре недели.

– И все это время...?

– Да, тебе несколько раз переливали мою кровь. Наверное, были и другие доноры, не знаю... Но я молодой, к тому же родственник. Никто не подойдет тебе лучше, чем я.

Кира не знала, что ответить. Он спас ей жизнь.

– Я... – она замялась.

– Не говори ничего, – он снова рассмеялся, но все еще тяжело, туго. – Тебе надо отдохнуть. Я приеду за тобой завтра в это же время. Попробую договориться, чтобы тебя выпи-сали.

– А мои вещи?

– Ничего не уцелело. Только твоя фотография, – Влад показал на тумбочку. – Об отце не волнуйся, мы уже послали несколько телеграмм, в которых подробно описали твое самочувствие. Естественно, не без эвфемизмов. Сегодня напишу еще, скажу, что ты пришла в себя. А по поводу вещей не

переживай. Я что-нибудь придумаю. А теперь отдыхай.

Он поднялся и уже собирался выйти, но еще задержался в дверях.

– Я рад, что ты приехала... хоть ты и свалилась на нас с неба... – он глянул через плечо и в этот раз улыбнулся по-настоящему, а потом вышел в коридор быстрым шагом.

Когда Кира проснулась на следующий день, в палате была суета. Две сестры милосердия перевязывали Эрика. За последние сутки он так и не пришел в себя.

Третья медсестра меняла букет возле Кириной койки. Сегодня – пышные пионы нежно-розового оттенка.

Увидев, что Кира не спит, медсестра ей жеманно улыбнулась.

– Он так заботился о вас, мисс. Первую неделю вообще не уезжал из больницы!

– Кто? – спросонья не поняла Кира.

– Ну как же. Ваш жених! Худой такой и ходит все время в черном.

– Это не жених... это мой двоюродный брат... – объяснила Кира, рассеянно протирая глаза.

Тут медсестра ошарашенно отстранилась от постели. Она выпрямилась и резким движением одернула передник, на котором Кира прочитала имя «Карла».

– Вот оно что... – и замолчала, уже не улыбаясь.

Копошение возле Эрика прекратилось. Медсестры вышли из палаты, предварительно открыв ставни, чтобы проветрить комнату. Свежий воздух летнего утра ворвался в помещение, растрепав занавески и лепестки цветов в букете. Кира видела краешек города и голубого неба над ним. Там, как

стеклянный штопор, разрезая пространство пополам высилась Императорская Государственная Постройка – самое высокое здание в городе. Вокруг него кружил рой разноцветных дельтапланов, похожих на треугольных бабочек или бумажные самолетики. Они то и дело садились на разных этажах небоскреба и потом взмывали вновь, унося на крыльях поручения, договоры и подписанные сделки.

Параллелепипед солнечного света на паркетном покрытии изменил очертания – дверь открылась и в палату вошла Карла. В руках у нее была коробка.

– За Вами приехали, мисс. – Чопорно отчеканила она. – Ваш... *брат*.

Как бы нехотя она протянула коробку.

– Это подарок. Он просил передать вам. Машина ожидает вас внизу.

Карла удалилась, держась нарочито прямо. «И чего она так изменилась, когда я сказала, что Влад – мой брат...?» Кира открыла коробку и развернула шуршащую бумагу. Черное однотонное платье. Такого же оттенка как вчерашний костюм Влада.

Решив, что Эрик все равно без сознания, она сняла больничную рубашку и надела подарок на голое тело. Платье село как раз – ровное, аккуратное, новое – оно не имело следов шитья, но при этом наверняка шилось на заказ. Никаких бирок и эмблем нигде не было. К тому же оно пришлось точь-в-точь по фигуре. Простота черного цвета и элегантность сти-

ля. «Интересно, как Влад так точно угадал с размером и фасоном...?»

Выйдя в коридор (хотя, «выйдя» – это сильно сказано: одна нога у Киры все еще была в гипсе, так что скорее «проковыляв на костылях» (с другой стороны, не описывать же походку девушки такими словами)), Кира нашла дежурного на этаже и попросила лист бумаги и самопишущее перо.

Дорогой Эрик!

Меня забирает мой двоюродный брат Влад Дракула. Видимо, я буду дома у дяди. Найди меня, как только поправишься. Адрес, к сожалению, не знаю. Но думаю, что пометье Дракулы найти нетрудно. Я с нетерпением жду твоего выздоровления! Очень надеюсь, что скоро все будет хорошо...

Твоя Кира

Кира зачирикала «твоя» так, чтобы слово было не разобрать и оставила записку возле больного.

Багаж весь сгинул, под кроватью не нашлось даже обуви. Только в тумбочке лежала подаренная Мари цепочка, которую девушка вернула на шею. Вероятно, медперсонал снял ее вместе с порванным платьем. Поэтому так – с одной босой ногой, и другой ногой в гипсе, в черном платье, едва достающем ей до коленок, с охапкой пионов в одной руке и фотографией семьи в другой (и при всем этом еще и на костылях), она спустилась на первый этаж и вышла из больницы.

Тело не слушалось, будто не принадлежало Кире. Она заново училась ходить. За месяц, который девушка пролежала в больнице, мышцы ослабли и атрофировались. Она шла медленно, но уверенно. Кожу на ногах покрывали шрамы в тех местах, где сломанные об воду кости, не выдержав сопротивления воды, порвали ее. Девушке было неприятно смотреть на них, но ведь другого выбора не оставалось. Пришлось пожертвовать ногами, чтобы выжить. Пришлось прыгнуть... И поэтому теперь, она старалась не думать о том, как выглядят ее икры сейчас. Влад мог бы и не дарить такое откровенное, короткое платье... с другой стороны шрамов почти уже не осталось, и если пристально не смотреть на ее ноги, то ничего и не видно, а брат ведь не стал бы разглядывать ее так внимательно. Значит, он просто не догадался...

Кира думала, что в черной одежде ей будет жарко, но на улице дул приятный восточный ветер.

На больничной парковке стояло несколько машин, поэтому Кира сразу увидела Влада. Он облокотился на красный кабриолет Астон Мартин с номером 666. «Вот ведь пижон!» – улыбнулась Кира про себя. Сам Влад встречал сестру в черном, почти в таком же, как и вчера, costume. И больше никаких излишеств, аксессуаров и другой шелухи. Его вид сам по себе являл завистливым взглядам мужчин и любопытным взглядам женщин нужный образ, при котором любые украшения казались бы дешевой бижутерией.

Впрочем, он носил один единственный платиновый пер-

стеню с выгравированным гербом своей семьи и девизом: «Чистота крови».

Когда Кира подошла к автомобилю, Влад галантно открыл перед ней дверь, Кира улыбнулась, кажется, впервые с их вчерашней встречи.

– У тебя прекрасные клычки, – Влад сделал странный комплимент в духе их семьи. Также когда-то говорил Дракула-старший ее маме.

Брат обошел машину с другой стороны и сел за руль.

– Да кинь ты их на заднее сиденье, – он показал на цветы. – Нет, стой, давай я сам.

Кира послушалась и отдала ему букет. Тот отправился назад, вслед за костылями.

Все было готово к поездке. Рука Влада потянулась к ключу зажигания, но остановилась в нескольких сантиметрах от него.

– Что это у тебя на шее? – и не дожидаясь ответа, сказал: – Ты не могла бы...

– Что? – не поняла Кира.

Влад поморщился, не глядя на девушку.

– Сними. Цепочку.

Кира скосила глаза на свой бюст.

– Эту? – удивилась она.

– Да. Серебро? – высказал свое предположение Влад, заранее зная ответ.

– Серебро, – подтвердила Кира.

– Снимай. – Он открыл бардачок, предоставляя Кире возможность самой положить украшение туда. Она, не задавая вопросов, поспешным движением сунула цепочку в кучу водительских документов и ворох фантиков из-под гематогенок. Кире не хотелось расставаться с подарком Мари, который теперь был больше, чем безделушкой, он стал воспоминанием о том времени их отпуска, когда маркиза лежала на шезлонге, попивала дайкири и колола морфий для развлечения, а не в качестве болеутоляющего, но тон Влада не терпел возражений.

– И больше не надевай.

Видя непонимающий и взволнованный взгляд, он объяснил:

– У отца очень сильная аллергия на серебро. И мне передано по наследству. Слишком... блестит.

Пока они неслись по проспекту и ветер обтекал кабриолет с таким свистом, что, казалось, стоит поднять руку над лобовым стеклом и этот свист унесет крайние фаланги пальцев с собой, Влад развлекал Киру рассказами про Россссию. Кое-что Кира знала и так – учила в школе, но в Новой Англии не преподавали, например, именно историю США, а только курс по Европеи в целом, поэтому она с увлечением слушала, что говорил ей Влад, перекрикивая шум ветра в ушах.

Соединенные Штаты Россссии – это самая восточная и самая большая страна в Европеи. Самой большой она стала, когда в 1867 году купила свой самый отдаленный штат – Аляску – у Американской Федерации – самого главного противника на геополитической арене. Правда непонятно было, раз они враждуют, зачем Америка продала свои земли. Полезные ископаемые Аляски и других регионов укрепили положение Россссии и позволили встать на путь индустриализации, что сделало страну самой мощной экономической державой, с самой развитой промышленностью и самыми большими запасами ресурсов.

В Россссии любили все «самое-самое».

Впрочем, думала Кира, наверное, до Мировой войны Россссия и Америка не враждовали, тогда они еще были союзниками поэтому покупка Аляски далась так легко. Одна-

ко после, две эти сверхдержавы разрослись до такого размера, что в итоге уперлись друг в друга своими границами на той стороне планеты.

Несмотря на то, что история страны была *самой* насыщенной на события и *самой* сложной по сравнению с другими странами Европы (по крайней мере по мнению россиян-патриотов), разобраться в ней оказалось нетрудно: каждый новый виток истории страны сопровождался насаждением в название дополнительной буквы «с». Так уж сложилась традиция. А традиции в России чтили. В древности их предки жили на Руси – с одной «с», потом возникла Российская Империя – две, потом Мировая война и пролетарская революция, которую возглавил некий народный вождь Трудин. В честь него теперь непременно назывался проспект в каждом городе. Проспект вел к площади, а на площади стоял памятник с белой шапочкой голубиного помета на бронзовой лысине вождя революции.

– Все-таки фамилия у Трудина подходящая... От слова «труд»! Недаром он был вождем рабочих. Звали бы его Ленивин или каким-нибудь Лениным, например... кто бы за ним пошел тогда? – рассуждал Влад.

Их автомобиль как раз остановился на светофоре на площади Трудина.

– Вон, кстати, тут еще одна больница, а вон там...

Однако Влад отвлекся: после 1917 года ненадолго установилось правление коммунистической партии, и страну через

какое-то время переименовали в СССР – уже с тремя «с». Кстати, коммунисты успели провести некоторые реформы. В частности, "э" заменили на "ре". Так, слово "эволюция" преобразовалось в "революцию".

Но не прошло и нескольких лет, как в ходе Гражданской войны (белые армии Деникина, Врангеля и Корнилова действовали слаженно и одерживали одну победу за другой, ведя Донское казачье войско на север, к столице) произошла реставрация монархии с последующей демократизацией государственного устройства и переименования СССР в Соединенные Штаты Росссии.

– Вообще исторический путь Росссии – это собирание «с» в своем названии. Даже поговорка такая есть: «До прекрасной Россссии будущего осталось одно «СС».

– А почему в Росссии штаты, а не губернии, как, например было в империи? – спросила Кира.

– Ну как же! Это же известная история. Император наш выступил как-то с объявлением, мол, так и так: «Я сменил свой мундир и вышел к вам в штатском. Поэтому у нас теперь будут не губернии, а штаты. И я для вас больше не император, а президент и править буду только четыре года». Только никто, конечно, не поверил. Ведь даже если император объявляет себя президентом, он от этого не перестает быть императором. И, к слову, правит-то он уже куда больше...

Что же касается Европы, говорил Влад, хотя она и бли-

же к Россссии территориально, тем не менее, идеологически скорее относится к Америке. Поэтому они заключили военный союз НАЭТО – Небесный Альянс Экс-Тевтонского Ордена (раньше страны были объединены в НАТО). Однако Россссия, благодаря своим размерам, в союзниках не нуждалась. Она сама по себе один большой союзник. А добыча полезных ископаемых на крайнем севере, да и на той же Аляске, позволили Россссии начать новую эру воздухоплавания, что сделало из нее «Дирижабельную Державу» – как ее иногда называли в Европе, подразумевая, что сейчас Россссия превосходит все страны по количеству боевых дирижаблей.

– Тем не менее, – объяснял Влад, – воздушный флот НАЭТО, возможно не уступает нашему, но, естественно, все эти данные засекречены... Все равно Россссия – сверхдержава! Вон, сколько у нас изобретений: радиий в радио используют для передачи сигнала, Спутник-V... Да чего только наш «Дирижаблестрой» стоит!

Кира пропустила эту пылкую речь мимо ушей, она думала о другом:

– И зачем Россссии столько боевых дирижаблей...?

– Ты не понимаешь, потому что только приехала из Новой Англии. Хотя ты же руссская! Мама твоя – руссская. Ну!

– Как будто Россссия к войне готовится...

– Чего не знаю, того не знаю. Но мой отец, а ты знаешь, что он министр информации, так что он-то в этом разбирается, так вот, он всегда говорит, что война – это крайняя мера.

Побеждает тот, кто последним обнажит свой меч! Мировая война была ужасной. Ты потеряла маму, отец много рассказывал о смерти сестры. У всех у них, взрослых, еще сильна память о той войне, они не допустят новой.

Влад начал объяснять, что как раз такое наигранное противоборство, так он и сказал: «наигранное», спектакль противостояния между Россссией и НАЭТО во главе с Америкой – как раз оно и обеспечивает мир. Два идейных полюса – это, как две ноги, на которых стоит планета. Две чаши весов, уравнивающие друг друга. И все ради мира, лишь бы не было второй такой войны.

– Ты думаешь все это не по-настоящему? Эта агрессия... заявления министров...

– Конечно! Отец в министерстве пропаганды гнет свою линию: мол, все они там на западе давно уже... – он не договорил. Астон Мартин резко вильнул влево, объезжая пешехода. – А они, в Америке говорят то же самое про Россссию. Информационная война лучше обычной. А на деле, видишь: ты из Новой Англии смогла спокойно приехать сюда, и никто тебя и пальцем тут не тронет.

– Может все это и неправда, но дирижабли-то настоящие. И бомбы они возят тоже настоящие...

– Ну не знаю, что тебе на это сказать, – он отмахнулся.

Дальше ехали молча. Мимо проносились бакалейные лавки, типографии, левославные храмы рестораны и кафе, магазины одежды, дорогие особняки, поисковые конторы «Ме-

сье Рамбле Р.» предприятия и цеха «Дирижаблестроя», парки и скверы. Дома старались перепрыгнуть друг друга, соревнуясь то в высоту, то в длину. И поверх крыш торчали новые крыши, а за ними еще и еще. А над всем этим многообразием возвышался колосс Имперской Государственной Постройки.

Влад припарковал Мартина возле серого невзрачного семиэтажного здания с грязными колоннами у входа.

– Что это? – спросила Кира.

– Институт «Газетоведения», – ответил Влад. – Сюда ты поступаешь. Здесь и я учусь, только на курс старше, а отец ведет лекции. Хотя, конечно, у него много работы в министерстве, поэтому управлять институтом, а тем более лично вести лекции студентам у него нет времени, но его занятия – это нечто! Хотел просто тебе показать место. Потом будем вместе сюда ездить.

Кира отвернулась от серого здания, нагонявшего на нее тоску. Слишком яркие еще были воспоминания о детстве, когда, после смерти матери, отец решил отдать ее в пансионат с холодными спальнями и мерзкими воспитательницами. Она любила отца, была привязана к нему, а тут оказалось, что он оставил ее, также как поступили и другие отцы, вверившие своих дочерей на воспитание леди Спайк.

«Вставайте, мисс Неботова», – каждое утро железный голос прорывался сквозь дымку детского сна.

Голос гремел под рокот механического гудка, сменяюще-

го сладкий пар сновидений на едкий пропитанный техническим маслом дым: «Леди не пристало лежеботничать!»

Облака медленно тухли в открывающихся глазах. Закат сна растворялся в голубой радужке, умирая бликом от включаемого настольного светильника. Глаза походили на озера, по краям которых росли бархатные леса слипшихся ресниц. Веки мягко открывались, и хлорированная реальность подушки резко врезалась в сонную щеку.

Злой гудок леди Спайк раздавался снова.

«Меня зовут Кира. И я не леди. Я просто девочка» – злобно, но шепотом отвечала маленькая Кира в простыню, из-под которой показывались босые тонкие ножки. Железная кровать пансионата отпускала свою пленницу до следующей ночи. Морфей сдавался, ибо с восходом солнца даже в детстве волшебство всегда умирает.

Механическая леди Спайк стояла уже над другой кроватью, оперев грубые руки в кости своих боков. И еще, и еще из белых простыней и подушек показывались другие нечесанные головы благородных девочек. В комнате их жило четверо, из всех Кира была самая младшая, и поэтому доставалось ей больше всего. Выходя в коридор, леди Спайк бросала сердитый взгляд на до сих пор не заправленную кровать у двери. У девочек оставалась четверть часа, чтобы привести себя в порядок: умыться, надеть противно-чистые платья, заплести косички и спуститься на завтрак, где, как обычно, подадут пережаренный бекон, бобы, вареные яйца.

После у детей начинались занятия, как в обычной школе, только учителя, почему-то относились строже и придирались больше ко всем воспитанницам пансионата. Занятия длились до вечера, потом еще раз кормили, потом обязательная стирка и уборка своих вещей, которых было, к слову, немного. Девочкам не разрешалось иметь ничего своего, кроме того, с чем они приехали сюда. Тут им выдавалась пара туфель и другая пара зимней обуви, но это потом, осенью, темное платье простого покроя из грубой ткани, колготки, набор для гигиены и другое. Так, они постоянно стирали ненавистную и не свою одежду, мыли пол, протирали тумбочку у кровати. Каждый год, осенью получая новый комплект одежды от старших детей, они приводили его в порядок, превращая в свой.

Каждой девочке, несмотря на запреты леди Спайк и других воспитательниц, хотелось как-то выделиться на фоне подруг. Одна прятала найденную брошку под кофту, другая носила заколку, поспешно снимая, когда рядом появлялась воспитательница. Кира зашла дальше всех. Узнай взрослые о том, чем она занималась, ее бы, наверняка, отчислили и отправили домой. В тумбочке у нее было что-то вроде тайника, мирка, в котором она собирала всякую всячину: резиночки, металлический шарик, кусок химического карандаша, половинку кураги или черносливины (тогда она их еще не различала), еловую шишку, ключик, непонятно зачем, ведь замков у них не было, вырезку из газеты, об окончании войны

и фотографию с родителями.

Но и на этом Кира не остановилась. Там, где кровать упиралась в стену, она содрала кусок обоев (он тоже отправился в тайник) и так, чтобы никто не видел – одеяло заслоняло тайну – по ночам писала химическим карандашом на стене. Писала она, в основном, всякие гадости: «*Спайк – дура*» (в оригинале фраза звучит иначе, но не будем дискредитировать маленькую девочку) или «*23.06. Эмму выпорол. И правильно сделали*». Были тут и совсем старые надписи. Когда место заканчивалось, Кира либо отдирала обои дальше, либо шаркала рукой по стене, стирая старое. Второе она делала реже.

Еще она планировала убежать из пансионата. И это желание было таким сильным, что, казалось, оно вот-вот обретет материальную форму. Ну не мог Кирин отец, ее добрый, любимый папа отдать ее в такое ужасное место! Нужно было непременно вернуться домой и рассказать, что с ней происходило во время обучения!

Под кроватью, куда леди Спайк никогда не заглядывала, не потому что ей лень, а потому что ей, в сущности, было наплевать, Кира собирала одежду для побега. Штаны, мальчишеская куртка, ботинки и солдатский вещмешок. Все это она нашла за те редкие прогулки по городу в сопровождении воспитательниц, которые у нее были. Проносить их в комнату было труднее всего, но Кира оказалась хитрее, и каждый раз в ход шел новый способ. То она просила вернуться

в комнату, из-за больной головы, то держалась рукой за живот или, вернее сказать, придерживала спрятанные там штаны, чтобы те не выпали из-под накинутого поверх пальто. Однажды ей совсем повезло, и она выпросила у мальчика на улице обувь и куртку, когда воспитательниц не было рядом. Кира просто пронесла это в свою комнату и положила под кровать, никто ничего не видел. Вот так повезло! Она знала, что, если это найдут – будут бить. Бить до крови, может, до потери сознания, но ведь не должны найти...

Ох, как не хватало ей в ту минуту кого-нибудь родного рядом.

Кира вспоминала, как до смерти матери все было иначе – как тогда, на даче, слыша раскаты грома, она – маленькая картавая девочка – с воплем «глоза!» прибегала в спальню двоюродного брата и, становясь теплым одеяльным айсбергом, забиралась к нему в кровать, впадая в летнюю спячку до самого полдника – ровно до тех пор, пока Влад, несколько раз потрепав ее по голове, ни скажет на старомодный манер, что «чай-с уже подан». И тогда спустившись на веранду, они рассядутся за столом, покрытым выцветшей клеенкой, ведь окна выходят на южный сторону, и, налив горячий кипяток в блюдца, будут, сладко прихлебывая, чаевничать...

Бежать она собиралась совсем скоро, нужно было вернуться к папе, туда в загородный дом. Для этого необходимо лишь поймать автомобиль, оттопырив большой пальчик, или раздобыть билеты на пригородный поезд, или... Как он

решился отдать свою единственную дочь сюда? Да, он потерял жену, и ему, наверное, тяжелее, но почему...?

Иногда желания обретают покровительство мысли, и тогда позыв превращается в идею, а идея в план. А мы всегда живем по плану, потому что нам кажется, что все, происходящее потом с нами – единственно правильный путь. Ведь мы герои. Мы родились и выросли на историях про рыцарей. А рыцари убивают драконов! А значит мы и добрые и обязательно победим зло!

И жизнь нас дразнит, и сама дает то, чего хочется именно сейчас. Стоит куда-то поспешить и тут же на остановку походит нужный трамвай или омнибус, или мы хотим поговорить с человеком, а он сам пишет письмо или даже (подумать только!) попадаетея случайно на улице. В городе, где столько людей, попадаетея тот единственный...

Так и Кира: всегда она знала в какую минуту, где надо быть, и все складывалась вокруг так, будто кто-то невидимый взял ее руку вел за собой сквозь неразрешимый, путанный лабиринт времен и пространств. Как маяк, этот кто-то освещал путь от станции к станции и дальше. Видеть этот маяк – особый дар, которым обладают только ребенок или волшебник. Может, Кира была и тем, и другим? И потому, повзрослев, не научилась видеть свет. Быть может теперь этим маяком был Влад, ведь он забрал ее к себе, став частью ее истории?

Влад улыбнулся, глядя, как сестра напряженно думает о

чем-то ему неведомом.

И его автомобиль помчался дальше, оставляя позади след алых фар. Они переехали мост и встали в небольшую пробку по набережной.

На съезде была авария, у которой стоял регулировщик в форме. «Граждарм» – назвал его Влад.

Граждарм – как много в этом слове для сердца руссского слилось... в сущности – Росссия и воплощает в себя эту мировую дихотомию. Граждане и жандармы переодически меняются местами. И все люди в нашей стране делятся на сажающих и посаженных, а иногда это и вовсе один и тот же человек.

Отсюда с набережной открывался вид на Кремль – он же Кремовый Замок – главную резиденцию Императора. Белые, как будто бумажные, стены ярко отражали солнце. Каждая из башен венчалась звездой – символом того, что дирижабли – это не предел, и грядет сверхновая эра воздухоплавания, когда Росссия начнет покорять космос.

– Знаешь почему Кремль?

– Что? – не расслышала Кира, все еще находясь в своих детских переживаниях.

– Я говорю, знаешь почему Замок назван Кремовым?

Кира задумалась.

– Потому что белый? Как крем на торте.

– Нет, – Влад усмехнулся, – но почти. По легенде город был основан на берегу реки. А река была молочной. «Молоч-

ная река, кисельные берега...» – процитировал он какую-то летопись или сказку. Что, по существу, одно и то же. – Молоко взбивалось на порогах и получался крем и сливки. Их тут много было. Конечно, не сам замок из них построили, но люди начали торговлю маслом. Так город стал экономическим центром, а также центром молочной продукции. Поэтому есть еще один топоним, присущий только Петербургу: «белые ночи». Это особое время в году, в июне, когда устраиваются ночные гулянья и ярмарки. А петербургские купцы продают молочную продукцию, поэтому и «белые». До революции стен не было. И здание называлось Зимним Дворцом. Опять же, цвет зимы – белый. Но потом, наученный историческим опытом, император повелел воздвигнуть вокруг дворца стену и вот, пожалуйста, это уже не Дворец, а Кремль. А разница – в одном заборе. Россия вообще-то вся – страна заборов...

Кира была в восторге от старинной легенды, которая так легко привязывалась к исторической правде.

– Расскажи еще что-нибудь, – попросила она

– Например?

– А расскажи... про свою семью! Правда, что вы вампиры?

Тут Влад расхохотался так, что на секунду выпустил руль.

– Вот умора! Вампиры! Ха-ха! – не мог никак отсмеяться

Влад Дракула. – И кто же это сказал?!

– Ну... – Кира постеснялась своего прямого вопроса, но,

видя, как он развеселил Влада, тоже улыбнулась.

– Твой папа тебе это сказал! – догадался Дракула. – Когда ты ехала сюда! И еще что-то вроде: «Берегись этих кровожадных пиявок!» Ха-ха-ха!

Кире стало неприятно, что Влад так говорит про ее отца. Тем более, что он угадал почти слово в слово.

Наконец, брат отсмеялся.

– Кир, послушай. Ну какой я вампир, а? Нет, может когда-то в древности... но все это просто семейная байка, которую мы используем в нашу пользу. Отец – влиятельный человек, ему нужно поддерживать имидж. Ну и да – у нас в семье, если можно так сказать, есть ряд особенностей... У отца фотофобия. То есть он не переносит солнечный свет и яркие цвета. Поэтому мы все в черном. И ты тоже. И тебе придется носить черное, раз ты теперь часть нашей семьи...

– Спасибо за платье! – спохватилась Кира, но Влад отмахнулся: мол, пустяки. И не обращая внимания на ее благодарность, продолжил говорить:

– Также у него альбинизм, поэтому он бел, как нежить, а еще аллергия на серебро и плохая реакция на кровь. Поэтому ему приходится придерживаться особой диеты и вести определенный образ жизни. Да, он ходит в черном, бодрствует по ночам и пьет красное вино, но для вампиризма этого маловато, зато достаточно для любителей сплетен и завистников.

– Много заболеваний для одного человека... – озабоченно

сказала Кира.

– Тому виной история нашего дома, которая долгое время была помешана на сохранении чистоты крови, что неизбежно приводило к бракам внутри семьи, – Кира думала, что Владу эта тема неприятна, но говорил он спокойно.

– Влад! – вдруг как будто вспомнила Кира, – почему медсестра в больнице так удивилась, когда я сказала, что ты мой брат?

Он нахмурился.

– Не знаю, – признался Дракула-младший. – Что же до истории нашего дома, – продолжил он. – То меня, например, назвали в честь какого-то там прапрадеда Влада Третьего Цепеша. Говорят, он жил в Трансильвании, и сажал турков на кол. Ну так это было средневековье – оно и понятно. Честно говоря, об этом я знаю мало. Отец и твоя мама – были единственными наследниками рода. Но тетя жила в Новой Англии, а отец не особо разговорчивый.

Скоро они выехали в пригород, который некогда была самостоятельным городком и потому здесь, на окраине, где по большей части строились новые огромные, но непрочные дома – урбанистические памятники российского империализма, сохранилась старинная архитектура прошлого века.

Машина свернула с основной дороги и закружилась по брусчатому серпантину маленьких извилистых улиц.

Дома и дворы переплетались и делились трещинами, заборами, оградами. Здания так и норовили выпятить острый

карниз или кривой, поросший мхом, угол, из которого давно вываливались кирпичи.

Запутанный лабиринт переходов, кустов и детских площадок порождал свой собственный мир, спрятанный от большого города, на окраине которого он разродился.

И только старая кирпичная пожарная башня, выглядывающая над электрическими проводами и ни с кем не соревновалась. Казалось, она стояла здесь еще до появления домов, города и даже людей. Она не принадлежала людям, не принадлежала времени, была вне его. Она по-своему заменяла стеклянную Имперскую Государственную Постройку, которую отсюда, из старого города, было не видеть. Красные кирпичи крошились и выпадали, свои окна башня давно растеряла, и в слепых отверстиях просвечивала винтовая лестница, ведущая наверх. В сквозных дырках виднелось небо, через трещины пророс плющ.

Стены соседних домов покрывал декоративный виноград. Сплетенные между собой лианы растопыривали зеленые листья-пятерни. Лианы казались такими крепкими, что по ним можно было бы забраться на крышу, покрытую стальными листьями, которые нагревало июньское солнце. Там же среди лиан птицы вили себе гнезда из палочек и сора, которого во дворах была навалена целая куча. Дворники не доходили до сюда.

На помойке копошились вороны, трансформаторная будка угрюмо гудела, гоняя по проводам электрический ток. Все

это было ново и загадочно, совсем не похоже на тот шумный Петербург, который остался позади. Здесь даже привычные предметы обретали какой-то еще не открытый, таинственный смысл.

Дворы не были чем-то единым. Непохожие друг на друга дома – казалось, они стоят вразнобой, будто те, кто их строил, ссорились и пытались урвать кусок земли у своих врагов. Все выглядело живым, здания дышали и двигались вместе с шорохом шин автомобиля. Машин тут почти не было, потому что они не имели здесь власти. Это был старый мир, не знающий техники, поэтому, Кира уже чувствовала это, здесь господствовали совсем иные силы... Да, именно в таком месте и должно располагаться поместье Дракулы. Как бы на неприметной окраине, но на самом деле в центре, ибо дом министра информации – это центр России. Править из тени удобнее всего. Не привлекая лишнего внимания, граф дергал императора и министров за ниточки. Кира почувствовала это, просто оказавшись среди этих домов.

Мощные проходы, вьющиеся лентами, бордюры и клумбы, притирающиеся друг к другу окна, через которые можно легко перекрикиваться – образовывали лабиринт. Он поглощал, завлекал и манил новую гостью.

Здесь легко можно заблудиться, если не знать секретных ходов, но знают их лишь те, кто рос на этих улицах, те, кто с самого детства находились здесь. Этот мир не терпел чужаков. Здесь не работали правила. Дорожки струились и сво-

рачивали там, где никогда ни одна дорога не свернула бы и появлялись вопреки логике и архитектурной задумке.

Астон Мартин проехал мимо черного чугунного забора, обвитого декоративным плющом, и остановился у ворот, за которыми виднелся темный еловый лесопарк.

У дома напротив возвышались греческие статуи из лепнины. Атланты, забытые своими богами, устало подпирали балконы второго этажа. Никому не нужные, с крошачьими мускулами, статуи принадлежали тому времени, когда пожарная башня работала по назначению. Они знали про нее все, но разучились говорить. А может в человеческом языке не хватало нужных слов, чтобы описать все, что здесь происходило когда-то давно.

Сначала, Кира подумала, что дом с атлантами и есть поместье Дракулы, но Влад вышел из машины и открыл чугунные ворота, от которых вела еще одна дорога, уходившая под тень еловых веток. Шины зашуршали по грунтовке.

– Отец любит уединение... – ни к кому не обращаешь проговорил Влад. Он вел, будто загипнотизированный, не отводя глаз от петляющей дороги.

Из-за деревьев выступил особняк. Дом походил на замок: грубо выделанные русты облицовывали фасад. На массивном фронтоне виднелся герб дома – летучая мышь с распростертыми крыльями. Третий этаж кончался маленькой башенкой, похожей скорее на ротонду, нежели на настоящее боевое укрепление. Крутые скаты черепичной крыши по-

крывал сор, нападавший с соседних деревьев, которые росли на участке. К старинной двери вела лестница, испещренная трещинками. Ни в одном из окон свет не горел. Дом словно пустовал.

Поместье было построено в прошлом веке. Готический стиль казался нарочито мрачным и угрожающим, настолько, что это просто не могло быть правдой, будто мультипликационный персонаж, нарисованный специально так, чтобы зрители поняли, что перед ними действительно злодей.

– Ну вот ты и дома, – Влад вышел из машины. – Наверное, отец спит, – предупредил он. – Сегодня ведь особенно солнечно. Поэтому ты, если что, не удивляйся, что так пустынно...

Он потянул за кольцо и открыл тяжелую деревянную дверь. Та медленно отползла в сторону, обнажая темные недра центрального зала, похожего на волчью глотку. Кире на мгновение почудилось, что стоит ей переступить порог, и она уже не сможет выйти обратно.

– Входите смело и по своей воле! – раздалось из глубины.
– Father! – обрадовался Влад.

– Ко мне, мои мальчишки! – повелел голос из темноты.

Кира тут же хотела поправить дядю, что она все-таки, пожалуй, девочка. Но вдруг раздался лай, и она поняла, что Адольф Геннадьевич обращался к псам.

– Я включаю свет! – предупредил своего отца Влад. В зале загорелось несколько тусклых светильников. В это время дверь на улицу закрылась, и солнце перестало проникать в здание. Внутри стало только темнее.

Граф Адольф Геннадьевич Дракула, министр информации Соединенных Штатов Росссии и ректор Института «Газетоведения» стоял в центре залы в окружении двух кровожадных доберманов, приветствуя только что прибывшую гостью. На глазах у него были надеты солнцезащитные очки, выкрашенные в черный волосы зачесаны назад. Черный сюртук походил на мантию. В руках – черная трость с песьей головой на эфесе. На ногах – черные кожаные ботинки.

Сутулая мрачная фигура отстраненно, но с должным почтением подозвала Киру к себе и, взяв ее ладонь в свои холодные бледные руки с длинными пальцами, покрытыми перстнями, и проступающими голубыми венами, старомодно поцеловала.

– Добро пожаловать домой. I'm glad you came, – приветствовал он на двух языках.

– Thank you so much. I'm glad too, – Кира поняла, что это проверка ее манер, поэтому поддержала разговор на английском.

– Дитя, знаю, как ты устала после дороги, и после того, что с тобой произошло... Да и после больницы тебе, верно, хочется немедленно переодеться и поесть, но прежде, чем дать тебе отдохнуть, я вынужден просить поговорить с тобой наедине. Пойми, это дело государственной важности! – добавил граф, наклонившись к самому уху племянницы.

Кира бросила растерянный взгляд на Влада, но тот лишь пожал плечами.

– А ты, – обратился Дракула-старший к сыну, – пока распорядись насчет ужина.

Граф повел девушку по винтовой лестнице и дальше по коридору до своего кабинета. Кира была слишком озадачена, чтобы сейчас изучать дом. На это еще будет время... Поэтому ничего толком не рассмотрев, она оказалась в кабинете Дракулы-старшего. Кабинет представлял из себя большую комнату с книжными шкапами по периметру и тисовым письменным столом по центру. За столом находилось панорамное окно, выходящее во внутренний двор. Впрочем, оно было занавешено шторами.

– Надеюсь, моя племянница простит мне мою неучтивость, но дело не требует отлагательств... Присаживайся, – он указал на кожаное кресло. – Я хочу, чтобы ты мне все рассказала.

– И что вы хотите знать? – все еще не понимая, спросила Кира.

– Все! Все о крушении дирижабля «Мирный». Счастье, что одна из выживших свидетелей катастрофы – моя дорогая родственница!

– Ну... – стала вспоминать Кира, решив не задавать лишних вопросов, – мы проходили Средиземное небо... Видимо, были уже недалеко от границы, где-то над Финским заливом... Был вечер. Где-то после ужина...

Она рассказывала, а граф делал какие-то пометки у себя на листе.

– Мы гуляли по палубе...

– Мы? – переспросил граф.

– Да, со мной был... друг, Эрик... Сын какого-то князя, кажется... он сейчас в больнице, откуда меня забрал ваш сын. Он тоже выжил. Потом я увидела самолет. Не наш, не русский. Эрик сказал, что это был перехватчик.

– Самолет?! – воскликнул Дракула.

– Ну да, потом толчок и...

– Точно ли был самолет!? – ему вдруг стало сложно сдерживать эмоции... Кире показалось что под темными стеклами очков забегали глаза.

– Точно, – Кира кивнула.

– Так-так-так... – тут граф снял очки, и в глазах мелькнули искорки, будто тысяча пазлов сложились наконец-то в одну единую картину. От напряжения на виске проступила

вена.

– А почему вы спрашиваете? – не выдержала Кира.

– Я думаю, – медленно проговорил он, – думаю...

Дракула никак не решался высказать свою мысль.

– Кира, дорогая моя племянница, боюсь, мои опасения подтвердились. Ваш дирижабль сбили.

– Этого не может быть! – воскликнула девушка, на секунду забыв о манерах.

– Я бы тоже хотел, чтобы это не было правдой. Но ты *сама* сказала, что видела самолет... Видишь ли, наш император поручил мне разобраться в этом происшествии и предоставить отчет в течение двух месяцев. Конечно, все нужно будет тщательно проверить... Но, к сожалению, уцелевших свидетелей не так много. И ты – чуть ли не единственная, кто сохранил рассудок. Я уже занимаюсь этим делом месяц, и пока что ситуация не в нашу пользу, мы уже осмотрели обломки, те, что сумели найти в воде, сопоставили баллистические отчеты... Впрочем, это сейчас не важно, я попрошу тебя в будущем мне помочь... Возможно, когда император привлечет меня к ответу, я призову тебя поучаствовать в моем докладе в качестве свидетельницы. Надеюсь, ты мне не откажешь... Но, если наши опасения подтвердятся, и это действительно была воздушная атака. Это будет означать только одно...

– Война... – испуганно прошептала Кира. И тут же вспомнила, что граф и так ведет информационную войну с западом. Однако, если НАЭТО или еще кто-то другой сбил их мирный дирижабль, информационная война перерастет в настоящую...

– Но ведь нужно проверить еще бортовой журнал и чер-

ный ящик «Мирного»!

– Конечно, конечно, – согласился граф. – Это я беру на себя. То, что ты рассказала сейчас – этого пока достаточно. Будь готова подтвердить это официально... Вместе мы доберемся до правды и разгадаем эту загадку. Ну а пока от тебя ничего не требуется. Забудь об этом разговоре. Тебя ждет поступление, к тому же тебе нужно обжиться у нас дома. Как я понимаю, вещей у тебя не сохранилось. Влад позаботится о тебе. Комната для тебя уже готова, а завтра вы поедете в магазины и купите все необходимое. Тебе нужно отдохнуть. Спасибо тебе, дитя, ты очень храбрая.

– Сколько уцелело людей?

– А ты все хочешь знать, верно? – Дракула-старший снисходительно улыбнулся. Улыбка плохо смотрелась на его мрачном лице.

– Включая тебя, девять человек, – ответил он.

Девять! Ей невероятно повезло... и она, и Эрик, и Мари попали в это ничтожно маленькое число. Ведь, не считая команды, на борту «Мирного» было 50 пассажиров. А теперь... почти все они мертвы...

Дракула видел, как Кира о чем-то сосредоточенно думает.

– Прошу тебя, не забивай этим голову. Просто живи обычной жизнью. Знаю, после того, что произошло это трудно, но у всех людей свои шрамы... Теперь ты в надежных руках. Я помогу тебе с поступлением, а Влад покажет город. Впереди у тебя много счастливых дней! – он хлопнул в ладоши. – До-

лорес! Пашик! Яшик!

В кабинет зашла моложавая грудастая женщина за сорок с пышной американской прической. Из-за спины женщины выглянули два мальчугана. Пухлое тело служанки стягивало модное платье горничной, не лишённое синематографической стереотипности и напрочь лишаящее фантазии любого смотрящего на нее.

Мальчишки – младшему на вид не больше десяти, старший – почти ровесник Киры и Влада – наоборот, носили на себе скверные обноски.

– Позволь представить тебе твою прислугу. Это Дороти, горничная.

Женщина склонила голову в поклоне отчего лоснящийся подбородок обзавелся нижним соседом. От ее бюста веяло туалетной водой, а на раскрашенном косметикой лице сияла глупая улыбка.

Маленький паренек шмыгнул носом.

– А это домовой и садовой. Пашик и Яшик. Они братья, хоть так и не скажешь, – граф бросил презрительный взгляд на копну спутавшихся, нечесаных волос мелкого мальчугана и перевел не менее презрительный взгляд на сальные патлы долговязого парня. Пашиком, очевидно, звали десятилетнего, догадалась Кира. Он с детским любопытством разглядывал гостью. «Яшик» же, которого девушка про себя от смущения решила никогда не называть уменьшительно-ласкательной формой имени и вообще, по возможности не при-

бегать к его услугам, смотрел несколько подавленно и зажатое. Он сутулился, несмотря на свой рост. Лицо покрывали прыщи.

– Домовой? – переспросила Кира, переводя взгляд от костлявой фигуры сверстника на спрятанные под челкой голубые глаза ребенка.

– Не знаю, как принято в Англии, но у нас в приличных домах обычно держат мальчика-служку, который выполняет мелкие приказания по дому – поэтому домовой. Садовой – делает то же в саду. Дороти проводит тебя в твою комнату. Разумеется, белье и все необходимое уже готово.

– Прошу, miss, – женщина отошла в сторону, уступая Кире дорогу.

– За тобой придут к ужину. И еще, – граф назидательно понизил голос. – Будет лучше, если ты не станешь ходить по дому одна, Азраил и Аззелло не любят чужаков.

Комната Киры была не слишком большой, но вполне уютной. Как и во всем доме, окна были зашторены тяжелыми плотными гардинами из темной ткани, которые не пропускали свет в помещение, создавая полумрак.

Но, когда Кира их отдернула, по полу пробежал приятный вечерний свет, озаряя широкую кровать с балдахином, туалетный столик с зеркальцами причудливой, витражной формы и шкаф для одежды. Мебель ручной работы была выточена из темного дерева, что придавало комнате вид старинный и загадочный. Несмотря на старания прислуги, или как раз благодаря им, в комнате запах недавней уборки смешивался с еще не осевшей пылью, частички которой, попадая на свет, вились маленькими серыми искрами.

Пыль была таким же важным атрибутом обстановки, как блеклая картина на стене или ваза с гербарием. Пыль – часть этого ветхого дома. Пыль здесь хозяйка всего, а Кира лишь гостя.

Дороти оставила девушку одну, предварительно показав, где в ее комнате вход в собственную ванную и уборную. После прислуга удалилась, пожелав приятного отдыха. Но Кира не чувствовала себя уставшей. Наоборот, новая обстановка воодушевляла ее, манила, будто хотела поведать историю этого старого поместья.

Убрал фотографию семьи в пустую рамку, заботливо приготовленную кем-то на ее прикроватном столике, Кира села на край мягкой перины, смяв ровное покрывало. На стене мерно тикали часы. Никаких других звуков поместье не издавало.

Почему-то Кире вдруг стало не по себе, будто она осталась одна в этом доме и во всем городе, а все люди бросили ее. Чтобы отогнать наваждение, девушка выглянула в коридор. Тот тянулся длинным багровым ковром мимо похожих друг на друга дверей. Все они были закрыты, кроме одной, в самом конце коридора. Памятуя о предупреждении графа, Кира тихо (насколько позволяла сломанная нога) пошла в сторону открытой двери. Со стен на нее косились осуждающие взгляды портретов в круглых рамах, изображающих весь род Дракул.

Открытая зала оказалась библиотекой.

Книги разного содержания и назначения располагались по цветам и размеру, в разнобой и коллекционными собраниями. Старые и новые, русские и зарубежные, китайские свитки и манускрипты, рассыпающиеся на руках пергаменты и китайская бумага – Кира медленно шла мимо эпох и сражений, историй любви и ненависти, выдумок и наиточнейших чертежей. Из-за застекленных полок на нее тысячами корок тарасились Моби Дики, Дон Кихоты, Фаусты и Гамлеты, многоликие и разноцветные Пушкины, Гоголи, Достоевские... Шведы и другие псевдоскандинавские авторы... «Два ка-

питана», «Десять негрятят», «Двенадцать рассказов-странников»... экземпляр книги про капитанскую дочку и той книги, где эту капитанскую дочку сожгут в печи. Никем не осиленный Джойс и многократно прочитанный Хемингуэй, полное собрание сочинений гастролирующего литобъединения «Тур гениев», сборники рассказов чуть не дожившего до рождения наших героев классика литературы А.П. Чехова, чьи инициалы, если произносить их неотрывно от фамилии – «апчехов!» – вынуждают говорящего тут же прибавить: «Будьте здоровы!», а заодно напоминают преинтереснейший факт из жизни доктора – он умер от туберкулеза. Другой любопытный эффект создают инициалы, прилепленные к фамилии современника нашего повествования – Е. Бунина – неизвестного брата руссского писателя, чья биография пестрит такими же *фамильярными* похождениями, как и биография самого Ивана Алексеевича. На верхней полке возлежал «Обломов», чуть ниже красовался Оскар Уайльд, дальше были оба Островских, оба Толстых и одна Толстая, один Ремарк со множеством ремарок (такой каламбур не использовал разве что ленивый), а также Цветаева, Берроуз, Ахматова, Гомер, Пастернак, Гумилев, Солженицын, Керуак и прочие, и прочие... – они соревновались и перекрикивали друг друга, устраивали на полках литературную чехарду из собственных цветных обложек, переплетов и страниц...

– Любите читать? – тишину нарушил вкрадчивый вопрос. Кира резко обернулась на голос.

За ее спиной стоял немолодой мужчина с благородным, задумчивым лицом и спокойными глазами. Одет он был прилично, но по-домашнему. На грудь свисали прямоугольные очки на цепочке. Коричневый вязаный свитер, застегнутый на четыре нижние пуговицы, подпирал старческий живот. Под свитером – рубашка, застегнутая на все пуговицы, к чему обязывала экзотическая бабочка-галстук под идеально выглаженным воротничком.

Желто-черная бабочка, привыкшая маскироваться под пестрые цвета, отрастила на своих крыльях черные горошинки, что придавало ей сходство с колорадским жуком.

– Люблю, – Кира покосилась на пухлые руки пожилого господина, в которых тот держал сборник рассказов Борхеса.

– А вы, верно, та юная леди, прибытие которой весь дом ожидал с самого утра, – догадался человек. – Простите, вы...?

– Кира. Кира Неботова, – представилась девушка.

– Красивая фамилия, – мужчина покивал головой. – Меня зовут Владимир Владимирович Однабоков. Я, как и вы, гощу у графа.

– Вы здесь живете?

– Разумеется, а также преподаю в Институте «Газетоведения», там же, где работает и Адольф Геннадьевич. Однако, в отличие от него, я веду курс по русской литературе.

– Значит вы и мой преподаватель тоже!

– Вот как! Очень приятно. Хотя до начала занятий еще

целое лето, – он прошел к окну и сел в большое кресло, приглашая Киру сесть напротив. – Слышал о вашей катастрофе. Примите мои соболезнования. Надеюсь, вы непременно поправитесь...

Кире не хотелось говорить об этом.

– Скажите, – вдруг вспомнила она то, мимо чего ее блуждающий взгляд пробежал как бы не заметив. – Это ваши книги стоят там на полках?

– Мои, – подтвердил Однабоков.

– Хорошие?

– Хм, – Однабоков задумался. – Мне трудно оценить. Может как-нибудь вы сами мне скажите.

Однабоков в свою очередь не хотел говорить книгах. Стеснялся ли он? Скромничал? Кокетничал? – думала Кира.

– Так значит вы теперь будете здесь жить, а учиться будете в институте.

Кира подтвердила, что, похоже, так оно и будет.

– Тогда хочу вас предупредить, – Однабоков вкрадчиво понизил голос и посмотрел по сторонам, чтобы убедиться, что их не подслушивают. – Остерегайтесь графа!

– Что это значит? – не поняла Кира.

– Вы рискуете стать графоманкой, – прошептал он и улыбнулся, видя непонимание на лице собеседницы. Похоже, ему нравилась словесная игра и собственное интеллектуальное превосходство.

– Как это?

– Графоманки – те, кто попал под чары графа.

– Старшего или младшего? – вторя тону Однабокова, প্রশেপতала Кира. Тот смерил ее изучающим взглядом.

– Ну, в вашем случае, конечно, младшего. Вряд ли пожилые мужчины вроде Адольфа Геннадьевича заинтересуют вас. Но тем не менее сила обоих очень велика. Стоит поддаться очарованию одного из них и...

– ...И что? – спросила Кира после паузы, которая не была предназначена для того, чтобы Однабоков закончил предложение. Она взывала к умолчанию и такту, поэтому Однабоков начал новое предложение:

– Я здесь давно живу и видел многих девушек, которых молодой граф водит к себе в комнату. Мне, как джентльмену, не следует распускать слухи, но я лишь хотел предупредить вас... Ведь вы, Кира (вы позволите вас так называть?), уже в его доме, а значит и в его власти!

– Но я его сестра, хотя и двоюродная...

Однабоков многозначительно посмотрел: хоть кого-то это когда-нибудь останавливало? От такого взгляда писатель показался Кире старым пухлым Дионисом в окружении молоденьких нимф, упоенным дорогим вином и собственной эстетической эстетикой. Но образ этот был не неприятным, скорее наоборот, от него веяло негой и солнечным лугом.

– Я лишь хотел предупредить. В этой стране, этом городе, а особенно в этом доме порой творятся такие вещи... И последствия могут быть необратимыми. Имейте это в виду.

Кстати, – он посмотрел на Кирину босую ногу и неожиданно сменил тему, – где же ваша обувь?

12

Кира не успела ответить Однабокову. В библиотеку вбежал Пашик и объявил, что граф просит всех спуститься к ужину. Столовая находилась на первом этаже. Ходить по лестнице на костылях то вверх, то вниз Кире уже надоело. Но если граф «просит» – *нужно* идти. Порядок в этом доме она поняла сразу.

Просторная зала с панорамными окнами, доходящими до самой земли, освещалась вечерним светом. Единство стекла нарушала дверь, ведущая на летнюю веранду. Там располагался столик поменьше и уличный очаг.

За окном темнело, и в сумерках все хуже различались очертания леса, обступившего дом. Могучие деревья теперь казались великанами-стражами, преграждающими путь – не выбраться из замка, не сбежать.

В зале был мраморный холодный пол. Но стоило Владу обратить на это внимание, как Пашик принес тапочки, а вернее тапку, для босоногой Кире. В противоположной от окна стене был вделан массивный камин со старинными часами наверху. Внутри потрескивали поленья, создавая игру светотени во всей зале. Камин казался чем-то живым, единственно живым местом в мрачной обители Дракулы.

Пашик сидел у огня, ковыряя кочергой скопившийся пепел. Влад и его отец ожидали гостей за огромным овальным

столом, на котором резчик изобразил карту Росссии. Еду еще не подали – этикет требовал дожидаться всех членов этой странной компании: двух Дракул, Однабокова и Киры.

Когда все расселись, первым делом подали хрустальный графин, до краев наполненный густой красной жидкостью. Дракула-старший и его сын незамедлительно налили себе в бокалы.

– Что это? – шепотом спросила Кира, сидящего рядом Однабокова.

– Томатный сок, – также шепотом ответил писатель.

В этот момент Кира была готова поверить, что находится в логове кровожадных вампиров – никогда в жизни она не встречала одновременно двух людей, которым нравился бы томатный сок. Проще поверить, что отец и сын хлещут настоящую кровь.

Влад смущенно отер красные губы салфеткой, косясь на Киру виноватым взглядом. Его бокал блестел алыми разводами, похожими на множество маленьких горных ручейков.

К графину Кира так и не притронулась.

– Вижу вы уже познакомились, – довольно кивнул граф в сторону Однабокова и Киры. – Правильно. Со своими преподавателями лучше дружить.

Яша вынес с кухни поднос, держа его двумя руками. За ним следовали два поваренка.

– Что означает «вампир»? – спросил граф ни к кому конкретно не обращаясь, пока слуги расставляли блюда на

стол. – «Вам – пир»! Кира, прошу простить меня. Я болен и потому соблюдаю строгую диету. Я – вегетарианец и мой сын тоже, но вам как гостям дома сегодня подадут стейки вагю с соусом на основе красного вина.

Карта Росссии на столе заполнялась вазочками, приборами и тарелками разной формы с различным содержимым. На Сибири стоял овощной салат, Дальний Восток – ближе к графу – занял камчатский краб, стейки Однабокова и Киры покрыли собой западную часть Росссии, графин с лимонадом – Краснодар. Там, где Тула, возвышалась гора пряников, а на месте Москвы – пустовала пепельница.

Тарелки пустели. Салат – Сибирский лес – редел с каждой минутой. Дракула, кровосос из высшего общества, сосал кровь страны...

Но ведь и она, Кира – она тоже сидит с ним за столом и вкушает эту еду. Она гостья, и она такая же полноправная часть этого элитарного застолья, как и сам граф. Так чем же она лучше своего дяди? Тот хотя бы не лицемер, пытающийся оправдать себя благотворительностью и экологическим активизмом – этим Кира думала заняться после университета.

Картина трапезы выглядело слишком наглядно. Конечно, Кира всегда понимала, что богатая аристократия наживает на бедняках. Нет, она не наивная девочка, просто сейчас она увидела это воочию. А самое страшное – поняла, что она такая же, или станет такой через несколько лет.

Девушке стало тошно от своих мыслей.

– Позволь за тобой поухаживать? – предложил Влад, видя, что Кира потянулась к лимонаду. Дракула-младший поднялся, чтобы помочь ей, но неловким движением руки сбил графин с томатным соком.

Красная густая жидкость залила стол. «Утопил Росссию в крови...» – растерянно подумала Кира.

– Упс! – отдернул руку Влад. Пятно поползло до края, и Адольф Геннадьевич встал, чтобы красные капли не заляпали ему костюм.

К столу, поскуливая, подбежали доберманы и принялись лакать пятна на полу. Блики каминного огня играли на их гладкой короткой шерсти.

– Полагаю ужин окончен! – Дракула-старший шелкнул пальцами привлекая внимание Яши, но тот и так уже спешил с тряпкой наперевес. – Чай? Кофе? – он обратился к Однобокову и Кире.

– Чай, – сказал мужчина.

– Кофе, – сказала девушка.

Пока слуга убирал остатки ужина, исподлобья поглядывая на своих хозяев, они расселись возле камина. Вытягивая ноги, граф пихнул Пашику стопой, чтобы мальчик, в прямом смысле слова, не мешался под ногами, и домовый убежал наверх. Пламя ластилось у тувель Дракулы. Над чашками мерно поднимался пар. Приглушенный свет расплзался по зале.

– Ну, Кира, расскажи что-нибудь про свое путешествие и Новую Англию, – попросил Дракула. Как истинно руссский патриот он хотел в Лондон, жил Лондоном, мечтал о Лондоне. – Мы то, откуда мы идем. Каждый несет в себе частичку воспоминаний о прошлой жизни. Эти воспоминания и есть ты, – граф сделал глоток из своего бокала.

Кира вспомнила о своей поездке в Марокко, где она сдружилась с маркизой Мари, рассказала про прогулки по Касабланке, а потом удалилась в ранние воспоминания: жизнь с отцом в небольшом домике недалеко от аэропорта, детство, пансионат... Она вспоминала просторные зеленые поля, по которым гуляет один только ветер, расчесывая травянистую гриву. Истории тянулись долго, переплетались, кишили подробностями и деталями:

– ... и вот отец свалился с лошади во время игры в поло, получил растяжение и...

– Твой отец всегда был таким неуклюжим! – неожиданно выдал граф. – И зачем только моя сестра спуталась с таким недоноском, как он...!

Все опешили от такой реакции. Даже Яша поднял озадаченный взгляд – он как худшие (или же лучшие?) слуги слышал каждое слово хозяина. Нехорошая тишина поползла по зале.

– Прошу меня извинить! – буркнул граф и, прихватив свой бокал, вышел прочь.

– Ну, кажется пора спать, – Однабоков попытался разря-

дить обстановку, поэтому наигранно хлопнул в ладоши. Но ни Влад, ни Кира не восприняли его добродушный жест. – Пожалуй, я пойду к себе.

Они остались с Владом вдвоем. И несколько минут молча глядели на огонь.

– Извини его, – заступился за отца Дракула-младший. – Уверен он не хотел...

– Зачем он так сказал? – Кира чувствовала, что готова заплакать.

– Ну... видишь ли... он очень любил свою сестру. Очень. И ее смерть стала для него большим ударом. Думаю, он до сих пор не понимает, почему твой отец воевал, но погибла все равно она. Не понимает, почему он не позаботился о ней. Это для него несправедливо, нечестно. А ты приехала и напомнила ему все это... Наверное, отец считает, что сестра заслуживала большего..., извини, что говорю это! – спохватился он.

Кира опустила ресницы, и вспомнила добрые отцовские глаза на улыбающимся лице. Коренастая фигура с маленькими ручками, пивное пузико и непрерывные забавные истории и шутки. Да, отец с шурином – это полные противоположности. И дело не только в том, что Дракула – граф и практически левая рука императора, а отец – просто бизнесмен и помещик, дело и не в том, что он жил в Новой Англии, с которой у Россссии всегда были сложные отношения, просто они слишком разные, настолько, что Кира сама иногда

удивлялась, как ее мать, видя жизнь своего великого брата, вышла за отца.

Нет, конечно, она любила папу. Тот был добр, но слишком... простодушен, что ли... А в матери была Дракуловская стать, гордость, и поэтому сейчас, когда граф оскорбил отца, самым страшным было то, что она прекрасно понимала дядю, поскольку сама на протяжении многих лет в глубине души стеснялась папы...

– После того, как мама умерла, – Кира шевелила солеными от слез губами, – вы с отцом перестали приезжать в гости... и дело не только в том, что наступило послевоенное время и было не до того... Просто исчез человек, который связывал наши семьи... теперь я это понимаю...

– Не плачь. *Ты* такой человек, – Влад мягко обнял ее за плечи. – Я твоя семья. И сейчас мы связаны.

Он проводил ее до комнаты и, пожелав покойной ночи, ушел. Но Кира не пошла к себе, решив сначала заглянуть в библиотеку, чтобы взять себе что-нибудь на ночь, хотя читать ей уже не хотелось. Слишком длинные были дни в России...

Она бесцельно побродила между полок и шкапов. Книги ее успокаивали. Однако в угловом шкапу, книг не было. Для декора или, может, для создания жуткой атмосферы (вспомнился кабинет биологии в пансионате) в шкапу стоял человеческий скелет. «Он очень любил свою сестру. Очень» – почему-то всплыл в голове голос Влада.

Утро было облачным. Кира проснулась рано, и застала внизу графа, который как раз собирался ложиться спать.

– I am sorry. My behavior is not worthy of a gentleman, – сказал он вместо приветствия. – Мне не следовало давать волю эмоциям. Я стар и болен. Я искренне стараюсь быть добрым и гостеприимным. Это все стресс – я переживал за тебя и за то, чтобы ты приехала сюда без приключений. Но ты сама видишь, как все вышло. Но теперь everything will be all right. Ты поступишь в университет и будешь учиться.

– It does not matter. Everything is good, – ответила Кира и пожелала дяде доброго утра, хотя правильнее было бы желать доброй ночи.

Скоро спустился Влад и объявил, что они едут по магазинам. «Тебе же нужна обувь и одежда!» – воскликнул он, допивая эспрессо и заедая его тостом с джемом.

Утренний лес ласкал Кирину босую пятку хрустальными каплями росы, пока они шли до машины. Мотор Астон Мартина взревел и понес брата и сестру в город.

За следующую неделю или две Кира Неботова и Влад Дракула исколесили весь центр Петербурга, дома они были мало и с Адольфом Геннадьевичем практически не пересекались. Дел было невпроворот: они были у доктора, который, наконец, снял несчастный гипс, затем ездили по магазинам, подбирая Кире костюмы и платья. Влад истошно стонал, но терпел, когда Кира шла от одного бутика к другому. Впрочем, как правило, к концу третьего часа Влад не мог уже и стонать. Разумеется, не считая магазинов нижнего белья, но туда Кира идти в месте с ним постеснялась, ведь вопрос: «Как это смотрится?» в данном случае был неуместен и невозможен. Они заезжали в университетскую книжную лавку, чтобы купить учебники на первый курс. Они ходили в музеи и кафе. Они поднялись на вершину Имперской Государственной Постройки, откуда открывался вид на весь город. В тот день к причальной мачте швартовался линкор «Укротитель ветров».

Дирижабль подошел к мачте с подветренной стороны, матросы сбросили с носа гайдроп, другой гайдроп был на самой мачте. Солдаты ловко связали эти два троса лебедкой и подтянули линкор к мачте. Затем зафиксировали нос в стыковочном гнезде. В этот момент ветер изменил направление, подул с юго-запада, и дирижабль будто флюгер мед-

ленно сместился по ветру.

...Они ходили по библиотекам. Они осматривали достопримечательности. Они были везде... Они, они, они – казалось этот город существует только ради них.

В конце концов, Кире купили все необходимое: полный гардероб и еще одежда на предстоящую осень, а также канцелярские принадлежности, предметы туалета и косметику, в которой Влад мало что смыслил: какие-то колбочки и коробочки с разными запахами и – «тьфу ты!» – горьковатыми вкусами.

Вечерело. (И здесь, дорогой читатель, позвольте автору вновь безбожно вклиниться в текст и оправдать себя, сказав, что столь банальные и избитые за несколько столетий литературной традиции переходы вроде «вечерело» или «на следующий день...» происходят не от скудословия, а лишь потому, что день, как заведено, сменяется ночью, а ночь новым днем).

Так вот, наступил вечер (если такой оборот читателю кажется лучше, то пожалуйста) и Кира с Владом сидели в подвальчике ирландского паба после очередного набега на магазины – Астон Мартин вобрал в себя еще четыре модных пакета с какими-то вещами.

– Я попрошу отца, чтобы он прислал мне деньги по почте или могу выписать чек, – заверила Кира.

Влад посмотрел на девушку насмешливо-добрым взглядом.

– Сестренка, ты так и не поняла? Это все – подарки!

Кира ахнула.

– Кстати еще, – он извлек из-под стола красивый футляр и протянул Кире.

Девушка нерешительно открыла его. На бархатной подкладке лежала цепочка с кулоном в виде летучей мыши.

– Это вместо той, что тебе пришлось снять. Это белое золото, а не серебро... на него аллергии в моей семье нет... Надеюсь нравится... – он потупил глаза.

Кира не знала, как ей отблагодарить брата.

– Я не могу это взять... за что мне все это... – не понимала она.

Их окружали светильники с зелеными абажурами на маленьких круглых столиках, проросшие на древесине как грибы. Влад пил стаут, она – martini. За стойкой тихо переговаривались бармен и официант. В углу сидел пожилой мужчина и читал вечернюю газету, первую полосу которой разрезало окно черно-белой фотографии дирижабля.

И все это было так обыденно, так обычно... а он... почему он дарит ей все это?

– Я просто хочу, чтобы ты была счастлива...

Счастлива... Кира вспомнила свой полет, вспомнила Мари, Эрика... Интересно как он? Хотя может быть ей уже не так и интересно? Она просто притворяется, кокетничает сама перед собой, боясь признаться, что Эрик уже... оказался лишним в ее истории? – а именно так она представляла свою

жизнь. Это история, в которой слишком быстро, до неузнаваемости сильно менялись декорации происходящего. Липовые липы на бульварах Новой Англии, сменились сначала, страной древесных коз – этот факт о Марокко она запоздало узнала от Мари, когда «Мирный» уже пересек воздушную границу, взяв курс на северо-восток – козы в Марокко не находят траву на засушливой земле и потому вынуждены приспособливаться и забираться на деревья, чтобы жевать листья. Однако вот, пожалуйста: козы не задержались на импровизированной сцене ее жизни и деревянные подмости летательного аппарата сместили мраморные плиты поместья Дракулы... Эрик... Он остался с козами, словно обратился козодоем и вылетел в открытую больничную форточку. Нет, он, конечно, хороший, говорила себе Кира, используя именно такие простые и понятные слова вроде «хороший», «чудесный» и «замечательный», как раз, возможно, потому что не могла уже подобрать к Эрику какие-то другие эпитеты. Одно слово – «хороший» и все.

При взгляде на Влада всплывали другие прилагательные: высокомерный, чопорный, заносчивый, холодный, и пусть это были «плохие» слова, их было много, они искрились и переливались иссиние-обсидиановым светом, как витраж в готической церкви, залитой кровью сарацин. Но как вообще она может сравнивать Эрика и Влада? Что же это...? Ведь дело не в том, что они так непохожи... для нее, Киры, Влад оставался прежде всего братом... с чего вдруг она начала ду-

мать о нем в том ключе, который открывает самые запретные, потайные комнаты...? Надо было остановиться...

Просто Влад... (ну как тут остановишься!) – он восточным ветром ворвался в ее жизнь, наводя всем своим видом суету! переполох! кавардак! Но в то же время, помогая, нет – спасая ее из тех обстоятельств, в которых она оказалась. Верно, это лишь чувство благодарности... сестринская любовь... Так Кира убеждала себя.

Однако в разыгранной пьесе между двумя, как говорили во времена Мировой войны, антантогонистами: Владом и Эриком, случилась одна, с позволения сказать, интерлюдия, затесавшаяся между двух людей, в этом неосязаемом треугольнике чувств: ее отношением к Эрику и ее же отношениям к Владу. Этот, казалось бы, незначительный эпизод изменил все.

Около недели назад Кира сидела перед трехстворчатым зеркалом, держа в руках пудреницу, похожую на ракушку, таким образом, что ее лицо, дробясь на кусочки, отражалось, как погруженное в хрустальную вазу, многократным повторением различных ракурсов, разбросанных стеклянных осколков. В этот момент блуждающий взгляд одного из ликов оторвавшись от тщательного наблюдения неожиданно выскочившего на лбу прыщика (хотя ей думалось, что такие маленькие неприятности остались классе в восьмом) наткнулся на другой, не менее внимательный взгляд. Чуть было не ойкнув от неожиданности, но сдержавшись, Кира огля-

нулась на Яшу, стоящего в дверном проеме, и следящего за ней... Оказавшись раскрытым, слуга без приглашения вошел в ее комнату. «Ты шпионил за мной?» – спросила Кира скорее любопытно, чем строго, и Яша, почувствовав в ее голосе разрешение на вольность, ответил, что просто смотрел. Он не сказал: «Нет, miss» или «Нет, прошу простить меня». Он сказал: «Нет».

И в этот момент, глядя на его скрюченную фигуру и кривую, хмурую улыбку, за которой промелькнула тень смущения и застенчивости, сочетающаяся в то же время с отсутствием всяких манер и, как следствие, природной наглостью, Кира как в первый раз увидела в нем не слугу, а мальчика-ровесника. И тогда ей стало страшно.

Своим по-женски внимательным взглядом она безошибочно определила, *почему* он пришел к ее двери и стоял за ней, надеясь остаться незамеченным. И страх ее сменился неприязнью и омерзением. И дело было не в том, что он – ее слуга, а она – его госпожа. Классы, власть, богатство, знатность рода – вообще-то Киру не сильно заботили такие пустяки. В конце концов, у Яши в любом случае не было и шанса, так что думать о таких бытовых вещах было более чем бессмысленно. И дело даже не в том, что между Кирой и Яшей была бездонная культурная пропасть из прочитанных ею книг, просмотренных кинолент и посещенных выставок. И нет, дело не в том, что вот – он стоял перед ней сутулый и грязный, нахальный, со своей злой улыбкой и мутными гла-

зами, не такими, как у Влада, за снобистским взглядом которого проскакивало тепло, когда он глядел на сестру – это были просто тупые, пустые глаза. И таким образом, весь вид Яши вызывал брезгливую жалость и отвращение. Дело в том, что каждый раз она, Кира, сама, не понимая как, наступала на одни и те же грабли (уточним, что на сельскохозяйственные грабли она не наступала ни разу), начиная с подросткового возраста, когда мальчики принимали ее доброту – за симпатию, а отзывчивость – за флирт.

Наверняка, быть уродливым – страшное наказание, но красота – не лучше, пусть даже это звучит надменно и кажется проблемой белоручек, все же признаем, что быть красивым – тоже труд. Кира не зазнавалась, но справедливо оценивала свою внешность. Наоборот, если бы она направо и налево говорила, какое же уродливое у нее лицо, это подозрительно сильно смахивало бы на паршивое, дешевенькое кокетство и желание понравится своей лживой скромностью. Так что да – она была красивой. И она знала это.

И поэтому-то у нее не было друзей среди мальчиков. Ты хочешь дружить, а с тобой никто не дружит – все в тебя влюбляются. Ты пытаешься быть ласковой и доброй со своим слугой, а он... Только Влад относился к ней, как к подруге, потому что она была его сестрой. Но не той сестрой, с которой растешь вместе, и оттого она становится невыносима, как кутикула на указательном пальце. Это та сестра, которую переоткрываешь для себя заново, словно нового человека, с

которым в то же время отсутствует смущение первой встречи, какое бывает с чужой, незнакомой девушкой. Кира ценила их дружбу, их связь, и потому подпустила Влада ближе, чем других, потому доверяла ему свои переживания и заботы.

«Влад, Яша смотрел на меня...» – рассказала она на следующий день брату, с ужасом нарисовав у себя в голове кислый натюрморт совместной жизни со слугой, жизни, которой, слава богу, не бывать.

Влад не сказал: «Ну и что?» или «Подумаешь, смотрел...» Влад сразу все понял. Тактично и с расстановкой, так, чтобы не задеть ее чувств, он спросил: «Мне стоит вмешаться?»

«Нет, я только хотела, чтобы ты знал...»

Брат кивнул, и тогда Кира поняла, что пока рядом с ней брат, он никого другого уже не подпустит.

И хотя Яша по сословным причинам был в некотором роде недугеспособным, тем не менее, на определенную сатисфакцию Влад всегда мог рассчитывать.

И теперь, глядя на Влада, она, то ли преисполненная чувства благодарности, то ли просто от выпитого мартини, а может быть потому, что еще не знала, как вести себя со своим первым и единственным другом, и потому действовала по наитию, как привыкла, так, как этого ждали от нее другие парни, Кира прильнула к брату, желая его обнять, прошептав невинное «спасибо» на ухо. Но случайно, ненароком, не рассчитав силу своего гибкого, молодого тела, коснулась губами

его кожи на щеке, и в этот момент – всего на одну секунду – ей не захотелось останавливаться, не захотелось прекращать, и вместо того, чтобы немедленно с ужасом отпрянуть от него, она двинулась еще чуть ближе, и приоткрыв рот, и одарив лицо брата пьяным, но сладким ароматом своего дыхания, лизнула его щеку возле рта. И язычок ее плавно прополз к его губам.

– Ой-ой-ой!!! – они оба тут же резко оттолкнули друг друга.

На щеке Влада остался влажный след. Он блестел в приглушенном свете зеленой лампы.

– Я не хотела! – глаза девушки широко раскрылись, рот она прикрыла рукой. – Прости! Прости!

Влад на всякий случай отодвинулся, хотя уже знал, что больше бояться нечего.

– Я сейчас вернусь! – он выскочил из-за стола и чуть ли не бегом направился к туалету.

«Какая же я дура...» – думала Кира, болтая в бокале остатки бледно-бежевого мартини. Кажется, никто их не видел, и тайна останется с ним и с ней. Тайна на двоих... Только тайн на двоих им сейчас не хватало... Как же это глупо! Кире стало стыдно. И главное – она не была настолько пьяной. Что это? Избыток сестринской любви? Ну да, как же, сестринской...

Вопреки ее ожиданиям, Влад вернулся почти сразу. Он уже не выглядел смущенным, и, казалось, вообще забыл о

происходящем.

Как ни в чем не бывало, он сел на прежнее место и заказал себе жареную на огне грудку травокура.

Прикрывшись меню, Кира посмотрела, что именно ест ее брат.

– Ты же вегетарианец! – удивилась она. Было ясно что травокура – это какая-то домашняя птица. – Или ты решил сегодня нарушить все правила? – Мрачно пошутила она. Случившиеся между ними никак не шло из головы.

– Ну да, – охотно подтвердил он. – Вегетарианец. Разве в Новой Англии не разводят травокуров?

Обрадованный смене темы, он начал объяснять:

– Травокуры – это особый вид куры, которую кормят травой. Отсюда и название. Этот вид специально выведен для того, чтобы вегетарианцы могли есть мясо. Ведь сама курица ест траву, получается, поедая ее, мы едим траву. Не очень понятно? Ну считай, это что-то вроде соевого мяса.

Кире эта логика показалась не убедительной, но она решила не спорить. Тема себя исчерпала, и они оба замолчали.

– А помнишь, как мы, когда были маленькими, играли...? – задумчиво спросил Дракула-младший.

Кира вспомнила одну их игру. Когда в летнем домике, пока взрослые: Адольф Дракула со своей женой, приехавшие к ним в Новую Англию в гости, и Кирилл отец с ее мамой беседовали на террасе в креслах качалках, дети прятались в своей комнате на кровати, играя в супругов... Воспоминание

было очень некстати. ...Или наоборот?

Но Влад говорил о другом.

– Помнишь, мы были самолетами...

И Кира поняла, что он пытается напомнить ей и себе, что они именно *брат и сестра*. Те детские невинные игры, которых у них почти не было, когда они, растопыбив руки в разные стороны жужжа, как тысяча вентиляторов, носились по зеленому полю, валясь в луговые цветы. Они были просто детьми. Просто родственниками. И сейчас Влад пытался вернуть эти воспоминания.

– Да-а! – подхватила она тему, – и я говорила, что самолеты управлялись солянкой!

– Да, да, а оказалось, что ты просто не выговаривала «р»!

– Зато после обеда, после заправки таким «топливом», мы часами могли носиться без остановки!

– А ты заставляла меня играть в куклы!

– Но тебе нравилось! И вообще это было совсем в детстве, потом я полюбила самолеты!

Они перекидывались фразами, позволяя друг другу заканчивать начатые предложения, и так, камушек за камушком, они заново возводили только что чуть было ни разрушенный дом их кровных уз.

– Сейчас, – сказал Влад, – я думаю о том, что мы оба потеряли матерей... – и это нас еще больше сближает и роднит.

Но фраза прозвучала неуместно, в ней был то сладострастное послевкусие, от которого они так старались изба-

виться. И камушки снова посыпались вниз. Его слова звучали как призыв, и Кира почувствовала неопределенное, но очень горячее ощущение внизу живота. Она молчала. Молчал и Влад.

– Я хочу... – заговорила она медленно. – Влад, я хочу, чтобы ты отвез меня в больницу к Эрику. Я хочу увидеть его. Отвези меня завтра, пожалуйста.

– Боюсь, что это невозможно, – он поднял на Киру спокойный взгляд.

Кира сидела в гостиной на кожаном диване, стоящем по центру комнаты, и уныло переключала каналы телевизора. Влад объяснил, что завтра важный день – парад Воздухоплавательных судов в честь победы в Мировой войне. Он сказал: «Той войне» – так говорили многие и все сразу понимали, о чем речь. Несладкий отпечаток оставили четыре года на людях всех возрастов. (Разве что кроме тех, кто родился после. У таких хватало наглости называть воевавших солдат «вытеранами». В культурной среде малолеток называли «зуберами», потому что у них еще не выпали молочные зубы).

Наверное, думала Кира, когда вырастет это поколение – поколение, не заставшее военные годы, не наученное болью утраты – они начнут все заново, начнут новую войну. Но пока что, пока они еще дети и у планеты есть шанс жить и взрослеть, учиться и не совершать ошибки.

– Это важный день, полгорода будет там. Его нельзя пропустить. Наверное, это главный праздник в стране, – Влад объяснял Кире, почему Эрика она не увидит. – Да и больницы никого принимать не станут.

Это подействовало. И как бы Кире ни хотелось встретиться с Эриком, были обстоятельства не зависящие от нее. Да и сам Влад, Кире думалось, с радостью бы устроил им сви-

дание, если бы мог. Ведь и он тоже испытывал неловкость за вчерашнее и хотел, чтобы произошедшее в пабе осталось позади как можно скорее.

Может быть, Эрика уже выписали? Но, по крайней мере, в больнице она сможет узнать его адрес. Но только если его выписали, почему он не нашел ее? Не написал ей? Видимо он до сих пор там...

Так думала Кира под шум телевизионной программы:
– ...На западе погиб военный летчик, сержант Солл Сбери. Страны НАТО обвиняют Россию в использовании химического оружия. Министр информации назвал обвинения безосновательными. К другим новостям. Уже в этом месяце наши доктора выпустят новый подвид вакцины Спутник-V – эффективное лекарство по сравнению с западными аналогами. Так, Россия не только справится с новой эпидемией разразившейся на Дальнем востоке, но и в очередной раз докажет нашим западным партнерам, что никоим образом не зависит от них...

«И почему борьбу с эпидемиями нужно превращать в политику?» – думала девушка. А еще она думала, что не так уж и далеко ушло человечество от средневековья: эпидемии, император, постоянно строящиеся церкви – Россия возвращалась к тому, какой была триста лет назад...

– Как тебе?

Кира оглянулась, позади стоял Влад.

– Ты преследуешь меня? – спросила она безнадежно.

– Нет... я живу в том же доме, что и ты... – он растерялся. – Хотел узнать, что ты думаешь о новостях. Как будущая журналистка оцени профессионализм ведущего.

– Глупый текст. Это больше похоже на пропаганду. Новости подобраны таким образом, чтобы очернить страны Европы... – она отвернулась к телевизору, показывая, что разговаривать она не хочет, но Влад или не заметил этого, или сделал вид, что не заметил. Он сел рядом с ней и мягко забрал из ее руки пульт от телевизора.

– Сыграем в игру? Я буду переключать каналы, а ты оценивать ведущих.

Может это его способ так справиться с возникшей между ними проблемой? Кира предпочитала переживать сама в себе все тревоги и волнения, а ему, видимо, нужен человек рядом. Что ж, возможно, он и прав, ведь это их общая проблема.

Кира нехотя согласилась.

ОПРСТ – Общее Прямое Российское Системное Телевещание – по очереди выдавало журналистов и телеведущих, похожих друг на друга как однояйцевые близнецы. Все телеканалы принадлежали государству, поэтому журналисты говорили про одно и то же: что завтра парад и что это великий праздник, что альянс НАТО снова, как и в прошлом году не уважает память победы и пытается перевернуть историю, присвоив себе все регалии в прошедших боях, что наши дирижабли, которые завтра предстанут на параде во всей

красе, *самые* быстрые и мощные в мире.

– Кто это? – Кира показала пальцем на экран.

– Это? Это же Дмитрий Крысилев! Близкий друг отца и частый гость в нашем доме. Странно, что он еще не заезжал с тех пор, как ты поселилась у нас, но, думаю, он завтра будет на параде. Ох, кого там только не будет! Я вас познакомлю, если будет возможность. В прошлом году он приходил в Институт «Газетоведения» и проводил мастер-класс по телевизионным передачам.

– А-а... – только и сказала Кира. И помолчав добавила. – Не нравится он мне, почему-то... Вообще телевизор не очень люблю.

– Хочешь я тогда свожу тебя в телетеатр? – Влад посмотрел на нее наивными глазами.

– Влад... – Кира не понимала, чего он добивается.

Что-то странное происходило между ними, и она не знала, как об этом говорить. Может, она и не хотела объясняться, потому что нужно было сначала разобраться в себе. Но как молчать, когда он всегда рядом? Он – ее брат и ее семья.

Чувствовал ли он то же самое? Такую же неловкость? А может Кира вообразила себе то, чего нет? Сейчас ей уже тот поцелуй казался чем-то призрачным... Он произошел будто во сне. И даже не поцелуй, а так... они просто столкнулись губами. Ничего же не было! Но тут же она понимала, что раз так старательно оправдывает себя, значит все-таки было.

– Я пошла спать. Доброй ночи.

– Спокойной ночи, Кира.

Влад остался сидеть в гостиной один перед выключенным телевизором.

Кира...

И зачем он только добавил в конце ее имя? О, имя! Как много оно способно значить, как много оно способно дать.

Выйдя в коридор, Кира закрыла за собой вход в гостиную, но задержалась у двери, прислушиваясь – что Влад будет делать дальше?

Кира терялась и не знала, что с ней происходит.

Она должна увидеть Эрика.

Надо просто пережить завтрашний день.

Они оправились загород едва ли не засветло, но приехали уже далеко не первые. Они – это Влад, Кира и Владимир Однабоков, который по настоянию графа согласился посмотреть на парад. Сам граф Дракула, естественно, присутствовать не мог. Утром он только ложился спать, да и погода была невероятно солнечная и ясная. На небе – ни облачка, не считая стальных облаков российского воздушного флота.

Потомственное дворянство Однабокова обязывало писателя к военной службе, и потому он числился офицером военно-воздушных сил России, что в свою очередь обязывало присутствовать на мероприятиях подобного рода, причем в военной форме. Проще говоря, на параде при параде (у военных не такой большой словарный запас, как у писателей, оттого так много омонимии). Однако Однабоков пренебрежительно ограничился сменой галстука-бабочки. Теперь она распускала свои зеленые крылья.

Парад проводился на открытом поле, край которого чуть ли не сливался с линией горизонта. И только вдалеке виднелась темная полоса леса. Столько пространства нужно, чтобы у всех воздухоплавательных средств было место для маневра, объяснил Влад. К тому же, недалеко отсюда располагается военный аэродром, откуда дирижабли и отчаливали.

– Только это секретная информация, – подмигнул Влад,

закрывая Астон Мартин.

На поле было множество народу, они сновали между палаток и тентов будто пришли на базар. Но тут же Кира поняла, что гигантские шатры – это на самом деле аэростаты, воздушные трибуны, которые постепенно отчаливали по мере того, как купол заполнялся газом, а корзины – людьми.

Трибуны, управляемые капитанами, постепенно образовывали длинный воздушный коридор, выстраиваясь в два ряда, между которыми могли проходить основные воздухоплавательные судна.

Преисполненные гордости и торжества кавалеры объясняли своим дамам устройство летательных аппаратов. Женщины были в летних платьях, мужчины – в костюмах, однако много было и военных. Солдаты и пилоты ходили в парадных мундирах, выпрямив спины и блестя погонами и кокардами. У офицеров красовались боевые кортики в расшитых серебром ножнах. Десятки знатных домов: графы и князья здоровались друг с другом, знакомили дочерей с сыновьями.

Грандиозность всего происходящего поражала. И Кира, воодушевленная радостью и торжеством, закружилась на траве так, что ее платьице с белым воротничком, затрепетало отблеском черного жемчуга на подоле.

– Ярмарка тщеславия, – пробормотал Однабоков. Его отнюдь не вдохновлял милитаристский дух родины.

Аэростаты отшвартовывались и подобно мыльным пузырям, надутым детскими губами, поднимались к небу. Осле-

питательное солнце грело как никогда прежде, но свежий ветер разносил жару.

– Это похоже на тот луг, на котором мы играли в детстве! – радостно воскликнула Кира.

– Это точно, – залюбовавшись ею, Влад не сразу нашелся, что ответить. – Что ж, думаю и нам пора занять свои места.

Они прошли к воздушному шару, баллон которого пестрил различными эмблемами фирм-спонсоров. Два матросам проверяли закрепленные противовесы.

– А вы не полетите? – удивилась Кира, глядя на остановившегося Однобокова.

– Высоты боюсь, – виновато улыбнулся он.

– Ну пожа-алуйста! – Кира взяла писателя за руку и потащила внутрь.

– Господин Дракула-младший! Господин Дракула-младший! – раздался голос, едва Кира затащила Однобокова в корзинку.

– А! Капитан Смертин! – Влад скорчил довольную мину.

К ним, гремя подскакивающими аксельбантами, подошел мужчина в мундире. Боевая сабля на левом боку ежесекундно хлопала ножнами по галифе кожаных сапог.

– И не холодно вам в вашей шубе? – иронично спросил Влад, показав на тучную шинель в руках капитана, которую тот поспешил накинуть себе на плечи.

– Там на высоте будет не холодно, так что вам, господа, тоже советую приодеться, – и не дожидаясь ответа, он отдал

приказание своему адъютанту, который как тень семеня за капитаном. И тотчас Кира была одета в норковый полушубок.

– Не имею чести, мисс...

– Моя кузина, Кира Неботова, – представил сестру Влад.

Кира, как могла, из-под полушубка сделала реверанс.

Смертин, щекоча ее кожу бисмаркскими усами, поцеловал руку. Однабокову он лишь чеканно кивнул и то, потому что этого требовал этикет. Самого же писателя, очевидно, этикет волновал в меньшей степени, поэтому его округлый подбородок лишь сместился на несколько сантиметров вниз, что никак не могло удовлетворить уязвленного капитанского самолюбия.

Смертин тут же демонстративно переключился на Киру.

– Не боитесь летать? После той трагедии, которая вами приключилась... – подобно большинству военных, он имел весьма смутное представление о такте и культуре общения, а также о том, каких тем не стоит касаться при дамах.

– Откуда вы знаете?

– О, Петербург – город маленький. Слухами земля полнится! – он самодовольно усмехнулся, и щетка усов расползлась в разные стороны.

Корзина отделилась от земли, и они медленно начали набирать высоту, поднимаясь перпендикулярно плоскости поля, на котором оставалось все меньше аэробенуаров. Люди из бедных слоев населения, которые не могли позволить себе

билеты на «поднебесные места», восхищенно и с изумлением смотрели, задрав головы, на всплывающие в синеве шары.

Солнце ослепляло бедняков, лучи били им в глаза и от этого лица простых горожан морщились, но они все равно смотрели. Смотрели до тех пор, пока аэростаты не заградили им солнце, но и тогда они продолжали смотреть, казалось, с еще большей завистью, подобострастно, почти вождедея.

Однабоков молчал, хмуро глядя вниз, а вот Влад говорил без умолку:

– Капитан Смертин командует линкором «Громобой», он сегодня на параде будет идти третьим. Руководит парадом министр обороны Шайбу, он сейчас в императорской ложе, готовится принимать шествие. Кстати, именно хоккейную команду в нашей стране впервые назвали «армейцами», представляешь? Хоккей – это вообще наш национальный вид спорта. Когда министр обороны выходит на лед, зрители ликуют: «Шайбу! Шайбу!» Да чего уж там, даже император не гнушается поигрывать... Император, к слову, тоже там, – он показал в сторону главой воздушной трибуны и принялся перечислять приближенных. – Вон, если приглядеться, видишь седого мужчину? Это Берг Ротен, главный архитектор императора. Именно он построил мост «К Риму» – то есть на запад, его в народе еще прозвали «Кримский мост». А вот на два яруса выше над господином Бергом стоит сам...

Но Кира почти не слушала брата, она смотрела на Однабокова и думала, что этот человек так смотрит вниз, будто

впитывает скорбь тех, кто остался на земле.

– «Император наш – двуликий, но не двуличный, подобен Янусу, – Влад уже начал цитировать из какой-то биографии, монографии или школьного учебника современной истории, – одним ликом император-батюшка обращен к солнцу и отражает его, ибо чело его не осквернено волосами мужицкими, этот лик главный, ведь образован он от *пути* русского, и путь этот только ему и ведом. Другой же лик и молод, и свеж и означает медвежью силу – издавна у России две головы, на то и орёл двуглавый...»! А вокруг императора служители ЦРУ... – продолжал объяснять Влад.

– Кто это? – перебила Кира.

– Служители ЦРУ? Тайный приказ, внутренний сыск и личная охрана императора. Отсюда и название: Служители ЦРУ, то есть «Царя Руси».

– Почему же название не изменили? Если в мы живем в Росссии, а не на Руси, и правит ею император, а не царь.

– То дань традиции. В конце концов, ЦРУ – древнейший на Руси правоохранительный орган. Он был здесь всегда. Под его тайным, но бдительным надзором ни одно дело не делается.

Кира хотел еще что-то спросить, но не успела. Все шепоты и шорохи разом стихли.

– Параааад! – единоличный голос раздался отовсюду сразу. – Под государственный флаг Соединенных Штатов Росссии и Знамя Победы. Смирнооо! Для встречи слева! На

крааа-ул!

Приближенные к императорской ложе аэробенуары были заполнены солдатами, те разом повернули головы, задрав подбородки, как бы увидев что-то необычно интересное в левом верхнем углу поля зрения. Замерев в такой неестественной, повторяющейся позе, они стояли, пока невысокий человек, которого Влад назвал императором вышел к кафедре и заговорил в микрофон: «С праздником, который был, есть и будет для нашего народа священным. Мы – поколение победителей...»

На мгновение Кирин слух перестроился с механического и величественного голоса на голос, который едва слышно прошептал над ухом.

– ...Но кто умеет, тот читает между строк. Тот видит, о чем говорит наш...

Кирин слух оторвал остаток фразы, даже не идентифицировав ее хозяина. Однабоков? Влад? Она снова слушала императора. А тот говорил так: «Война принесла столько испытаний, горя и слез, что забыть это невозможно. И нет прощения и оправдания тем, кто вновь замышляет агрессивные планы. Не так много лет отделяет нас от событий, когда в центре Европы наглед и набирал силу чудовищный враг. История требует делать выводы и извлекать уроки, но, к сожалению, многие идеи прошлого о своей исторической роли вновь пытаются поставить на вооружение другие страны. Сегодня мы видим попытки переписать историю, оправдать

предателей и преступников. Наш народ хорошо знает, к чему это ведет. Россия последовательно отстаивает международное право, при этом мы твердо будем защищать наши интересы, обеспечивать безопасность нашего народа, гарантия тому – наши доблестные вооруженные силы...»

Но говорил император так долго, что скоро Кира заскучала. Речь правителя была как бы обо всем сразу и значит, в сущности, ни о чем...

Но наконец, музыканты в оркестровом аэростате заиграли гимн, знаменуя о начале парада. Люди: и бедняки внизу, и солдаты-воздухоплаватели, и црушники, и аристократия, и сам император – все как один, преисполненные величия, запели:

*Россия – священная наша держава,
Россия – великая наша страна.
И воспрянет над ней восход дирижаблей,
И миром всем править будет она!
Боже, царя храни!
Сильный, державный,
Царствуй на славу нам,
Царь левославный;
Боже, царя храни...*

Трубы стихли, и вот над лесом взмыли дирижабли. Один за другим они медленно и величественно ползли в сторону зрителей, подобные каравану кораблей, только принад-

лежащих куда более свободной стихии. Первым шел флагман и гордость российского флота, самый большое военное воздушное судно в мире, дирижабль-авианосец «Пожиратель туч».

Кира услышала, как за соседним зрительским аэростатом мужчина перекрикивает потоки воздуха в микрофон:

– Открывает воздушный парад флагман российского флота, идущий на высоте...

Кира узнала мужчину. Это был Дмитрий Крысилев. Он стоял перед камерой и комментировал воздушное шествие. Аэростат был напичкан камерами и всякой другой аппаратурой – он весь был отведен прессе, которая освещала парад. Заинтересованная работой своих будущих коллег, Кира замороженно наблюдала, как объективы камер ловят пухлые облакоподобные формы военных кораблей.

– Вот он! Вот он! Смотрите, мисс! – Капитан Смертин показал на третий по счету дирижабль, на корпусе которого было выгравировано «Громобой». Он уступал по размеру «Пожирателю туч», но был более маневренным и быстрым. Следом шли дирижабли-близнецы, изящные «Арабелла» и «Аркадия», настолько же смертоносные, насколько красивые. Надранный до блеска фюзеляж слепил глаза восхищенных зрителей солнечными бликами.

Вокруг цеппелинов вились самолеты-истребители, перехватчики и разведчики. После «Аркадии» плелись пузатые бомбардировщики с десятками убийственных боеголовок

под крыльями. Они прятали их подобно тому, как птицы прячут своих невылупившихся птенцов. Только это были самые уродливые, злые птицы – хуже стервятников, питающихся падалью.

Смертина было уже не остановить. Завороженный парящими дирижаблями, покоренный их мощью он без умолку болтал, шевеля широкими усами, смешивая на своем речитативном пути технические формулы устройства летательных аппаратов, патриотическую идеологию, историю страны и личную биографию. Казалось, капитан вошел в транс, который, правда, никто с ним не разделял. В его речи путались наименование клапанов! Барометров! Законы притяжения! Статики! Скорость попутного ветра!...

– ...Кира, вы заметили какой сегодня солнечный день? Не правда ли? Каждый год одно и то же: в день парада светит солнце! Как по волшебству...

– Только за такое «волшебство» платят несколько сотен миллионов, чтобы химическими реагентами разогнать облака... – скептически пробурчал Однабоков. Но его голос потонул в капитанском экстазе.

– Что-что вы сказали? – Смертин не слышал никого кроме себя. – Так вот, каждый год в день Парада мы чтим память наших предков. Ведь только сегодня можно это сделать! Всегда с утра в этот день смотрим телевизор! Такова традиция! Потом каждый должен повязать георгиевскую ленточку: я – на машину, жена – на сумку, дочка – в косички, собака – на

шею, а сын на... О, это моя гордость! Я кричу ему с кухни: «Рядовой Иван Смертин!» Он уже тут как тут: подбежит и отдаст честь. С детства научен, что есть такая профессия – Родину защищать. И слава богу! Мы с женой наряжаем его в гимнастерку, надеваем пилотку. Растет будущий юнкер. В руках – деревянная винтовка!

– Почему вы сейчас не с семьей? – растерялась Кира.

– Ну так им сюда не положено, там они, внизу, – он махнул рукой в толпу. – Так вот, с утра сегодня, значит, едем... На улице нам попадаются другие счастливые семьи, и все детки тоже в военной форме! Это правильно! Вот мой сынишка, хоть и маленький, а знает, что к такому с детства надо приучать. А если завтра война? Восьмилетние детишки не идут – маршируют под руку со своими мамками, рядом едут танки-коляски: «Можем повторить!» Красота! И слава богу! У меня аж слезы наворачиваются от умиления. А про себя думаю: «Жалко, что дочурка у меня, Верочка...» Так бы двух солдат Родине подарил.

Кира уже начала уставать от потока слов капитана, который, как из брандспойта, поливал ее своей личной жизнью. Она покосилась на Влада. Даже веселый и разговорчивый в начале дня брат, теперь хмуро переговаривался с Однабоковым. «Надо девочку спасать, а то он ее совсем заговорит...» – Кире показалось, что губы писателя произнесли именно это.

– ...С утра мы были на кладбище, там могилы павших во-

инов и, конечно, давка из желающих сказать: «Никто не забыт, ничто не забыто». Прямо на входе, возле черной ограды поставили ларьки с гвоздиками. Всего 50 рублей за штуку! Столько стоит память! И это хорошо, что ларьки так близко к кладбищу! Все для людей! Сервис! И слава богу!

– Для тех, кто никого и ничто не забыл, но купить две гвоздики, все-таки забыл, – встрял сзади Влад, но его слова остались без внимания.

Он и Однабоков сочувственно смотрели в сторону Киры, пытаясь подать ей знак, что разговор лучше закончить, пока капитана совсем не унесло в открытое небо. Они почти что выплясывали парный танец, состоящий из мимических жестов, подмигиваний и странных поз. Однако сами они уже не знали, как вклиниться в разговор и прервать Смертина. Если в начале парада Однабоков чуть ли не открыто соперничал с капитаном, то теперь словесная стена отгородила его от внешнего мира и делать хоть что-либо стало просто бессмысленно! Это эйфория! Экстаз! Патриотическая овуляция!

– ...И пускай кто-то делает бизнес, а в двух метрах левее похоронены солдаты в братских могилах. А мой юнкерочек чешет прямо по газону (по пересеченной местности, так сказать) – разведчиком будет! Цветы и венки свалены на могилах, практически в кучи. Но ведь больше – лучше! Жаль, теща не видит всей этой красоты, – он гоготнул. – Цветов, что у нее на грядках! Ну она пошла в Бессмертный полк по городу, тоже дело хорошее! Это ведь наши скрепы! А мы вот

сюда, на парад примчались! А вечерочком можно и на дачу, выходной же, в конце концов...! И слава богу!

– Капитан, – голос Киры показался ей самой холоднее железа. – А где же ваша георгиевская ленточка теперь?

Смертин в смятении обшарил мундир, на котором побрякивали бесполезные медальки за доблестную службу. Не найдя ленточки, он моментально успокоился.

– Потерялась видать... ну ничего куплю новую.

Ухватившись за паузу, Однабоков и Влад выдернули Киру из лап капитана: «Просим прощения, нам с мисс срочно нужно обсудить один неотложный вопрос...»

Кира устало повалилась на жесткое сиденье спиной к Смертину, дирижаблям, императору и параду. Смотреть ей уже не хотелось.

Темный больничный коридор с запахом нашатыря и просроченных таблеток, впитавшимся в белый, но грязный кафель, разнес гулкие шаги, пытающиеся казаться как можно тише. Этот монотонный и медленный гул, отдаваемый вибрацией эха, отражающегося от стен, казался пульсом этого мертвого места, но пульсом слабым и умирающим. Пульс – толчки крови – разносился по длинной варикозной набухшей вене с синим отливом. Пульс дошел до изгиба вены и свернул за угол. Но поскольку никто не видел его и не слышал, он как будто переставал существовать для всех кроме самого себя. Будто его и не было здесь.

Пульс понял это. И поэтому, утратив прежнюю осторожность отделился от стены и приобрел блеклые очертания человеческой тени. В лунном свете проступили черные руки и ноги. Тень скользнул к палате, как смерть, пришедшая за больным. Но смерть знает эту больницу, для одних она избавление от страданий, для других нежеланная гостья, но как бы там ни было, она завсегдатая, она снова и снова приходит сюда. А тень – нет.

Тень осторожничает, как волк, который старается не угодить в капкан медленно, бредет по лесу. Тень нервничает. Однако несмотря на это, тень идет под руку со смертью.

Смерти не нравится ее спутник, но он тут один и другого

нет. А тень несет смерть в себе – ею набиты карманы, она прячется за пазухой, под кофтой, мягко облегает кожу, расползаясь по ей холодными пупырышками. И смерть, понимая, что выбора у нее нет, становится с тенью чем-то однородным, единым. Тень – это и есть смерть, даже если он просто человек.

У смерти должен быть носитель, не хозяин, но передатчик и вестник. И тень очень подходит для этой роли. Несмотря на то, что он молод и не имеет опыта, тень справится, он это знает, и смерть это знает тоже.

Через большие окна в холл проступает свет полной луны, и теперь уже не остается сомнений, что тень – это юноша, даже почти мальчик: затравленный, загнанный, испуганный, с животными повадками, оборотень, но все-таки еще человек.

Крадучись, он подходит к белой двери палаты. Бледными, худыми, длинными пальцами, как паук, он прощупывает дверь в поисках заветной ручки. Наконец, острые ногти с неприятным скрежетом клацают по металлу. Человек-тень отдергивает руку в страхе, но тут же возвращает ее на место. Он знает, что здесь он один. Он только привел с собой смерть, и она шелестит в складках его одежд.

Но он не убийца! Он никогда до этого не убивал! Даже насекомых, которые его всегда до жути пугали... И в детском пансионате, когда его сверстники ловили жуков и отрывали им крылья или жгли лупой горки муравейников, он отворачивался с отвращением и ненавистью. Он не садист! Он уда-

рил своего приятеля-однокашника, который поймав комара, отрывал одну за другой тонкие лапки. Комар был гораздо ближе сущности человека-тени, и может поэтому люди ему нравились куда меньше. Если рассуждать так, то убить человека становилось не таким сложным и ненормальным делом.

Но он не преступит черту! Ведь не преступит? Он не преступник? Во всяком случае не сейчас... Это уже произошло один раз давно или происходило все время, но постепенно. Опять же, в детстве, это было между ним и сверстниками, когда те обсуждали игры или телевизионные передачи, которые его не интересовали, но ему приходилось молчать, когда он в разговоре о кино путал слова «триллер» и «трейлер», и все смеялись над ним, а он решал, что лучше бы уж ничего не говорил, чем вот так позорился, и еще когда все они шли играть в футбол и вспоминали имена любимых игроков, а он не знал никого, да и играл плохо, ведь и это его не интересовало, но он был вынужден притворяться, чтобы ребята не поняли, что он – другой!

Так раз он другой, почему же сейчас он не сможет сделать это? Пусть даже из-за своих комплексов, из-за слабости – он это не отрицает... Он умен и умеет анализировать свои поступки и мотивы. И как раз по тому, что тень умен, он знает: в его поступках есть не только слабость, не только воля высшей силы, есть здесь и личный мотив.

А может им вообще движет глубокое, возвышенное чувство любви, рождающее в нем под нефом ребер ревность.

Дело ли в ревности? Нет... не знаю... хватит думать... Тень открыл дверь.

Внутри была только одна кровать и куча техники вокруг. Техника протянула свои щупальца с присосками на концах к рукам и ногам девушки, лежащей на койке. Девушка была слабой. Она недавно перенесла очередную операцию.

Девушку звали Мари. Она спала и ни о чем не подозревала.

«Ну здравствуй» – хотел сказать тень, но не решился. Он застенчив, но Мари его и не услышала бы, так что оставим эту тривиальную надрывность театральным подмосткам. В этой одиночной реабилитационной палате никакой драмы не случится. Ведь она, Мари... она все равно уже наполовину мертва. И умерла бы и без его помощи. Он лишь...

Решительным движением тень повернул переключатель на аппаратуре. «Мари...» – только теперь имя не имело никакого значения.

Экранчик с бегущей линией пульса погас, как затерявшийся в страшном лесу светлячок, обернувшийся похоронным прямоугольником черной пустоты. Все звуки тоже исчезли. Теперь все.

– Прощай, Мари... – прохрипел тень.

Мари ни капли не изменилась, жизнь просто затихла в ней, как одинокий звук варгана в опустевшей комнате.

Тень вышел из палаты, собираясь уходить, но передумал. Нужно было сделать еще одно дело... В очереди одинаковых

дверей, он нашел ту, у которой уже стоял какое-то время назад с придыханием и волнением, чувствуя скорую встречу. Тогда казалось, что вместо легких у него разводы майских облаков. Теперь вместо облаков только седая пыль.

Эрик? Да, кажется его зовут так. Но это не важно. Для смерти имен не существует. Эрик спит ровно и безмятежно. Чистый и опрятный, почти розовый, как ребенок. Так даже и не скажешь, что он провел в больнице больше месяца. Выглядит он свежим и радостным. Эрику снится сон, о той жизни, которая ждет его за пределами больничной палаты. Он думает, что жизнь ждет его. И только тень знает, что в его снах нет никакого смысла. Сны Эрика – не более чем опиоидная блажь в центре макового поля...

Тень смотрит прямо в закрытые глаза с длинными ресницами. Красивое лицо. Именно такие мальчики в школе всегда были лучшими, лидерами и отличниками, они вели за собой. Они мечтали стать президентами и летчиками. Вечно правильные, вечно правые – именно таких тень не любил больше всего. Потому что такие, как Эрик, ненавидели его за слабость, за то, что он другой, за то, что он не убивает жуков и не может поймать мяч, стоя на воротах. Такие прилизанные мальчики называли его, тень неудачником и занудой. Они были выше и сильнее, никогда не болели и всегда ходили на физкультуру. Зимой – лыжи, летом – футбол.

Тень стояла так несколько минут, глядя, как юношеская грудь Эрика вздымается и опускается в последних минутах

дыхания. Пусть он тоже умрет во сне. Тень ненавидела его, но он заслужил легкой смерти, потому что ничего плохого лично ему не сделал. Просто ему нужно умереть. Вот и все. Он ни в чем не виноват. Просто он *должен* остаться в прошлом, так же как в прошлом осталась Мари.

Тень взял подушку с соседней кровати и медленно опустил на спящее лицо – будто закрыл его фатой, а затем плотно прижал. Руки, как поршни, выпрямились, вдавливая подушку так, чтобы она перекрыла воздух.

Ему незачем жить, он все равно навсегда останется инвалидом. Он – часть своего прошлого, но тень не может позволить ему быть прошлым и в чужой жизни тоже. Да и зачем нужно такое искалеченное воспоминание?

Эрик проснулся в резкой черноте, его тело заметалось, задергалось в конвульсиях, пытаясь сопротивляться, но жесткие руки держали крепко. Эрик вырывался из мягкой, обволакивающей, душающей темноты, зубами он прогрызал себе путь к кислороду, пока ни разорвал ткань. Но пух набился в глотку и в ноздри. Как вата, перья заполнили собой весь рот, напокая от судорожно текущих слюней. Пух щекотал и колот горло.

Тень слышал хриплые, сдавленные крики.

Эрик так и не вырвался из темноты до самой смерти. Последние секунды своей жизни он пытался посмотреть сквозь черную пелену, но не сумел – не узнал, что его убило. Он пытался кричать, но пух поглощал все звуки. Он был в

вакууме, он был один.

Теперь тень смотрел просто на тело. Не человеческое, а просто тело, закрытое сверху почти прогрызенной подушкой. Сразу стало пустынно. Тени хотелось уйти, оставив все как есть, только бы не поднимать подушку с оплывшего лица, но он не мог не закончить начатое. Нужно избавиться от улики.

Тень приподнял выпотрошенную ткань, из которой валился пух и перья. Под подушкой было остывающее лицо, измазанное соплями, слезами и слюнями. Они быстро высыхали, оставляя неровные ручейки разводов на щеках и подбородке.

Пух разлетался по палате. Его нужно собрать. Спокойными руками тень поднимал одно перышко за другим, складывая из в разодранную подушку, которую держал на подобие мешка. Затем нужно было собрать тот пух, который прилип к мертвому лицу. Он касался пальцами безжизненной кожи, дергая по одному перышку. Кропотливая и долгая работа. То, что нужно, чтобы успокоиться. Разобравшись и с этим, он начал доставать перья изо рта, всовывая кисть в немую глотку. Рука с каждым разом погружалась все глубже. Отстраненно и монотонно тень извлекал бесформенные комки слипшихся и полупережеванных перьев.

Глухая ночь не заметила, что стало на два трупа больше. Случайные прохожие видели, как от мрачного здания больницы отъезжает красный кабриолет, но никто не обра-

ТИЛ НА ЭТО ВНИМАНИЯ.

«А я говорил ей. Я говорил ей, что если хоть еще раз она приедет сюда, то пожалеет об этом. Что она сказала тогда? Тогда, в тот раз, уезжая со своим новым хахалем за границу... «Прости»? «Сердцу не прикажешь»? «Спасибо за понимание»? А если я устал понимать. Если я, черт возьми, устал поступать правильно! Ты, Мари, моя бывшая, моя старая любовь. Ты предала меня! Ты уехала с ним, и что теперь? За что ты так со мной? Впрочем, у этого нет никаких «за что», у этого нет объективных причин, кроме той, что ты – эгоистичная тварь! Ведь я просто хочу, чтобы меня любили! Но не я отомстил тебе! Само небо убило тебя, а я просто доделал его работу. Небо! Слышишь меня, Мари? А? Теперь ты ничего не слышишь... знаешь, если бы я веровал, то сказал, что это Бог наказал тебя, что справедливость есть! Но справедливости нет, как нет и Бога, а если он все же есть, то он просто устал от нас. Поэтому приходится все брать в свои руки... Теперь-то я научился. Все, что было во мне – наитупейшая безысходность. А ведь так хотелось, чтобы хоть кто-то был готов ради меня делать то, на что я готов ради других, чтобы не я один страдал... Почему именно мне досталось нести всю боль человечества? Иногда мне кажется, что я один способен вообще хоть что-то чувствовать, отсюда вся эта ненависть... а люди только и способны – раз-

влекаться, дрочить и спариваться... за что их любить? И в их унылой мещанской жизни, если и происходит хоть нечто уникальное, единственная их реакция – сфотографировать это. И то, фотографии будут выкинуты или потеряются во время очередного переезда... Люди слишком просты, слишком поверхностны. Ты, Мари, была именно такой. Я – твоя игрушка, которая тебе надоела. Люди умеют только потреблять, пользоваться друг другом. Ты не представляешь, что я чувствовал? И все что я мог – это превращать свои страдания в слова, которые никогда не будут произнесены. И поэтому я плакал. Слезы – это всегда жалость к себе. Но я атрофировал слезные железы. Убить в себе жалость. «Спасибо за понимание!» На хрен мне твое понимание? А если я не хочу вообще больше ничего понимать? Я просто пытаюсь понять, ЧТО СО МНОЙ НЕ ТАК? Дело не в самооценке, которая, кстати, у меня страдает из-за кучи комплексов и внутренних сомнений, которые дерут меня изнутри. Но объективно: я не урод, я достаточно умен, да не так, как люди моего круга, но умнее многих, я богат, и пусть это богатство отца, я – наследник, я из знатного рода, но это не играет никакой роли, по сравнению с моими личными качествами. В тот раз, когда тебе нужно было оплатить лечение, помнишь, кто это сделал? А знали мы друг друга меньше месяца, Мари... Так скажи мне, неужели меня не за что любить? Разве любовь не дар, которым, ты так разбрасываешься... А ты только думала о собственном благе. Твой покой и твой комфорт для

тебя важнее всего, важнее чувств других. Что ж, я подарил тебе покой. Ты умерла во сне, хотя этого не заслуживала. Я бы хотел, чтобы ты мучилась перед смертью, я хотел, чтобы ты увидела мои глаза в последний раз и знала, что это я убил тебя. Ведь я старался ради тебя, старался строить наши отношения. И говорил, что ты – в последний раз, что больше не полюблю и не доверюсь, что любить – это труд. От моей любви не вырастают крылья. Моя любовь – гвозди, гиря, наковальня. Она душит меня. Я старался, но у меня опять не получилось... «Спасибо за понимание»!!! Меня воротит от этих культурных слов и прилизанных формулировок. От этой чертовой толерантности! Как бы кого ни обидеть! Новая этика, новая искренность... Все вокруг новое, только я и мир остались старые, и я не знаю как в нем жить! На самом деле мне просто в очередной раз не повезло. Так уж сложилось, что это случается слишком часто. Может вообще на настоящую любовь способны не все? Что ж ладно... мне было не так больно... во всяком случае не больше, чем после расставания с первой девушкой. Похоже, что я научился жить с этим чувством потери. Потерпи, говорю я себе. Но с каждым разом любить все труднее. Каждая новая девушка отнимает часть меня. И в конце не останется ничего. Я взрослею и те, с кем я знакомлюсь, тоже становятся старше. Они проживали свои жизни без меня, и потому у них формируются свои привычки и взгляды, которые надо каждый раз учиться принимать. Но у меня, чем дальше, тем меньше сил. Почему

никто не думает о том, что у меня тоже есть свои взгляды! С каждым годом они все больше костенеют, и мне все труднее подстраиваться под других людей! Поэтому я старался держаться за каждый шанс! Но ты все убила! Все кончено, маркиза де Феррер! Кто-нибудь посмотрите на меня! Ну ведь я не злодей! Я тоже заслуживаю счастья! Я хочу быть счастливым! Но только где его искать? Со сверстниками мне скучно, взрослые вызывают у меня омерзение, а в детях я разочаровался заранее, ведь рано или поздно они вырастут и станут такими же... И зачем их только родили? Зачем родили меня? Но снова говорит во мне жалость к себе. Я хожу кругами... Жалость! Я смотрю на них, на людей. Их жалко. И я ненавижу себя за жалость к ним. Ведь и этого они не заслуживают – никакой жалости: ни к себе, ни к другим. Их шапки с помпонами, безмятежно сложенные руки, дешевые сумки из кожзаменителя, магнитики на холодильнике... – эти люди всем видом вызывают к себе жалость. А я ее в себе убил. Слабость и бедность должны наказываться. А ты, Кира, не думала, что я такой? Верно? Жалость! Почему мне их жалко? Но я превратил свою грусть в злость, ибо лучше быть злым, чем слабым. Жалостью наполнена вся страна... О! что это за страна! Грязная, неряшливая, похожая на раскоряченные ноги кухарки, на водородную бомбу, да хоть на эти чертовы дирижабли, мать их! Что же это... что же это... что же это делается... Страна – где все вот так! Жирная страна, толстая страна, огромная страна! Как тетка! Как свинья! Тебя

пучит, распирает живот! Тошнит! Ты выплевываешь своих детей за границу! Ты – лопух! Репень! Мать и мачеха! Мать-перемать! Как же так... что же это делается... Как любить мне тебя, объясни? Ты – большая страна, ты – толстая! Рвется соком проржавевшая сныть под колесами бронепоездов! Отрыгнет ветер в воздух листву, занесет она поезд и шпалы, будто не было тебя вовсе тут, будто ты – просто шлюха да шмара! На работу в районе шести ты уходишь, уложив спать в кровати. И спящему шепчешь: «Прости, прости меня, глупую мать...» Мальчик глушит водку отца, когда тот тебя за сосцы схватит, но вскоре отстать от тебя решит и остыть. Ломки холода... Вымерший Омск... Черной кровью струятся цистерны... Тает купол у церкви, и воск оставляет кирпичные стены... За кого же пойдет война, если ты в поруганном платъице сидишь, поджав ноги, одна, и тихо в ладони ты плачешь? Ты одна – опустелый дом... Только по полю рассеяны маки... Я вхожу к тебе, сделав вдох, я вместе с тобой буду плакать... Нет! Как я мог так поступить с ними? Как! Как паскуда! Нет, Россия – не тетка, не мать, а подросток, не наигравшийся в солдатиков! Жадный подросток! Злой! Злой! Это моя страна. Моя и Киры. Что, Мари, теперь ты поняла? Родина все помнит. Я тоже играл в солдатиков... Я солдатик моего отца. Мари бы все равно умерла. Но так это сделал я. Я тебя понял, но я не умею прощать. Ты мое прошлое, а я двигаюсь в будущее. Я отпускаю тебя. Отсежь все старое. Свое прошлое. От себя я отсею Мари, от

Киры – Эрика. Он бы все равно остался калекой. Зачем ему жить? Чтобы его жалели? Жалость нужна слабым... Глупый Эрик робко прятал тело жирное в постели, Кира – это буре-вестник, вся она свободой дышит... буря мглою тучи кро-ет, тучных туч густые тени, покрывая всю больницу в окна лезли прямо к мертвым... И подует новый ветер... ветер ве-ет... туч разливы, отражаясь над землею, над судьбой людей смеются... и раскаты мокрой грязи – всей весны прошедшей слякоть – небо гордо отражает, оставаясь все же чистым. Ки-ра – это буревестник, только ей подвластно небо, и раскаты гадкой грязи не запачкают ей платья... Кира – это новый ве-тер, ветер ведь дитя свободы, и раскаты грома тоже... толь-ко в спину ей смеются... град горохом рассыпаясь, шаг ее – на грани срыва, и слюнявый дождь измызгал юбку, воло-сы разбрызгав... горький воздух в легких бьется, он напол-нит силой мышцы, на борьбу, в которой сгинут неизвестные солдаты... звук бесструнной укулели наполняет возглас ча-ек... молний тысяча бесплодных отсветов вокруг сверкает... все вокруг любви подобно... Я сказал «любви»? но все же... неужели это правда? Только ей служить готов я, только в ней я вижу смысл! Только Кира – буревестник! Знаю, скоро гря-нет буря!»

Кира поднялась к кабинету графа. Со слов Дороти, он еще не ложился – возникли неотложные дела. Кира искала Влада, с которым должна была сегодня поехать навестить Эрика. И служанка сказала, что брат сейчас у дяди в кабинете. Дверь была закрыта неплотно и вместе с полоской света в коридор просачивались голоса.

– Кто тебя просил делать все самостоятельно? – спрашивал Дракула-старший.

– Никто! Но может у меня были свои причины!

– Ты кретин! Идиот! И как я вообще воспитал тебя! Ты должен заниматься... сам знаешь чем! Больше от тебя ничего не требуется...

Кира остановилась, не решаясь постучать. Почему-то ей казалось, что речь идет о ней. Но смысл оставался непонятным. Кире стало интересно, но в то же время подслушивать она не хотела.

– Остальными займусь я, – закончил граф Дракула. – Понятно?

– Да... – уныло ответил Влад. – Я большего и не хотел.

Разговор был окончен, и Кира, деликатно постучав по дверной створке, вошла в кабинет дяди. Отец и сын оглянулись на нее резко, будто занимались чем-то неприличным и теперь были пойманы с поличным. (Только глупый

читатель увидит в предыдущем предложении извращенный смысл, умный же найдет ответы на собственные догадки, в которых, он вероятно уже ушел далеко вперед относительно событий этой истории...)

– Доброе утро, – поздоровалась девушка, переводя взгляд с дяди на брата. Ее не покидало ощущение, что от нее что-то скрывают.

Влад покосился на окно. Дракула-старший смотрел ровно и спокойно. Его холодные глаза ничего не выражали и казались безжизненными, как белки старой сваренной в супе рыбы.

– Я не вовремя? – спросила Кира.

– Нет, нет! Доброе утро! – ответили они почти слаженно.

– Мы едем, Влад? Ты обещал. Парад был вчера.

Влад молчал, опустив глаза. Потом перевел взгляд на отца в надежде, что тот скажет что-то, но Дракула многозначительно поджал губы, предоставляя сыну возможность самому поделиться новостями.

– Видишь ли... – Влад не знал, как сказать, и поэтому сказал просто и коротко. – Эрик мертв.

Граф Дракула заметил, как плечи Киры вздрогнули.

– Я вас оставлю. Терпеть не могу смотреть, как кто-то плачет. – Он вышел из кабинета, оставив племянницу вдвоем с сыном.

Проходя мимо Киры, он протянул ей платок, но она не заметила этого жеста, и так и осталась стоять, как будто гипсовая статуя в саду, с накинутым поверх безжизненного тела черным платицем. Маска лепнины лица замерла, отражая смятение, исходящее откуда-то из глубин ее грудной клетки. Там, под слоем гипса и глины были металлические ребра и арматура-позвоночник, но где-то еще глубже, глубже, чем кости, чем выточенное каменщиком сердце, жило отчаяние, которое ни один умелый скульптор, казалось, уже не сможет убрать оттуда.

Не умеют статуи плакать. Даже если очень хочется, поэтому Кира как-то странно-сонно и неуверенно подошла к креслу и, ломая штукатурку на своем теле, осыпаясь вместе с ней, упала в мягкую, засасывающую кожу.

Влад что-то говорил – двигались его губы, но она ничего не слышала.

– Прости, прости... – шептал он, прижавшись своими губами к ее уху. Только когда он касался ее, она различала слова. – Прости меня, прости...

– За... что... – произнесла она по слогам.

Но он не знал, что сказать, или не мог.

– Кира... милая Кира... – он гладил ее, обнимал, ощущая в первый раз в жизни, что ее кожа холоднее, чем у него.

– Милая, милая...

Он сидел перед ней на корточках, как нотрдамская горгулья – костлявый и худой скелет. Он обнимал ее, отдавая ей всю любовь, на которую он был способен. Это немного, но это все, что у него есть.

– А Мари...? – белыми губами спросила Кира.

Влад молчал, и в его молчании было больше тысячи слов.

За одно утро она потеряла двух близких людей. Не веря Владу, надеясь, что он лжет, Кира спросила: «Откуда ты знаешь?» Но он знал.

Знал, потому что отец собирал информацию о крушении «Мирного». Каждый выживший был на счету, и о каждом Дракула-старший имел сведения: имя, место пребывания, диагноз. Не так уж много данных. Всего восемь папок, не считая данных о кухне.

Кира просидела в своей комнате весь день до вечера, не выйдя к обеду и отказавшись от чая. После того, как она не пришла на ужин, Влад поднялся к ней сам.

– Можно? – он робко постучал в дверь, но не получив ответа, заглянул в щель.

Кира сидела на кровати, прижимая к себе подушку. Волосы ее растрепались, платье задралось до коленок, но она не замечала этого. Зато заметил Влад. Он не знал, как повести себя и просто сел на край кровати.

– Как такое возможно...? – спросила Кира растерянно.

И он вздрогнул от неожиданности ее голоса.

Кира, глядя в пустоту и, наверное, не особо ожидая ответа, говорила сама с собой:

– Он шел на поправку, когда меня выписывали... Ему было хорошо. Если Мари... по словам врачей, у нее почти не

было шансов. Я могу поверить, что она умерла, но Эрик...

– Родная, – ему нравилось это слово. В отношениях между мужчиной и женщиной порой проходят года прежде, чем это слово может прозвучать. А у Влада было право произносить его. Хотя бы, потому что она его сестра, и плевать, что сейчас он скорее вкладывал в него совсем другой, более нежный смысл. Но он был готов сделать что угодно, лишь бы она не страдала, лишь бы ей не было так больно.

Он хотел сказать, что не стоит выдавать желаемое за действительное, но не стал. Смерть – это окончательно. Но это звучало бы жестоко. Так мог сказать Дракула-старший, а Влад не хотел становиться похожим на отца. Да и тут вообще нельзя подобрать какие-то слова. Они только мешают, поэтому он просто прижимал ее к себе, надеясь, что она почувствует, что не одна.

– Не будешь есть? – только и спросил он, чтобы не слышать ее тишины, чтобы говорить, потому что, пока люди говорят, они живы. Им надо жить, какими бы они ни были.

Кира медленно повернула голову, пытаясь ей помотать, но остановилась. Голова смотрела вбок, как у сломанной куклы, у которой кончился завод.

Влад обволок ее лицо своими руками.

– Я с тобой, – прошептал он. – Я рядом, и я о тебе позабочусь.

Он, как ребенка, уложил ее в кровать и накрыл одеялом. Кира не шевелилась.

– Помнишь, как мы играли в «Дочки-матери»? – спросил он со всей лаской, на которую только был способен.

– Это я тебя заставляла, – Кира, как могла, улыбнулась.

22

Солнце садилось и поднималось несколько раз, заставляя всех живых подниматься вместе с ним. Дни шли вялые и скучные, их приходилось проживать, только чтобы на следующее утро встретить точно такой же день. Время тянулось медленно, но все же тянулось, унося с собой воспоминания о похоронах, на которые Кира не поехала и только слышала о них.

За все это время она говорила только с Владом, который как будто понимал ее. Они сблизились еще больше, и ей все чаще казалось, что они – какое-то странное подобие семьи: сидят вдвоем в креслах перед камином, а в ногах копошится Пашик. Напротив Киры сидела не ее муж, а на полу не ее сын. Но раз уж все в этом мире неправильно, то и исправлять нет смысла. Такая им досталась семья и с этой семьей им и надо жить. Так нелепо и неправильно срасталось обратно разрушенное счастье. Ее воспоминания о доме и детстве теперь были чем-то совсем далеким. А вокруг все сломано и запутано настолько, что чинить уже нет смысла. Ее жизнь – безнадежно плохая картина, которой не поможет реставрация, ее жизнь – заброшенный дом, который не спасет ремонт.

Ей приходилось жить в этой картине и в этом доме, потому что иногда обстоятельства таковы, что изменить их невозможно, а если попытаешься – сломаешь хребет. И вот она просто доверилась Владу и своей судьбе, надеясь, что рано или поздно на горизонте замелькает свет того восхода, который все-таки будет отличаться от всех остальных.

И все-таки жизнь мудрее людей, она сама расставит все по местам, даже если людям кажется, что места эти странные и несуразные...

И медленно, из прибывающего поезда будущих событий, на перрон выйдут новые игроки.

Влад зашел в комнату Киры, та лежала в кровати в ночной рубашке. Был уже час дня, но она еще не вставала. Кира дочитывала «Аду».

– Это книга Однабокова? Думаю, ему будет приятно, – Влад сел рядом с Кирой.

– Я ему не говорила, что читаю его книги.

– Отчего же?

– Мне не хочется с ним говорить, – Кира перелистнула страницу. Но смысл печатных слов ускользал от нее по мере того, как комната наполнялась словами устными.

– Надо вставать! ты так всю жизнь проспичь. Или станешь как мой отец: будешь жить по ночам и пить кровь, – он попытался развеселить сестру.

– Я не хочу вставать, – безразлично ответила она.

– Придется. Сегодня будет бал!

– Что значит бал? – не поняла Кира.

– Танцы... гости... – смутился Влад.

– Я не пойду, – поморщилась Кира.

– А идти и не придется. Он в нашем доме будет.

Этот ежегодный прием Адольф Дракула устраивал в середине лета, через несколько недель после парада, объяснил Влад. Конечно, Кира могла остаться в своей комнате, заперев ее на ключ, но музыка и шум голосов достали бы ее и там.

– Знаю, тебе сейчас тяжело, но ты уже много дней сидишь вот так – не шевелишься. Может стоит изменить тактику? Попробуй отвлечься. Тебе больно, потому ты хочешь, чтобы тебе было больно. Ты знала, что такое смерть. Я уже говорил это однажды и скажу снова: ты потеряла маму, и я тоже – и поэтому мы должны держаться друг друга. Я тебя понимаю, но и ты, прошу, пойми меня. Мне жаль твою подругу, но Эрика ты знала всего один вечер. Ты сама это рассказывала. И сейчас тебе плохо скорее от неожиданности, нежели от боли. Это не то чувство, которое загоняет в тебя кол так, что ты уже не можешь пошевелиться. Ты должна жить, хотя бы ради тех, кто живет рядом с тобой, ради себя, в конце концов.

Кира закрыла книжку.

– Хорошо. Я приду на бал.

Следующие несколько часов она провела в ванной вместе с Дороти, которая тщательно натирала, мылила и шампунела «молодую госпожу». После, завернутую в полотенце, ее проводили в гардеробную, где слой за слоем начали наряжать. Цветовая палитра была скудна, но зато фасоны отличались роскошью и красотой. Влад, зная о предстоящем балу, уже все подготовил, заказал для сестры новое платье и туфли – он, наученный горьким опытом хождения по женским магазинам, уже знал все ее размеры и вкусы.

Влад хотел пригласить в дом модельера и портного, но Кира ответила из-за ширмы, что еще чуть-чуть и он перестарается.

И вот, сияя всей насыщенностью черного, поглощающего свет, платья она предстала перед ним.

Они спустились вниз, в ожидании гостей. Дракулы не было. Он по словам Влада предстанет в самый разгар вечера, то есть в полночь. До тех пор развлекать гостей придется им.

Они вышли на веранду посмотреть, как садовник выстриг кусты, и подышав свежим воздухом, вернулись в залу, где музыканты выставляли пюпитры и расчехляли скрипки, а слуги выносили закуски для таких же, как и Дракула, вегетарианцев – мидии, лангустов, розетки с икрой, фондю, «цезарь» из травокуры, спаржу, и для тех, кто ест мясо – фарши-

рованные рулеты, шпик, козлий паштет, бастурму, паштет из гусиной печени.

Первым из «пришедших» гостей был Владимир Однабовков. Он гордо спустился с лестницы и поприветствовал хозяев. Его смокинг струился черным лоском.

– Кира, рад вновь видеть вас, – он согнулся в старомодном полупоклоне. Кира обратила внимание на темную, «ночную» бабочку, повязанную вокруг накрахмаленного воротничка писателя.

Около восьми вечера у дома начали останавливаться пажонские автомобили, из которых один за другим выходили дамы в черных платьях и мужчины в черных костюмах. Парад пар походил на похоронную процессию, и вполне возможно, что сейчас в поместье Дракулы действительно съезжались упыри и вурдалаки. Только пришли они не из детских сказок, которыми жители провинций пугают своих детей перед сном, они выползли из своих дворцов-склепов, которые на самом деле были чисто убраны и залиты светом, проходящим через панорамные окна, обставлены эти дворцы были изысканно и со вкусом, и воздвигнуты на самой дорогой земле нашей страны, но все равно почему-то отдавали мертвечиной.

Нет, это не был булгаковский бал у Сатаны в прямом смысле слова, но люди вели себя достаточно осатанело – кровопийцы собрались в доме Дракулы сосать кровушку из своей Родины, и пусть до Волдонской истерии происходящее не

дотягивало: из чужих черепов никто пить не собирался, тем не менее, люди, присутствующие здесь, были настоящими Кощеями, чахнувшими над золотом, – измеряли они свое богатство не в валютах, а в килограммах – килограммы долларов, килограммы евро. Кира увидела в толпе известного режиссера Ларса Фон Триллера, который, судя по всему, также чувствовал себя одиноко в этой толпе, как и она. Такое мероприятие более подходило господам, вроде кожаных кошельков императора, они всегда были в тени, и девушка не знала их лиц. Почти никого, разве что вон того... с обрюзгой красной физиономией. Кажется, его богатство было настолько большим и реальным, что уже обладало собственной волей и даже обрело в народе собственное название по имени владельца. Называлось оно *Золотом Сечения*.

Кардиналы, графы, фельдмаршалы в сопровождении своих фельдмаршалгинь один за другим заходили в залу, здоровались с хозяевами и друг с другом. Здесь были и уже известный читателю архитектор императора Берг Ротен, и главы регионов вроде Размена Никудырова. В толпе Кира узнавала и именитых журналистов – Ольга Скоробеева объясняла задание фотографу – журналисты здесь присутствовали исключительно по работе. Не считая, разумеется, человека, давно переросшего журналистский жанр, он был здесь гостем по праву, хотя бы потому, что походил на вампира не меньше самого Дракулы-старшего. Речь идет, конечно, об Александре Нервозове.

Последовали обычные слова вежливости: «Очень рад...», «Разрешите...», «Позвольте...» Слова льстивые и лживые. Помадные улыбки, сверкающие змеиные глаза, блеск украшений и приторный запах духов – красота и лицемерие высшего общества, апофеоз торжества и праздности.

Кира отстранилась, попятилась, испугавшись собственных мыслей, и уперлась в твердую грудь брата. Влад, едва взглянув на нее, но сразу понял, о чем она сейчас думает.

– На каждую баранессу найдется свой баран, – вкрадчиво шепнул он ей на ухо. – Не бойся они не такие страшные, как кажутся. Надо немного потерпеть. Я сам не рад этим людям.

Он отстранился. Еще секунда и Дракула-младший затерялся бы среди обнаженных спин каких-то знатных особ.

– Влад! – позвала Кира. – Не уходи.

Он улыбнулся, и, наклонившись так близко, что Кира почувствовала его дыхание мочкой уха, произнес:

– Ты и в уборную со мной вместе пойдешь? – усмехнулся он.

– Извини! – щеки Киры заалели, и она поспешила ухватиться за спасительную тарталетку, услужливо поданную отмытым, но все равно каким-то неряшливым Яшей. Слуга склонялся было в неучтивом полупоклоне перед хозяйкой бала, но секунду спустя уже путался между других гостей.

Кира осталась одна, как риф, рассекать поток черных людей, беспечных, красивых, не знающих никаких забот.

Это болезнь. Она струилась и проникала в их дом. Она

вхожа сюда, потому что на самом деле всегда здесь была. Поместье Дракулы – оплот и опухоль этой болезни. Эти слои общества во все века примерно одинаково переносили симптомы, более того, сами же взращивали их в себе как полипы. И вот они – распад, бесстыдство и безнаказанность, потоkanie своим страстям и желаниям, кровосмешение от скуки, бессмысленные интриги и алчность, доходящая до судороги, пошлость и уныние.

И эти люди – самые влиятельные в Росссии. Они вершат власть и распоряжаются судьбами. В их пухлые руки народ вложил себя, на что-то надеясь. Очевидно веря, что кажущаяся, напускная образованность, происходящая исключительно от бессмысленности существования и скуки, и потому превращенную в попытку хоть как-то оправдать бытие, она, эта самая образованность и будет причиной спасения мира. Высшие умы скажут, что делать, если только рот их не будет заполнен королевскими креветками и французским вином.

И Кира, широко раскрыв глаза, понимала: она часть этой болезни. Те же самые симптомы есть и нее. Видеть в окружающих ее людях гниль, с притворно-ледяных хладнокровием рептилии, еще более лицемерно, чем отдаваться страстям и наслаждениям, удовлетворяя свои самые низкие, доведенные до извращений желания.

Из анабиозного осознания порочности, в котором Кира погрязла и которое окружало ее, как топь, девушку вывел

низкий голос.

– Здравствуйте, миледи!

Это был высокий, тучный пожилой мужчина с длинной седой бородой, не обладающий аристократической утонченностью других гостей. Наоборот, в нем было что-то от купца или боярина – тех, высших слоев общества, какие были в Росссии до реставрации императорской династии.

– Вы Кира Неботова, верно? – про то, что к графу Дракуле приехала кузина знал уже весь свет.

Она кивнула:

– А вы...?

– Патриарх левославной церкви всея Росссии Гавриил Второй.

– А, – апатично произнесла Кира.

Ей это ни о чем не говорило. Вопросы веры ее особо не занимали. И то, что этот старец – верховный епископ церкви, к которой она не принадлежала, не значило ничего. Но присутствие его здесь говорило о том, что все пороки и грехи, которые Кира неожиданно для себя осознала секунду назад, происходят с согласия этого человека. И раз этих грехов так много, левославный Бог должно быть либо очень милостив, либо причастен к ним. Вся эта гниль и пошлость – не иначе как с одобрения патриарха и при его участии.

– Ваш дядюшка столько сделал для нашей церкви. Вы знали, что он спонсировал строительство Храма на Крови? – патриарху Гавриилу, не подозревавшему, о мыслях Киры,

явно хотелось поговорить.

«Почему именно со мной? – думала Кира, – как будто у него тут больше нет знакомых...»

– А что это вы читаете?

Кира вцепилась побелевшими пальцами в «Сахарный кремль» Владимира Сорокина, который взяла накануне бала из домашней библиотеки, как только закончила «Аду».

– Крайне не рекомендую, не рекомендую, – увидев название, которое Кира не успела заслонить ладонью, Гавриил насупил густые брови. Брови сошлись на переносице, от чего он сам стал похож на старого разгневанного бога.

– Приходите как-нибудь в наш храм. Вам будет полезно! – священник чуть смягчил тон, но полностью убрать осуждение из голоса у него не получилось. Скорее всего, издержка его профессии заключалась в том, что этот наставительно-поучительный бас навсегда засел в голосовых связках священника.

«Да что же ему нужно...!» – пронеслось в голове у девушки. Тут же она поняла, что говорит только он, а она не отвечает, и успевает только думать, а на деле же до сих пор молчит. В сущности, так же односторонне общаются и с Богом, только в обратную сторону. Ты что-то говоришь, но тебе не отвечают.

– Она обязательно приедет! – раздалось за ее спиной. Кира увидела Однабокова, который в эту минуту показался ей то ли спасательным кругом, то ли рыцарем. Хотя для рыцаря

от был староват, а для круга одушевлен. – Это же ваша вера породила выражение «ходить на лево»? – съязвил он, делая глоток шампанского.

– Кира, вас ищет ваш брат, – сказал писатель, и девушка поняла, что никто ее не ищет, просто писатель по совместительству еще и спасатель.

– А это вы..., – выдавил из себя патриарх. – Рад встречи.

Однабоков было уже развернулся, увлекая Киру за собой, но услышав это приветствие, похожее скорее на перчатку, брошенную в лицо, нежели на слова, вновь обернулся к Гавриилу:

– Странен тот бог, который нуждается в доказательствах, которому нужны храмы и жертвоприношения... Или может он так беден, что постоянно требует жертв от своих прихожан... А, святой отец? Вы так неистово кричите о существовании бога, что он почти исчез, – не дав обескураженному патриарху что-либо возразить, Однабоков, направляя Киру за плечи, увел прочь от бородатого старика.

Теперь они стояли вдвоем возле стены, как две барышни на первом в жизни балу, которые хотят танцевать, но стесняются и потому прячутся в тени и презрительно смотрят ненавидящими взглядами на веселящуюся толпу. Кира представляла именно такую картину. В пансионате, где она училась в последние годы, были и новогодние балы, и праздники по окончании учебного года, капустники, вечеринки. Только все это она не любила. Что представлял Однабоков, она не

знала. Наверное, в его молодости вечеринок не было.

Кира смотрела на книгу в своих руках.

– Вот и Влад меня предостерег. Сказал: «Не бери с собой книгу, это светская встреча. Будешь выглядеть глупо».

– А по-моему, человек с книгой в руках не может выглядеть глупо. Он выглядит приятно и доброжелательно. И с ним всегда можно поговорить... – подбодрил ее Однабоков.

Кто-то встал рядом с ними, чтобы налить себе белое «Мерсо», бутылка которого стояла на круглом столике. Кира подняла глаза и увидела Дмитрия Крысилев.

Как бы прочитав ее мысли, Однабоков, дождавшись, когда «журналист №1 всея Росссии» отойдет, продолжил собственную мысль:

– ...Хотя говорить хочется не со всеми, – он проводил взглядом Крысилева. – Думаю, сегодня ночью этот дом – самый опасный в Росссии. Не хватает только самого императора. Для полного, так сказать, комплекта.

– Что вы имеете в виду?

– Кто знает, какие интриги сейчас витают в этом зале... И вы, к слову, тоже их часть... – он весьма неоднозначно поднял брови.

– Каким образом?

Однабоков замолчал. К его явному неудовольствию, нужно было поздороваться с капитаном Смертиным, пришедшим в сопровождении тучной дамы, которая, насколько ему было известно, не являлась женой капитана.

– Ну... – Однакобоков снова повернулся к Кире. – Это лишь предположение, но насколько я знаю графа...

– Что?

– Росссии было бы выгодно, если бы началась новая война. И уже долгие годы наша страна к этой войне готовится, хотя и не афиширует этого. Однако за доказательствами ходить далеко не надо, достаточно включить любой канал телевизора. И война начнется, стоит вам подтвердить, что дирижабль «Мирный» действительно сбили...

– Но...

– А насколько я знаю, – Однабоков не дал договорить, он торопился, поняв, что выбрал неудачное время для такого разговора. Оставалось надеяться, что ушастые стены, не слышат их из-за музыки.

– Именно граф в первую вашу встречу настаивал на том, что вас сбили.

– Но я же сама так и сказала!

– Сами? Или он хотел, чтобы вы думали, что сделали это сами?

– Но я же видела самолет!

– Как я и сказал, это всего лишь предположение...

– Но мы были с дядей вдвоем! Вы не могли слышать наш разговор!

– Да, но я ведь тоже часть тех интриг, которые здесь происходят. Увы, но вся моя жизнь прошла, как светский раут. И наверное, я в этом не виноват. Те, кто рождается в знатных

семьях, не выбирают себе судьбу. Может это мое оправдание или попытка хоть сейчас, когда мне пошел шестой десяток, хоть что-то изменить... То, что я аристократ, не означает, что я должен прожить подлую жизнь... впрочем, вы заметили, в старости люди становятся чересчур болтливы...? не берите в голову то, что я тут наговорил, лучше посмотрите какие замечательные тарталетки!

Кира сидела у себя в комнате с выключенным светом. Внизу слышалась музыка и голоса веселящихся гостей. Если у военного парада – последнего светского мероприятия, на котором она присутствовала, – был хотя бы какой-то смысл, пускай даже он был отвратителен, ибо бесцельное громохание оружием и чествование армии, на ее взгляд, выглядели глупо, ведь есть множество замечательных и достойных занятий, лишенных при этом милитаризированного идиотизма, будь то стрельба в тире или бокс, или любые другие спортивные соревнования, скачки, экстремальные путешествия, или стратегические игры вроде шахмат, тем не менее, и в военном параде была своя, глупая, но все же, интенция, сегодня же все просто ели и напивались. Это бессмысленно. Просто движение тел в пространстве – судорожное сокращение мышц, именуемое танцами.

Кира думала о том, что если Однабоков прав, и «Мирный» действительно упал из-за ошибки в навигации, или по причине того, что капитан не справился с управлением, или еще почему-то не связанному с политикой, то она – чуть ли не единственная свидетельница этого. Но ведь был самолет! Она видела его! Но что, если самолет не сбивал дирижабль, а пытался помочь и скорректировать курс? Зачем Дракуле война? Какая от войны может быть польза?

Осталось всего лишь девять свидетелей крушения. Нет, семь. Мари и Эрик мертвы... Что если их убили? Ведь состояние Эрика было не смертельным. Но кто-то не хотел, чтобы информация, которой он владел просочилась. Дракула? Смертин? Крысилев, который так восхвалял боевую мощь российских военно-воздушных сил? Казалось, все они хотят войны, готовятся к войне, ждут ее начала и будут только рады, если российские дирижабли возьмут курс на запад.

Всеобщее воодушевление и патриотический подъем, который Кира видела на параде доказывал то, что эта страна живет мыслью о войне. Или даже не так. Она живет от войны до войны. Это как бег на короткую дистанцию. А после народ упивается победой или льет слезы по погибшим и готовится к мести. Это национальная идея, называемая смутным словом «патриотизм». На самом деле под этим словом таятся боевые головки воздушных торпед и абордажные сабли.

Границы государства, политика, патриотизм, Родина – эти слова ничего не значат, поскольку называют какие-то абстрактные понятия. Называют то, что выдумано и существует только в сознании. Только смерть-то и настоящая. Именно поэтому нельзя убивать даже за свою страну. Смерть отвратительна.

Но если это правда, и Кира свидетель несчастного случая, который Дракула-старший так умело и ловко хочет преподнести как незаконное нападение на пассажирский дирижабль, значит ли это, что ей грозит опасность?

Видимо нет, граф Дракула считает, что она, искренняя в своем неведении, встанет на него сторону как участник тех событий. Она – настоящий свидетель крушения, а значит ее слова прозвучат убедительно. Она нужна ему. Искренне произнесенные слова маленькой девочки потерпевшей крушение будут весомым аргументом необходимым, чтобы убедить императора. И все это отношение к ней, возможность жить в его доме, подарки и поступление в университет, директором, которого дядя, к слову, и является, – все это попытка купить Киру или просто отвлечь от реальных проблем. И тогда, именно из-за *ее* слов и начнется война с НАЭТО.

Теперь понятно, почему разбирательство по такому важному делу, как крушение дирижабля тянется больше месяца. Наверняка, Дракула ищет улики и уничтожает их, убивает свидетелей. А в это время журналисты по всем радиопередачам готовят население к войне.

Ведутся ли переговоры с западом? А что, если в Европе вообще ни о чем не подозревают? Американская Федерация... Новая Англия... отец... Если начнется война, они с отцом окажутся по разные стороны от линии фронта.

Наверное, думала Кира, российские послы сейчас как раз оттягивают время для удачного нападения. Нет, они не обвиняют запад в том, что те сбили «Мирный». Если бы они обвиняли, то НАЭТО начало бы тоже готовиться к войне, а России это не нужно.

Единственное, чего не понимала Кира, это зачем графу Дракуле война? Зачем она *лично* ему? Да, всегда есть те, кто наживается на войне. Но он – министр информации. Какая ему выгода? Или он просто исполняет приказ?

Слишком много вопросов.

Кира знала одно: если граф Дракула ищет улики по делу о крушении «Мирного», они должны храниться где-то, куда у него есть доступ. Возможно даже в этом доме! Кира опередит его! Она докопается до правды. Ради Эрика... нет, ради того, чтобы избежать кровопролития. Она приехала в Россию, чтобы стать журналистом! она найдет истину, какой бы она ни была!

Кира подняла глаза и вздрогнула. На стене косым пятном вилась, чья-то тень. В свете луны это выглядело страшно. А если за ней следят? Что тогда?

Тень дрогнула, и Кира вскрикнула.

– Не кричи, – раздался знакомый голос, и на свет вышел Влад Дракула.

Кире казалось, что ее мысли о дяде настолько яркие, что практически звенят в воздухе. Как если бы она рассуждала вслух. Тогда Влад мог бы все подслушать... Она смутилась, словно он застал ее без одежды.

– Я думала, я заперла дверь...

– Так и есть.

– Как же ты попал в мою спальню?

– Превратился в летучую мышь и залетел в открытую фор-

точку! – он стоял перед ней, галантный, молодой, красивый, с чуть растрепанными волосами и насмешливой улыбкой, которая делала его таким высокомерным и в то же время... любимым...

– Зачем ты пришел...? – Кира непонимающе опустила глаза.

Он стоял над ней, завернутый в черный пиджак, который обволакивал его, как перепончатые крылья демона.

– Кира! – он резко схватил ее за руку. Впервые в жизни его ледяное касание обожгло ее. – Помнишь...?

Хотел ли он спросить: «Помнишь наш случайный поцелуй там, в кафе?», Кира не знала, но ответила:

– Помню... – слова смешивались с дыханием.

– Я... – Влад сел рядом с ней на кровать. Они касались друг друга коленями, руками, плечами. Он хотел сказать то, что говорить нельзя, то, что запретно и неправильно и потому особенно желанно... Не находя слов, он говорил, только чтобы не молчать.

– В мире так немного красивых вещей. Одна из них – небо. Другая – ты.

– Я не вещь, – Кира уже знала, что ради него станет даже вещью, но еще сопротивлялась сама себе, своему нутру.

– И как прикажешь делать тебе комплименты...?

– Зачем тебе делать мне комплименты...?

– Потому что я хочу этого.

Она попыталась отстраниться, но не смогла. Но не потому,

что он держал ее. Она не смогла пересилить саму себя.

– Я вглядываюсь в твое лицо пытаюсь найти ответы, если не на мои чувства, то хотя бы на мои вопросы.

– Влад, какие вопросы...

Они говорили уже не слыша друг друга. Неминуемо приближаясь губами к губам.

– Это трудно объяснить...

– А ты попробуй...

– Я предпочитаю быть не выслушанным, чем непонятым...

Рука скользит по лицу, нащупывает трепещущее горло.

– Влад, все! Я сдаюсь!

– Я тоже сдаюсь... Мы... оба... проиграли...

.....

Он лежал на ее коленях, поперек кровати. Разнеженный, тяжело дышащий, потный и все еще желанный. Летняя утренняя теплынь заползла с предвосходным светом на подоконник. Они пролежали так всю ночь, не меняя поз, молча, ведь когда все сказано, остается только молчать.

Он видел складки простыни, извивающиеся в такт ее теплomu телу. И само тело, гибкое и гладкое струилось вдоль его прикосновений и поглаживаний. «Теперь в тебе не только моя кровь» – подумал он, но не решился пошутить вслух. Столь пошлые слова не позволительны, когда рядом некто настолько совершенный. Нет, не некто, а она.

Кира.

– Влад, – Кира сладко и лениво вытянулась, и тянулась до тех пор, пока хрящики ее суставов не хрустнули.

– Что?

– Что нам теперь делать?

Они слушали тишину предрассветного часа. Гости давно разъехались. Дом спал, и только где-то в недрах его коридоров расхаживал полуночник-Дракула.

Влад нехотя открыл глаза, будто то, что он видел лишало его других наслаждений: ощущения ее тела и ее запаха. Кира уже отошла от сладкой неги, которую ему так не хотелось покидать. Блажь и страсть постепенно растворялись, обна-

жая сухую реальность, которая уже не казалась сказочным миром. Кира первая поняла это и теперь заставляла понять и его:

– А что мы должны делать...? – спросил он.

– Но ведь то, что между нами произошло... – это неправильно.

Он не знал, что ответить. Да, неправильно. Пусть так. Но кто вообще решает, что правильно, а что нет.

– Кирочка, – он впервые назвал ее так. И теперь видел, как по телу по ее бедрам прошла волна мурашек.

– Не называй так! Похоже на «курочку» – она закрыла ему рот рукой, Влад прикусил ее ладонь, коснулся языком, и только тогда она убрала руку и дала ему договорить.

– Не буду, но... – он перевернулся и лег рядом с ней, – я хотел сказать, что сделанного не изменить. Мы оба хотели этого. И это случилось. Мы же не собираемся рожать детей? Так что ничего страшного, – хотя говорил он не очень уверенно.

– А если кто-то увидит? – Кира озабоченно вглядывалась в милое лицо брата.

– Кто?

– Слуги...

– Уволим. – отрезал он.

– Твой отец?

– Отец? – Влад чуть не расхохотался. – Да все его предки женили своих дочерей на сыновьях! Да девиз этой семьи

«Чистота крови»! Как по мне, больше бы подошло «Инцест is the best»! Было бы в рифму!

– Не говори так! – она толкнула его в грудь. Но толкнула неуверенно, покорно, скорее ощущая свою слабость перед ним, нежели показывая силу. – Все это мерзко...

Теперь Кира чувствовала себя грязной. Вставшее солнце обнажило ее порок, пристыдило ее. Сладкий дурман ночи, когда все кажется возможным расплзался в простоте и неукротимости бытия. Неуклюжая реальность. Но Кира ничего не могла с собой поделать. Разве она виновата, что любит брата вот так? Кто вообще решает, кого нам любить? Да и вину надо ведь испытывать перед кем-то, а здесь никого нет, кроме них. Это их секрет, их маленький мир, шанс быть счастливыми. Они уже перешагнули грань, сдерживаться надо было раньше... Теперь уже поздно... Они отделились друг другу, и этого не изменить. И сейчас можно потребовать тысячу обещаний от себя, что это не повторится, но оба они знали, что в следующую ночь он снова придет к ней. А если сдержится, и останется в своей спальне, то придет она. Обсуждать это больше не было смысла.

– Влад, – Кира сменила тему. – Мне нужна помощь.

– В чем?

– В расследовании. Я люблю тебя, и поэтому скажу тебе все прямо: мне кажется, что Эрика убили. И Мари тоже. И убили не случайно, а потому что они свидетели того, что дирижабль, на котором мы летели, потерпел крушение из-за

ошибки в навигации. Его не сбивали, как думает... – она запнулась, но договорила, – твой отец.

Влад молчал. Кира видела смятение на его лице и понимала: она просит практически невозможное.

– Послушай, я не думаю, что он пытался меня обмануть, когда говорил, что «Мирный» сбили... Наверняка он просто заблуждается... Ведь такое может быть? Я вот надеюсь на это, – она начала оправдывать отца перед сыном, понимая, что никакие слова сейчас уже не прозвучат правдоподобно.

– И что же ты хочешь? – растерянно произнес он. Теперь его лицо не выражало никаких эмоций.

– Я хочу убедиться, что я ошибаюсь. Просто если твой отец прав... начнется война. Ты же знаешь это. И если есть хотя бы маленький шанс избежать этого, надо попробовать!

– Я... он же мой отец...

– Послушай! Я не пытаюсь вас поссорить! Не пытаюсь настроить тебя против него! Он ведь и мой дядя, мой родственник! Мы одна семья! Но ведь он может заблуждаться!

– Поговори с ним напрямую, раз так думаешь.

– Нет, – Кира даже села на кровати от возбуждения. – Он не станет меня слушать, если я не приведу аргументы. Я хочу поискать доказательства. Не получится – значит он прав. Но попытаться надо.

– Почему?

– Ради мира, Влад! Слишком дорого стоит такая ошибка! Он сомневался и молчал.

– Влад, – Кира взяла его за руку. – Я люблю тебя.

Она посмотрела в его глубокие карие глаза. Под глазами зияли болезненные мешки, взгляд был уставший, но по-прежнему родной.

– Я. Люблю. Тебя, – повторила она. – Прошу тебя. Помоги мне.

– Хорошо. – согласился Влад. – Я помогу тебе. Но знай, что ты очень много просишь.

Часть вторая

Железные облака

Я люблю тебя и небо, только небо и тебя...

Валерий Брюсов

Чай, заваренный в бокалах из-под шампанского, отдающий игристым, кружащим голову привкусом, выпитый на черепичной крыше поместья... – то утро, после их первой ночи вместе, запомнилось Кире этим чаем на крыше.

Трехэтажная вершина мира. Для влюбленных больше не существовало Гималаев и не было никаких Альп, только эта крыша. Она – пик всего. Мир – пирамида, и Кира с Владом стояли на самом ее кончике.

И выше остаются лишь облака, которые летят так быстро-быстро, что Кире кажется – Земля вращается внутри своей атмосферы, а они – белые исполины зависли в недвижимом в воздухе спокойные и непоколебимые. Вращаются люди и события на земле, а небо стоит на месте.

Свежий ветер вперемешку с параллелями солнечных лучей пронизывал черный лоскут мятого платья и путался в волосах, заплетая колтуны. Этот ветер и разгонял планету, задувая под крону деревьев, как под паруса, и благодаря стволам-мачтам, упершимся в грунт вековыми корнями, исполины вращали нашу планету, меняя даты и времена года... Ветер вращал планету для Киры и Влада, ускоряя дни и замедляя ночи, чтобы те тянулись целую бесконечность, и потом, утром сонные и довольные влюбленные клевали носами, как птенцы перепелов. Почти не гуляя, ловя на себе осторожные

взгляды слуг и Однабокова, копошась в ворохе заспинных перешептываний, Кира и Влад, получив то, о чем мечтали, дорвавшись до своего счастья, прятались по углам огромного дома, боясь растерять свою любовь за пределами помещений.

Они находили себя в темных закутках и каморках со швабрами, во внутреннем дворе среди елей, в машине Влада и на крыше. Они любили друг друга на глазах изумленных и обескураженных портретов чопорных родственников, чьи души, блаженствуя в раю, смутились бы от увиденного.

Расследование, о котором мечтала Кира, затерялось в лабиринте коридоров замка, там же, где затерялась и сама Кира. Пробраться в кабинет Дракулы и разузнать хоть какую-то информацию о крушении оказалось непростой задачей. Не только потому, что граф запирает свой кабинет, а верные слуги бдели по ночам и следили за каждым лишним шагом Кире и Влада, почтенно пропуская мимо глаз и ушей только лишь их переглядывания и робкие касания, которые влюбленные были не в силах контролировать, но и потому, что сама Кира с каждым днем все более запутывалась в своих желаниях.

Ей хотелось найти правду, но Влада ей хотелось больше. Животные потребности, (если чувство, вознесшее их обоих до облаков, можно назвать «животной потребностью») были первичны. И только насытившись этим чувством сполна, утопив свою страсть в ее удовлетворении, Кира начала вспо-

минать, что именно она хотела сделать.

И хотя дядя был ее родственником, в Новой Англии ее ждал отец. Нельзя было допустить, чтобы границы, в конечном счете, раскололи их семью, особенно сейчас, когда она впервые так полно и ясно полюбила. Особенно сейчас, когда ее собственная семья впервые в жизни стала цельной и счастливой.

Август. Тридцатое. Послезавтра ее первый день в институте «Газетоведения». Последние дни лета догорали, как листва на петербургских бульварах – едва тронутая желтизной, но уже увядающая и пожухлая, отжившая свою маленькую жизнь.

Клок облака облокачивался на крышу небоскреба. Шпиль Имперской Государственной Постройки пронзал небо, на низывая кучерявые тучи на иглу. Кремль стоял белокаменный, но мрачный. На башнях восседали двуглавые орлы, разгоняя вечерние сумерки. Трубы заводов по окраинам города возносили к небу столбы дыма, и Кире казалось, что облака производятся на заводах и фабриках. И это было бы лучше, чем производить булавки, канцелярские скрепки, презервативы и термосы, потому что нет ничего величественней и прекрасней белых исполинов, заслоняющих своими тучными, окрашенными багрянцем, телами, дарящая тепло, а значит и жизнь, солнце.

Кира с Владом вышли из телетеатра «Родина». Перед учебой Влад повел сестру смотреть кино, и теперь жалел об этом.

– ...Я тебе говорю, – не унималась Кира. – Они специально показывают военные фильмы. Настраивают общество. Они промывают мозги, чтобы люди готовились к новой вой-

не! Это подтверждает мою догадку о скором нападении!

– Ты преувеличиваешь. Это всего лишь один фильм, – Влад не хотел спорить, он чувствовал, что еще немного, и они поссорятся.

– Да ты видел репертуар, там все фильмы такие: «Небесный ангел», «Крыло победы» и этот еще... документальный с военной хроникой...

– А как же «Женаты будем»? – парировал он.

– Ну да. И одна дурацкая комедия. Специально, чтобы отуплять оставшихся людей. Масс-культура, сделанная из масс говна! – Кира не на шутку завелась.

– Ну и выражения, mon cher⁷...

Надо дотерпеть до машины, думал он: «Просто иди и не спорь». Но остановится бывает трудно, и Влад выпалил:

– Да просто это кинокефальный телетеатр!

– Что значит «кинокефальный»? – не поняла Кира.

– То есть принадлежащий кинокефалам... – устало произнес Влад.

– Все равно не понимаю, – ее запал сменился заинтересованностью.

Влад, в предвкушении долгого объяснения, сделал глубокий вдох.

– Кинокефалы означает с греческого «песьеголовые» или иначе «псоглавы». Эту концепцию информационного потока в сознании социальных масс разработал мой отец в своей

⁷ Моя дорогая (*фр.*)

докторской работе. Неимоверно скучная вещь... Это было давно, когда еще он не был министром информации и занимался изучением журналистики. Идея в общем-то неплохая, правда он добавил в свое исследование оккультный аспект, который многие ученые оспаривают, но если тебе интересно, я могу рассказать поподробней...

– Да! Пожалуйста! – попросила Кира.

– Все равно ведь будешь это проходить на втором курсе...

Ладно. Суть концепции в том, что общество делится на две категории: условные «вампиры» и условные «оборотни». Говоря по-простому, правящая элита, которая в меньшинстве, и подчиняющийся ей рабочий класс – основная масса людей. Откуда такое сравнение с вампирами, я думаю не стоит объяснять... Кроме того, вампиры – питаются кровью общества, то есть черпают из него ресурс, чтобы выживать. Естественно, в метафорическом смысле. Социальное большинство, то есть оборотни, обеспечивает высший класс. Оборотни, они же кинокефалы, как и все собаки послушны и покорны. Они подчиняются правящей верхушке.

Декорации, под которые Влад вел свое объяснение, постоянно менялись: его машина, шоссе, двор дома, парадная зала, Кирина комната. Рассказывал он довольно долго.

– Но при чем тут кинокефальный телетеатр? – спросила Кира, небрежно скидывая туфли.

– Это самое главное. Разделить общество пополам – дело нехитрое. Этим занимаются социологи, но отец мой –

профессор журналистики, и его теория завязана на потоках информации. Именно журналистика выступает мембраной между этими слоями людей, позволяя «вампирам» управлять послушными «оборотнями». По сути, телетеатр – это пульт управления настроением в обществе, через который можно контролировать массовое сознание. «Кинокефалы» – потому что контроль осуществляется через «кино». Конечно, не только телетеатры играют роль, но также и радио, и газеты – выполняют схожую функцию. Все это нужно для того, чтобы общество уважало власть, тогда иерархия будет сохраняться, и каждый будет знать свое место. Этот «собачий» образ очень сильный. Он демонстрирует беспрекословное подчинение, покорность и преданность хозяину. Вспомни опричников на Руси с песьими головами, а сейчас говорят «оборотни в погонах». А про бедняков, что у них «собачья жизнь». Про богатых ведь так не скажут, верно?

– Но мы-то, если я правильно понимаю, мы-то, я надеюсь, – здесь Кира иронизировала, – условные «вам-пи-ры», почему тогда мы пошли в кинокефальный телетеатр?

– Да потому что других нет!!! – Влад развел руками. – А хочешь делать что-то «вампирское», не смотри кино, а читай книги, слушай винил и фотографируй на пленку.

Кира хотела еще что-то сказать про то, что раз журналистика манипулирует обществом, и он сам это только что признал, то это значит, что она тем более права, и близится война, раз телетеатры крутят военные фильмы, и вообще нужно

заняться расследованием, но не успела...

Влад наклонился и поцеловал ее. Она, поддаваясь его давлению, сначала оперлась на локти, а затем вовсе опустилась на спину, закинув голову и прикрыв глаза. Бедра инстинктивно приподнялись, позволяя его уверенным рукам стянуть узкую юбку...

Опустившись на колени, как бы стоя перед алтарем, прищипываясь – ибо не было для него другого бога кроме Киры – он ласковыми губами коснулся ее внутренней стороны бедра, там, где у нее была самая нежная, незащищённая кожа – он знал ее слабости.

К горлу подступила горечь нетерпения, как бывает, когда свет инжирового солнца порождает призрачную лукавость полудня. И жажда влаги становится так велика, что готов украсть всех небесных богов, и держать их в заточении ради стяга туч... И вот – *simulonimbus* – эти белогривые лошадки, бегущие откуда-то из детства, заслоняют палющее солнце, густыми, но мягкими грозowymi кучеряшками, и распадаются на *nimbus* – божественное сияние и еще что-то... предшествующее этому, но куда более плотское и потому незначительное... Облака подобные парусам корабля, устремленного носом в сторону юга, ползут по тусклому небу, будто зеркалу с заляпанной грязными пальцами поверхностью. И постепенно небо являет полярную звезду, по которой Герда пойдет и спасет своего нераскаившегося Кая, а он будет сидеть, съедаемый соблазном, в древнегреческой

тунике, непременно белой, и собирать из конструктора мириады: миры и ады, в каждом из которых по девять кругов, и он побывает на каждом из них, но обязательно отыщет свой рай...

Кашель раздался из шкапа. Это скелеты начали оживать.

Кира судорожным движением отпихнула голову Влада, не хотевшую вылезать из того тупого угла, который образовывали ее ноги. Влад – взъерошенный и ошалелый – встал на пьяные, непослушные ноги, с испугом и недоверием глядя на сестру. Комнату наполнила та тишина, родственник которой – амурский тигр-людоед, готовящийся к роковому прыжку.

Передвигаясь косым бесшумным шагом, Влад подкрался к створке шкапа...

...И тут же его отбросило в сторону! – створка ударила по лицу, и Влад упал на пол. Из укрытия выскочил обезличенный силуэт и бросился к двери, но Кира преградила путь – увидела – искаженное яростью лицо накинувшегося на нее... Яши!

Он схватил девушку за горло одной рукой, в другой он сжимал золотую цепочку, которую ей подарил Влад – подонок хотел ограбить своих хозяев, но услышав, что они возвращаются, понадеялся пересидеть в шкапу, но ненароком увидел лишнее...

Нежная кожа смялась под костлявыми пальцами с пожелтевшими от грязной работы ногтями. Киру обдала вонь нечистого дыхания слуги. Еще секунда и Яша сломал бы ей

шейные позвонки...

Но в это же мгновение дворовой неожиданно застыл, ослабив хватку, и Кира увидела за его спиной своего брата. У Влада кровь шла носом, но глаза пылали злостью. Он с силой ударил неудачливого вора по почкам, и тому пришлось отпустить Киру.

Девушка обессиленно упала на пол, разбив коленки, судорожно глотая воздух. Влад дрался за нее с двойным ожесточением: как за сестру и как за любовь. «Драка с Дракулой» – пронесся в голове нелепый каламбур, пока Кира, широко раскрыв глаза от испуга смотрела, как Влад уворачивается от цепких рук Яши. Влад, казалось, парил над ним, был не здесь, а обратился во что-то более древнее и страшное. Что-то, что жаждет убийства и чужой крови...

Он яростно отскакивал и с не меньшей яростью напрыгивал на Яшу, как волк, пытающийся загрызть лося, или снежный барс, грациозно танцующий во время схватки. Изящные черты его лица сковала жесткая маска ненависти. Темный рыцарь готовый убить всякого, кто прикоснется к его обожаемому сокровищу. И если его сейчас не остановят другие слуги или отец, он порвет Яшу на куски.

Вдруг костедробильный удар, который, казалось, едва не сломал челюсть, сбил Влада с ног. Сверху посыпались ошметки зеркала. Одна ошибка, и долговязый Яша навалился на Влада своим скелетом, подминая под себя руки, плечи, грудь хозяина, заковывая его в колодку своей хватки. Кира

видела лишь голову брата, упирающуюся затылком в пол.

Яша вцепился руками в лицо, ни то душа противника, ни то пытаясь выдавить ему глаза. Несколько мгновений недвижимой борьбы...

Кира перевалилась через смятую кровать, пачкая ее своей кровью, и, схватив перевернувшийся стул, ударила им Яшу по голове. Спинка стула отлетела к двери, но слуга будто и не заметил удара. Он продолжал елозить по лицу и шее Дракулы! Еще секунда – и смерть! Но вместо этого Яша вдруг с воплем свалился с Влада, катаясь по полу и держась за кисть. Пол постепенно превращался в кровавое месиво.

Еще не понимая, что произошло, Кира бросилась к брату, а тот раскрыв рот, полный красных зубов, выплюнул на ковер фалангу указательного пальца.

Густая, липкая кровь Влада, текущая из носа, смешиваясь с кровью Яши, которую он выплевывал, стекала по подбородку и капала на рубашку.

– Тьфу! ... обожаю человечину... – тяжело дыша, прошептал Влад.

Кира шутку оценила, но смеяться не могла. По ее лицу текли слезы, и она, прижавшись к окровавленным щекам своего возлюбленного, тем самым умывала его влагой отчаяния и счастья.

– Милый, милый...

Она целовала его багровые губы, и его кровь была уже на ней и в ней.

– Это все из-за меня... из-за меня... – шептала Кира.

– Да нет, вообще-то из-за меня, – Влад дрожащей рукой коснулся ее шеи, на которой остались синяки. – Эта цепочка. Ее я подарил тебе...

– Милый... он нас видел... нас вместе видел... – Кира забыла про цепочку, понимая, что есть проблема куда более страшная.

Влад полный решительности поднялся на ноги. Черная фигура нависла над скулящим Яшей, который жалко, как уж, вился в ногах хозяина. Черная нога в грязной и помятой, но все еще дорогой, эксклюзивной обуви пихнула сторбленную вонючую спину и та, перекатившись колесом оказалось у двери. Черная рука собрала в мертвой хватке давно не стиранный ворот дешевой одежки слуги. Обноски затрещали по швам. Влад даже не наклонился к сверстнику. Громко, чтобы слышал весь этаж, он произнес:

– Выметайся отсюда, грязный ублюдок! И чтобы тебя тут никогда больше не было...

Кровавые следы оставались на полу от убегающего слуги.

– Но он видел... – хотела сказать Кира, когда Влад, убедился, что Яша спустился по лестнице, и вернулся в комнату.

– Его слово против нашего. Кто его вообще будет слушать? Забудь про него. Ты его больше не увидишь.

В комнату нерешительно заглянул Пашик, прибежавший на шум.

– Уберись здесь. Живо, – бросил ему Влад. Оглядев бар-

дак еще раз, он произнес:

– Damn! Цепочку он все-таки унес...

Пока Пашик сгребал в ладошку осколки и..., pardon, кусок человеческого пальца, Кира виновато наклонилась к нему и быстро, чтобы Влад не увидел шепнула:

– Прости, что все так вышло с твоим братом. Я не хотела. Правда...

Из-под спутанной челки мальчика текли слезы.

Но Кира этого уже не увидела. Она выпрямилась гордо и спокойно. Влад смотрел на нее ровным взглядом. Кира стояла перед ним в крови, грязная, потная. Порванная блузка обнажала плечико, на котором уже голубела будущая гематома.

– Ты очень красивая, – сказал Влад.

Книги библиотеки хранили тысячи заговоров и тайн. Спрятавшись среди старых переплетов, усадив подле себя Влада, Кира приготовилась добавить еще одну историю к тем, которые уже канули в вечность. Историю про себя и про него.

– Кабинет твоего отца – самое охраняемое место в доме, и одно из самых охраняемых в стране. Начинать поиски с него, только потому что оно территориально находится этажом выше, а значит ближе всего, глупо. Теперь я это понимаю, – Кира говорила шепотом и Владу приходилось напрягать слух, хотя сидела она вплотную к нему. – Поэтому мы начнем с другого конца.

Кира многозначительно улыбнулась.

– Ты уверена, что все-таки хочешь заняться этим? Завтра начинается учеба... Будет не до этого, – он пытался переубедить сестру, хотя и не верил, что получится.

– Неужели ты не понимаешь? Мы не должны допустить, чтобы началась война! Может, я единственная, кто способен этому помешать!

– Да что ты заладила: война! война! – он не собирался ей грубить, но это случалось помимо его воли, всякий раз, когда они говорили о деле «Мирного». – У тебя... – Влад неопределенно помахал кистью в воздухе подыскивая нужное сло-

во. – У тебя уже обсессия какая-то...!

Кира не ответила.

– Ладно, извини, – сказал он после паузы. – Так что ты предлагаешь?

– Нам надо вернуться в больницу, откуда ты меня забрал. И поскольку, как ты верно сказал, завтра начинается учеба, успеть надо сегодня, – она говорила решительно. Даже не обратила внимания на выпады в свой адрес. Тогда Влад понял, что выбора-то у него особо и нет.

Пришлось соглашаться.

Уперев четыре колеса в серую гладь мокрого асфальта, спорткар несся к больнице вознесения юродивого Гагари. Влад прокручивал в голове то, что сестра сказала ему, садясь в салон: «Мне правда нужна твоя помощь. И я ценю то, что ты делаешь». «Ладно уж. Ерунда» – отмахнулся он. «Не ерунда. Знаешь почему? Те сведения, которые мы собираемся найти, наверняка тщательно охраняют. Нам нужен пропуск. Пусть не такой, каким обладает твой отец, но все же, который откроет перед нами все двери. Возьми с собой документ или что-то в этом роде, чтобы они знали, кто ты».

«Даже совершая (ну или думая, что совершает доброе дело) сестра все равно готова прибегнуть к нечестным способам добывания информации. Это проблема нашей страны, где чтобы что-то получить нужно дать взятку или припугнуть? Или это проблема того дела, которым мы занялись?» – Влад вел и машину, и беседу у себя в голове.

Они затормозили перед главным входом в больницу. Но никто не вышел из Астон Мартина – назад пути не будет. Они оба это понимали. Как только вступят на этот путь, придется идти по нему до конца, а к чему он приведет – они не могли даже предположить.

– Идем?

– Идем.

Задумка Киры заключалась в том, чтобы для начала выяснить имена всех выживших. То есть еще шестерых человек. Найти имя означает найти, где история человека берет свое начало. Но кто это мог быть? Наверняка люди высшего света, других просто-напросто не было на борту «Мирного». Возможно, какие-нибудь известные звезды балета? Меценаты? Патриции? Тогда их имена на слуху...

Двоих умерших ее друзей она знала. Что если оставшимся тоже грозит опасность? Она потеряла непростительно много времени с Владом... она не винила его... она сама... Но теперь нужно было спешить.

Поскольку их троих – ее, Эрика и Мари привезли в больницу Вознесения юродивого Гагари, Кира решила начать отсюда. Остальные, скорее всего, находились где-то в других палатах... Когда Кира лежала здесь, не могла знать, что выжившие пассажиры могут ей пригодиться, и поэтому даже не задавалась вопросом, существуют ли они? Ее волновала только жизнь друзей, а человек никогда не обращает внимание на то, что кажется ему незначительным.

Выяснив судьбу оставшихся шестерых пассажиров (а они наверняка уже выписались, ведь прошло три месяца), нужно будет встретиться с каждым и попытаться разузнать подробные воспоминания о крушении. И если удастся воссо-

здать картину той ночи, Кира, обладая новой информацией, предоставит ее на заседании комиссии, которая занимается расследованием аварии. Как и просил ее Адольф Дракула, она выступит, но вместо доказательства теории о нападении НАЭТО, она убедит судью в том, что «Мирный» упал из-за сбоя в работе или ошибки навигации... Таким образом, Дракула-старший, не догадываясь о ее намерениях, не подозревая ее ни в чем, сам введет Киру в зал заседания, а когда услышит, что она говорит, будет уже поздно, ведь там же будут члены экспертной комиссии! Граф Дракула не посмеет врать при них.

Они дошли до кабинета главврача, которого по каким-то причинам не было в больнице. Его заместительница, тучная женщина с химической завивкой фиолетовых волос, делающих ее внешность схожей с разжиревшей Медузой Горгоной, заверила, что не имеет права предоставлять данные о пациентах посторонним людям.

– Уходите, я вам говорю! – Резкий высокий голос. Жир на горле сдавливал ей на голосовые связки. – Такие сведения могут получить только сами знаете, какие органы, и то только через официальный запрос!

Кира хотела уже сдаться, и придумать какой-то другой план, но Влад не отступал. Он, будто не слыша дребезжащего голоса, продолжал осаждать стол.

– Молодой человек, я вам еще раз повторяю: все! Не надо тут мяться, я сейчас полицию позову!

Кира попятилась. Влад не шелохнулся. Долю секунды он и Горгона глядели друг на друга. Юноша выдержал каменный взгляд женщины, которая начала колебаться – почему же он не превратился в статую?

Влад, не говоря ни слова, как бы невзначай почесал щеку. Безымянный палец облегал платиновый перстень с фамильным гербом.

И тут произошла какая-то странная метаморфоза, почти незаметная, но с каждой секундной все отчетливее выдающая изменение. Бетонная непоколебимость обнаружила в своих недрах трещину раболепия. Женщина будто окаменела, сжалась, скукожилась, повинувшись этой молодой руке полной силы и власти, обладающей незримой магией.

– Вообще-то у нас сейчас много работы... может вы попозже... – змеей зашипела заместительница.

Влад молча подождал, когда первая реакция на перстень сменится беспрекословным подчинением. Больше и делать ничего не пришлось. Просто стоять. Величественно и гордо. Теперь Кира видела его, как бы воспарившем над землей, стройная осанка и взгляд сверху вниз, от которого мещане цепенеют – таким он нравился ей, хотя это был не совсем он. И он это знал. Сейчас на Владе надета оболочка, доспехи для общения с такими, как эта заместительница главврача, которая теперь была готова лебезить и пресмыкаться перед ним. Такой Влад ослеплял, и Кира испугалась, что однажды ослепнет и она. Но в отличие от этой женщины, и от Яши,

который также склонился перед его силой, Кира понимала, что она – другая. И с ней он тоже другой: обходительный, учтивый, заботливый. Он был живым подтверждением теории отца о «вампирах» и «оборотнях».

– Карла! Карла! – заместительница подозвала медсестру, и Кира ее узнала: она же дежурила в ее палате, когда Кира очнулась после крушения. – Дай молодым господам все, что они хотят. – Устало распорядилась начальница.

Карла не узнала Киру или сделала вид, что не узнала. Вообще люди в присутствии Влада, старались держаться от нее подальше. Они боялись, как боятся взглянуть на чужую собственность. И Кира чувствовала их страх.

Медсестра провела Киру и Влада мимо регистратуры в цокольный этаж и отперла дверь архива.

– Нам нужны данные о больных поступивших примерно в последние дни весны, после крушения дирижабля «Мирный», – объяснил Влад. – Это случилось...

– В ночь на 29 мая, – вспомнила Кира.

– Значит примерно до 2 июня... – пробормотала себе под нос медсестра.

Они остановились у ячейки, вбирающей в себя десятки переплетов бумажных папок. Разношерстные корешки торчали друг за другом, как многослойный пирог.

– Я буду в регистратуре. Если понадобится, зовите, – с этими словами Карла удалилась.

Влад вытащил ящик из ячейки и водрузил на стоящий

неподалеку стол, а Кира нашла два стула.

– Надо искать... – устало проговорила она.

Работа была непростая, им предстояло отсмотреть все документы, тщательно сверяя причины поступления в больницу и даты. К тому же корявый почерк врачей не упрощал задачу.

Вообще, если читатель думает, что расследования – это детективы в плащах с бумажными стаканчиками кофе, перестрелки и проникновения на закрытые территории, то он сильно ошибается. В основном, расследования – кипы бумаг, папки и перевязанные стопки документации, которую нужно осматривать, надеясь, что попадется что-то стоящее.

– Смотри это твоя история болезни, – Влад показал бежевую папку с ее именем по центру.

– Отложи, я заберу. И Эрика, и Мари, когда они попадутся.

– И Ремарка? – пошутил Влад.

– Что? – не поняла Кира, потому что уже погрузилась в работу.

– Не бери в голову, – сказал Влад, не дождавшись какой-то реакции.

Первым попался Эрик. Четыре страшные цифры на последней странице – время смерти. И сухой, будничный комментарий дежурного врача: «Причина смерти: не определена».

– Влад! Влад! Видишь! «Не определена»! Что это значит?

Он шел на поправку, – Кира бегло, но внимательно, проли- стала бумаги. – Но потом что-то его убило. Или кто-то.

Влад посмотрел на нее спокойным взглядом.

– Не возбуждайся так. Ты рискуешь упустить, что-то важ- ное, – осадил он девушку.

Пока Влад переключал папки, Кира стала вчитываться в заключение Эриковой смерти, но ничего более подробного выяснить не удалось...

– Я думаю дело в крови, – сказал Влад.

– Что?

– В крови. Он потерял много крови. Ему делали перели- вание, и в один момент забыли проверить донорскую кровь. А она оказалось плохой.

Киру злило, что он может говорить о смерти так спокой- ной, но ссориться было нельзя. Она закусил губу, стараясь молчать. Может это и хорошо, что он умеет так сохранять хладнокровие, в то время как она постоянно поддается эмо- циям. Но у нее в руках лежали остатки жизни человека, ко- торого она чуть не полюбила, а теперь он был мертв. А все что у нее осталось – это куски желтых бланков на бумаге низ- кого качества. Больше от Эрика ничего не сохранилось.

Кира вдруг ясно почувствовала, что в архиве они совсем одни. И чувство перенеслось на всю больницу, а может и весь город... Двое и больше никого...

– На. Держи. Это Мари, – Влад прервал ее раздумья и про- тянул похожую на все остальные папку. За работой он ста-

новился сосредоточенным и молчаливым.

Минуло около получаса. Кира слышала, как на стене идут часы, а электрический свет потрескивает в продолговатых казенных лампах.

– Я нашла. – Неожиданно для себя и потому спокойно сказала Кира. – Лев Морозов.

Лев Морозов был крупным коммерсантом. Он возвращался с очередной сделки, которую провернул в Марокко. Что-то про покупку партии фиников... Возраст – 46 лет. Не женат. Причина смерти – не определена.

– Теперь-то ты мне веришь? – спросила Кира почему-то шепотом.

– Не знаю, – также шепотом ответил Влад. Он принял из рук сестры пачку листов со снимками рентгенов и анализов крови. – Перелом грудной клетки... сотрясение мозга... потеря крови... состояние тяжелое... – читал он, – странно что они не определили причину смерти. По-моему, тут все очевидно.

– Влад, мне сейчас не до шуток.

– Извини, – он потупил глаза.

– Если кто-то задумал убить людей, тяжелое состояние пациентов сыграло ему на руку. Все подумают, что те скончались из-за травм. Смотри, он умер на следующий день после Эрика и Мари.

– Если их кто-то убивал, почему убийца не сделал все в один день? Зачем пришлось возвращаться?

– Может кто-то спугнул его?

Влад не ответил.

Они отложили дело Льва к папкам Мари и Эрика и стали

искать дальше, все сильнее чувствуя, что нашли что-то важное. Страшно сказать, но и Влад, и Кира почувствовали почти игровой азарт. Впервые им попало что-то стоящее, реальная улика, которая поможет разобраться в истории крушения. Но прошел еще час или два, и запал сменился отчаянием.

– Больше никого. Мы уже три раза пересмотрели.

– А больных не могли привезти позже, в другие даты?

– Вряд ли. Состояние было тяжелым им требовалась срочная госпитализация. Вас же из моря вылавливали, из-под обломков...

– Значит все? – Кира непонимающе держала в руках четыре папки. – Где же тогда остальные?

– Сейчас узнаем, – Влад о чем-то сосредоточенно думал.

Они вышли из архива, забрав с собой все нужные бумаги. Влад спрятал их в портфель, поскольку выносить что-либо из хранилища запрещалось.

– Карла, прошу прощения, вас же Карла зовут? – он бегло глянул на имя на переднике.

Медсестра сидела к ним вполоборота, положив варикозные ноги в капроновых чулках на журнальный столик, и читала какую-то брошюру, когда Влад ее позвал, она подняла усталый взгляд, обрисованный синими тенями.

– Скажите, куда могли отвезти других пострадавших после крушения «Мирного»?

– В морг, – не задумываясь, ответила женщина и снова

уткнулась в журнал.

– Прекрасно. Но я имел в виду живых.

На незадачливом лице изобразилась умственная деятельность.

– Тогда в другую больницу, – наконец сказала Карла. – Скорее всего в ту, что на площади Трудина.

– Remercier. Au revoir!⁸

Лицо медсестры покрыла непонимающая и потому глупая улыбка.

⁸ Спасибо. До свидания! (фр.)

Кира убедила брата ехать незамедлительно. Петербург за-
жженными фонарями провожал заходящее солнце. Запад
покрыла алая пенка растрепанных облаков. Зыбкие, дрожа-
щие тени тянулись сквозь непрерывность проспектов. Крас-
ные отсветы бились об окна лисьими хвостами, играющими
в догонялки с красным кабриолетом, который они, верно,
приняли за вожака стаи.

Нужно было бежать по красному, горячему следу. Сей-
час, чтобы не упустить возможности, чтобы схватить лису за
хвост, пока она, хитрая рыжая bestия не раскроет все свои
тайны.

Кира не могла дождаться, чтобы выскочить из машины.
Наконец, они оказались в больничном холле. Усатый охран-
ник глянул на часы, и объявил, что время приема посетите-
лей закончилось.

– Зовите начальство, – приказал Влад, демонстрируя от-
крывающий все дороги перстень.

История повторилась, и уже через несколько минут они
поднимались по винтовой лестнице в архив городской боль-
ницы. Небо за окном потемнело, а Кира и Влад копошились
в ворохе папок под желтым светом настольной лампы.

Здесь документы последних месяцев не сортировались,
поэтому искать пятерых пассажиров пришлось среди сотни

посетителей больницы. Кипы бумаг и папок, наслаивались друг на друга, выстраиваясь в неровные бумажные башни, образующие вокруг пары незваных расследователей целлюлозный замок.

Часы уже пробили полночь, когда Кире попало нужное имя.

– Офицер военно-воздушных сил капитан Вронский. Поступил в больницу в тяжелом состоянии с... – Кира пропустила несколько строчек, – после крушения дирижабля «Мирный». Причина смерти: эвтаназия по просьбе родственников.

– Ну, видишь, конспирологическая теория не оправдалась, – Влад взял папку Вронского, чтобы убедиться в написанном.

– Это надо будет проверить, – Кира так возбудилась, что не заметила, как сгрызла ногти на левой руке. Правая была все время занята, ей девушка листала страницы. Пальцы теперь болели, кутикулы кровоточили.

К трем часам ночи, за восемь часов работы (с перерывом на предупреждение, что больница закрывается, и последующим отказом со стороны Влада покинуть помещение) им удалось найти еще троих. Кира делала пометки в блокноте:

Я (пока жива)

Эрик прич. смерти – не определена

Мари прич. смерти – не определена

Коммерсант Лев Морозов прич. смерти – не определена

Капитан Вронский прич. смерти – эвтаназия

Лорд Брей прич. смерти – не определена

Княжна Волкова прич. смерти – переохлаждение легких

Месье Рю прич. смерти – переохлаждение легких

???

– Нам осталось выяснить, кто был девятым, но похоже, кто бы это ни был, он не числился в этой больнице. Но у нас есть следующая зацепка – родственники Вронского. Тут есть адрес и телефон для связи. Да и, собственно, родственников лорда и княжны найти несложно. – Кира крепко задумалась.

– Только родственники лорда где-нибудь в Европии... и знаешь сколько там таких лордов Бреев...

– Вот еще что: «Мирный» был престижным дирижаблем и пассажиры по большей части состоятельные. И сейчас я думаю о том, что, если их кто-то убил, почему дело не получило огласку? Это же, вправду, лорды и князья. Они все знатные, богатые люди. Если кто-то убивает богачей, это не может быть не замеченным.

Влад устало провел рукой по лицу.

– Надеюсь к родственникам этого Вронского мы не сейчас поедем?

Они возвращались домой по ночному городу. Молчали, но думали об одном и том же.

– Я знаю, где найти девятого, – произнес Влад.

– Да? – Кира сонно посмотрела на брата.

– Месье Рю умер от переохлаждения легких. Я думаю,

что у девятого могли быть хронические заболевания, которые осложнила катастрофа. В таком случае искать надо не в обычной больнице, а специализированном диспансере.

– Например?

– Откуда я знаю. Первое что приходит на ум – тубдиспансер.

– Значит завтра туда? – в усталых глазах еще теплился огонек азарта.

– Завтра начинается учеба.

– Хорошо. Но послезавтра обязательно?

– Обязательно.

Но ни послезавтра, ни через неделю они так ничего и не сделали. На какое-то время сентябрьский ветер закружил Кирину жизнь желтым вихрем, бросив растерявшуюся девушку в совершенно неведомый до этого мир – мир пар, аудиторий, семинаров, лекций, перекусов в перерывах, пяти чашек кофе в день, погрызенных ручек, забытых конспектов, странной студенческой одежды – эпатажной, яркой, не такой, какую Кира привыкла видеть в доме дяди. По главной лестнице факультета вверх и вниз сновали будущие бакалавры и магистры в темно-синих кофтах, забавных шляпах и солнцезащитных очках причудливой формы.

На фоне этих людей Влад казался невыразительным, некачественным. Он не был похож на сына графа, или просто хотя бы на того Влада, которого она знала в своей спальне. Тут юноша казался зашоренным, загнанным, замкнутым. Эта обстановка – шум в факультетских коридорах, разговоры в курилке, совместные прогулы лекций – как-то не сильно касались его.

В общем, совсем не так она представляла его в обществе ему подобных сверстников. А может они просто не были подобны ему? То, что все они студенты, еще ничего не значило. Но даже видя его таким: опустившим глаза в пол, стесняющимся заговорить с одногруппниками, Кира знала, что

он на полголовы выше остальных. Они через многое прошли вместе этим летом. И в нем была стать и гордость. Да, не было в нем любви, вернее той любви, которая идет бок о бок с состраданием, не было добродушия и сопереживания, не было природной обаятельности, но была честь. И Кира поняла, что лучше быть злым, чем слабым, обыкновенным и скучным.

Вспомнился один случай: Влад и его одноклассники возвращались с лекции по помывтому полу. Уборщица тут же елозила мраморные плиты вонючей тряпкой. «Извините», «Простите» – ребята из журналистов превращались в балерин, стоящих на пуантах – так, они изворотливо старались обойти «чужой труд». По краешку, друг за другом, растянулась студенческая цепочка, проходящая мимо уборщицы. Влад же даже не посмотрел в сторону старушки. Он ее не замечал. Она была ему неровня. Следы его ботинок отчетливо отпечатались на влажном полу. «Не за что извиняться, – ответил он на немой вопрос Киры, – эта женщина просто делает свою работу». В этом был весь он. Черная притягательная красота его характера, которую видела только она, в стенах университета оттенялась, на фоне других ребят, сильнее, чем когда-либо до этого, будто в образ Влада влили флакон чернил.

Да и вообще первый день в университете получился странным. Почему-то Кира подумала, что в университет они поедут вчетвером: она, Влад, Адольф Геннадьевич и Одна-

боков – ведь всем им нужно было в одно место. И Кира представляла эту поездку на чем-то вроде школьного автобуса, который заберет их из дома и привезет к дверям института «Газетоведения». Но все оказалось не так.

Ехали они вдвоем с Владом. Однабоков уехал раньше, а Адольф Геннадьевич позже, под вечер. Дядя спал после бессонной ночи, а Однабоков спешил к первой паре, на которую сильно опаздывал.

Утро вышло каким-то скомканным. Она застала брата в его комнате, роющим в шкапу, из которого то и дело вылетали черные кофты, черные свитера, черные пиджаки и черные рубашки. Разбросанные вещи, как кляксы, были раскиданы по всей комнате. Сцена сопровождалась бормотанием Влада: «Да где же, черт побери, эта рубашка...» В изобилии одинаковых черных вещей, которые в тени шкапа тем более приобретали однообразный вид, Влад не мог найти нужную одежду. Почему он не хотел взять любую другую похожую черную рубашку, Кира так и не поняла.

После они в спешке перекусили бутербродами и поехали в университет...

Да! Это была бы настоящая, захватывающая жизнь со своими законами и правилами. И пусть эта жизнь оказалась не такой, какой Кира представляла ее, и журналистика не была синонимом слова «литература», с которой у девушки всегда было хорошо, а журналистика даже не стояла рядом – это Кира поняла на первой же лекции: не было здесь поэтики,

томных чтений и закатанных к потолку глаз... – все же этот мир был чем-то новым, чем-то, что увлекло ее. И на неделю или чуть больше они с Владом забыли про свое расследование.

Да! Учеба в институте, хоть и длилась для нее меньше месяца, все равно дала понять: «Кира ты выросла. Это совсем не та жизнь, которая была у тебя в пансионате».

Сейчас Кира вспоминала, как в детстве, в Новой Англии, засыпая вечером после отбоя, повернула голову к лежащей на соседней кровати Эмме: «Эй, ты спишь?»

По комнате разносилось тихое посапывание девочек.

«Знаешь, Эмма, – сказала Кира шепотом. Обязательно шепотом, потому что все важные фразы всегда говорятся тихо. – А я завтра убегу».

Эмма спала и не слышала откровения подруги.

На следующий день Кира старалась, как могла, под бдительным надзором леди Спайк съесть все, что давали на завтрак. Есть было противно, безвкусная масса песком оседала на зубах и деснах. Они называли это «кашей». Но нужно было наесться, потому что потом еду можно будет только украсть. Она медленно пережевывала каждый комочек – сейчас все имело ценность. Чтобы доесть, она представила, что она паровоз, а то, что в тарелке – уголь. Одна должна есть, чтобы ехать. В столовой всегда пахло плохо, как будто что-то кислое, наверное, капуста, совсем испортилось. Но Кира доела и даже попросила добавки, что вообще-то не раз-

решалось, однако было воскресенье и поэтому ей все-таки дали еще каши.

Съев вторую порцию, она взяла тарелку и понесла на мойку, по дороге косясь в сторону стола, за которым сидела леди Спайк и ела жареный бекон.

День медленно подходил к назначенному часу. Все казалось затянутым, всех как бы погрузили в масло, отчего Кире хотелось кричать. Но нужно было ждать. В девять часов леди Спайк обошла комнаты, запирая их на ключ. Мимо маленьких бегающих глазок скользили таблички с номерами «А1», «А2», «А3». Для леди Спайк не существовало ни этих коридоров, ни белых дешевых дверей, только номера. Другой этаж – «В1», «В2», «В3»...

Ехидно щелкнул замок. Резкие шаги подошли к другой двери и снова щелчок. Кира прислушалась. В тишине слышалось надорванное дыхание. Она закопошилась. Надела штаны, натянула кофту, обувь, куртку, вымененную у уличного мальчишки, распихала мелочевку по карманам, застегивая их на грубые пуговицы. Кира облизала сухие губы. Ее соседки уже спали, она оглядела их, всматриваясь в такие аккуратные и правильные лица. Спящие все похожи между собой. У всех такая безропотная ровность, что Кире захотелось рассмеяться, но нужно было сдерживаться, чтобы не выдать себя.

Она судорожно подошла к окну. Ноги стали мягкими и непослушными, бедра и икры ныли. Было так непривычно

в новой одежде. Кира взглянула напоследок на комнату, где прожила почти четыре года. Задержала дыхание, чтобы прислушаться. Дрогнула щеколда под давлением непослушных пальцев. Руки, не привыкшие к тяжелому труду, напряглись, пальцы побелели. Стало страшно – а если не откроется? Окно поддалось и, дребезжа стеклом раскрылась белая рама, как птица, поднимающая крыло и собирающаяся улететь.

Кира перегнулась через подоконник и посмотрела вниз. С земли второй этаж не казался таким высоким, как отсюда, сверху, но Кира продумала побег до мелочей: слева от окна, как плющ, росла водосточная труба во всю длину кирпичной крыши.

Стоя ногами на подоконнике, девочка схватилась вспотевшими руками за холодное, ночное железо.

«Ты что делаешь?!» – раздался громкий испуганный шепот позади.

Выпученные Эммины глаза топорщились, как у немой рыбы. Кира обернулась и показала язык, не успевая подумать, что же она на самом деле делает...

Скрежет стальной струны, топот ботинок по кирпичному скату портика... Кира еще думала, что спускается, хотя уже давно падала. Оторвавшаяся от стены труба изогнулась ржавой буквой «Л», на конце которой поплававком болталась девочка пока не стукнулась о землю.

Кира шлепнулась попой об аккуратно подстриженный газон. Болела спина, болели ладони, которыми она собрала все

железные занозы на трубе. Но кричать было нельзя – леди Спайк могла услышать, а Кира еще не сдалась... Задрав голову, она увидела Эмму, следящую за ней из комнаты.

Голова соседки исчезла и тут же появилась снова в сопровождении остальных сожительниц... Побег к отцу закончился, не успев начаться. А Кира так и не нашла ответа на вопросы, которые ее волновали.

Теперь, глядя на университет и невольно сравнивая его с тем местом учебы, Кира думала, во-первых, о том, как же по-другому устроен этот мир. Тогда она хотела убежать домой к отцу, но с того самого неудавшегося побега, ей так и не довелось остановиться. Она до сих пор гналась за кем-то. Конечно, уже не за отцом, но тогда за кем? Или за чем?

Но наивно полагать, что тот побег оборвался вместе с водосточной трубой. Это было лишь начало. Дистанция слишком длинная, и конца ей пока не видно... Кире понадобится выносливость. Лишь бы бег не закончился также, как ее попытка воссоединиться с отцом в детстве. Тогда ей тоже казалось, что план идеален и ничего не может случиться, но победила все равно обычная железная труба...

Однако, читатель, мы отвлеклись на Кирины детские переживания. Уже второй раз, глядя на институт «Газетоведения» девушка вспоминала жизнь в пансионе, вспоминала в красках и деталях. Но сейчас вокруг нее были совсем другие люди, от которых не хотелось убегать, наоборот бежать хотелось вместе с ними!

Да! Студенческая жизнь достойна своих героев: пьяных общажных философов, молодых никому не известных музыкантов, ботаников, корпящих над пробирками с пестицидами. Если бы Кире было суждено учиться все четыре года, то потом, стоя с дипломом, полученным из рук дяди на глазах восторженных первокурсников, она бы оглянулась назад и поняла, как завертевшись однажды, ее молодая жизнь кружила девушку в кураже и раже.

...И ряженные вечеринки, и ночные попойки, и разговоры до утра, и прогулки к разводным мостам, и штраф за бутылку пива, выпитую прямо на улице, и пение до охрипшего горла и охреневших друзей. Она бы забывала приходить на пары и вовремя сдавать книги в библиотеку, и может, просроченный пропуск в итоге привел бы к тому, что некий однокурсник предложил прогуляться до кафе и выпить там кофе, и вот Кира уже слизывала бы пенку капучино со своей нижней губы и предлагала вместе пописать конспект, а потом – раз! – и она проснется в его постели. А Влад – так по-старомодному – вызовет его на дуэль и, возможно, погибнет...

Или может все сложилось бы еще хуже. И в один момент после очередного капустника, на котором были бы стихи и вино, она обнаружит себя в кровати с несколькими мужчинами, впрочем, одетыми, но при этом поймет сама для себя, что она уже совсем не маленькая. И на нетвердых ногах пройдет среди разбросанных вещей и недопитых бокалов на кухню, где нальет стакан воды из графина, чтобы победить

похмельную сухость во рту. И потом будет рыться в аптечке подруги в поисках активированного угля или другой таблетки, которая поможет от отравления, ибо накануне он ела совсем другие таблетки – неизвестного назначения и содержания.

Однако все это, пожалуй, несколько драматичный сценарий, а ведь все может быть совсем иначе – вот она перебирает виниловые пластинки, а потом выбрав Led Zeppelin – их, и никого другого! – поедет к своим друзьям танцевать ночь напролет, чтобы затем в спешке переписывать домашнее задание на ступеньке мраморной лестницы факультета. И юбка ее задерется, и мальчишки-дураки будут идти и оглядываться на Киру. Мальчики нисколько не повзрослели со школы. И усвоив урок, Кира впредь будет писать конспекты сама, или даже не писать, а набирать текст на печатной машинке. Но в разгар сессии сорвется и все равно отправится на концерт вместо того, чтобы готовиться к очередному экзамену.

Не на тот концерт, в филармонию, куда дядя мог бы достать билеты на любую премьеру, а в те подпольные клубы, где мельтешит свет и пиво подают с димедролом, а гитарист вытворяет такие вещи с инструментом, что, кажется, его пальцы живут сами по себе, и толпа, раскачиваясь в пьяном полукруге, подчиняется музыкальному потоку, и тонет в нем, и задыхается, и брыкаясь сотней рук, шелестящих под аккомпанемент шаманского бубна, который в конечном счете оказывается не более чем барабаном, но всем плевать, ко-

го это волнует, да и не разберёшь в этом сумраке, дыму и угаре...

Да! Университетская жизнь полная записок, книг забитых гербариями и свеч, воск которых затекает на темное дерево рабочего стола с кучей выдвижных ящичков, в которые набита всякая всячина: наброски рисунков, самопишущие перья, пленка фотоаппарата, засушенные стрекозы, ключики, зажигалки, шнурки, которые она в шутку стащила у Влада, когда он курил на балконе в квартире у общих друзей... Да и сама Кира попробует курить. Сначала мало, потом чаще, потом бросит, начнет снова во время сессии, но к четвертому курсу бросит окончательно. И в итоге у нее останется бесполезный мундштук – сентиментальное воспоминание о молодости.

Она бы носила серую шерстяную юбку в клетку и черный свитер, умело сочетая его с коричневым пальто, которое она под невежливый вопрос брата «Зачем оно тебе?», купит на барахолке у пожилой женщины с грустными глазами. Позже в этом же пальто она будет ездить на курсы фортепиано или, быть может, скрипки... Точно, скрипки! Она всегда хотела научиться на ней играть...

Но все же с коричневым пальто или без него, учеба в университете, куда она поступила благодаря дяди и Владу, который был для нее ориентиром и примером для подражания, по странной иронии жизни, в любом случае, привела бы ее к предательству брата. Осознавая невозможность их отноше-

ний, особенно тут, среди сверстников, которые так свободно любят друг друга, что целуются прямо на оконных рамах, что влечет за собой побелку ягодиц у сидящего, рано или поздно она поддалась бы искушению, и вот – все тот же некий однокурсник, позвавший пить кофе, на квартире которого они, сидя в кругу играют в бутылочку, наклонится к ней пьяным ртом, а она, не сдержавшись, поцелует его. Любой из путей ее университетской жизни привел бы к этому, ведь неизбежное – неизбежно.

Романтика, объятия, манка снежинок на меху, шепот, ровный почерк, рисунки, робкие касания, одолженное перо, вереск, кот на карнизе, домашние растения в горшках, значок на пиджаке, звезды, космос... – было... Все это было бы у нее. Но непременно, в конце она всегда оставалась бы без Влада.

Однако судьбе приспичило разыграть другой сценарий: грезы молодости, показавшиеся из-за ширмы университетских стен, в итоге окажутся блажью, мишурой, конфетти, разлетающимся под звонкий выстрел хлопушки... И Кире, быть может, никогда не суждено будет доучиться. Но пока все еще маячила миражом будущая студенческая жизнь – интеллигентская, богемная и праздная!

Конечно, была бы в этой жизни и учеба, которая, впрочем, не сильно отягощала кутеж буйной молодости. И хотя Кира выросла внимательной и усидчивой – такой, что хоть каждый вечер была готова просиживать в конусе желтого света перед

очередным эссе до тех пор, пока шапка настольной лампы, не разогреется до такой степени, что начнет обжигать палец, прикоснувшийся к металлической поверхности, все же, верно читатель уже заметил это, девушка была легко увлекаемой, и даже имея перед собой цель, могла забыть о ней, переключаясь на что-то сиюминутное, но гораздо более привлекательное нежели далекий и благородный путь, которым ей хотелось пройти.

На первой в Кириной жизни лекции преподаватель сообщил, что журналистика – деятельность практичная и студенты зря пришли сюда просиживать штаны, и вообще лучше бы «шли работать по профессии», или не работать, а просто впитывать человеческие истории, учиться жизни: смотреть, чувствовать, трогать, слушать, нюхать, вдыхать!

Влад в это время сидел на своей лекции и не мог рассказать, говорили ли им то же самое в начале первого курса. А позже Кира забыла спросить.

Что же еще она поняла, проведя полтора часа в аудитории с открытыми нараспашку окнами?

Во-первых, журналистика – это опасно. Преподаватель рассказывал, как он был военным корреспондентом во время Мировой войны, и как под рукой не было ничего кроме фотоаппарата.

Во-вторых, в этом мире люди делятся на два типа: первые журналистов презирают и относятся к ним как к обслуживающему персоналу, вторые наоборот боготворят их и потому приносят в редакции свои истории из жизни городских сумасшедших с просьбой о них рассказать. По сути, проблемы «маленького человека». Журналист вынужден видеть тяжелые картины жизни бомжей, проституток, политзаключенных, пропускать их судьбы через себя, находиться в центре

событий, даже если события – аварии, падения самолетов, убийства. В итоге, журналисты спиваются, выгорают и больше не могут работать.

И в-третьих, правда, до которой докапывается журналист, зачастую не стоит приложенных усилий. И потому нет ничего важнее и хуже правды.

– Приведу пример, – преподаватель назидательно поднял палец вверх. – Как-то раз я делал репортаж про одного еврея, который живет в нашем городе и который столкнулся с травлей и антисемитизмом. Казалось бы, позиция автора очевидна: в тексте необходимо защитить человека, в одиночку противостоящего толпе. Классический конфликт – человек против общества. Однако, когда я начал разбираться в истории, то понял, что еврей, очевидно, не зная о русских традициях общения, оскорбил свою соседку, беременную женщину. За которую в дальнейшем и заступились сожители. И кто в этой истории прав? Я честно, приступал к написанию текста с желанием помочь еврею, но в итоге не знал, чью сторону принять. Забавно, но работая журналистом, понимаешь, что вокруг, чаще всего неправы все вокруг тебя. Так как же поступить в такой ситуации?

Аудитория молчала, Кира краем глаза видела ошеломленные лица новоиспеченных однокурсников, сидящих рядом.

– Это я к тому, – подытожил «препод» (студенческий жаргон ломал язык даже высшего общества), – что, на самом деле, иногда лучше не знать правду. Понимаю, это звучит

странно. Но смотрите: мой долг как журналиста нести в общество высокоморальные ценности, поэтому если бы я рассказал историю так, как она есть, часть читателей встала бы на сторону националистов. Правда разжигает ненависть. И это лишь один частный пример. На самом деле, почти в каждой истории вы встаете перед моральным выбором: рассказать жизненную историю падшей женщины, хотя и знаете, что это приведет к обличению ее личности перед обществом или же промолчать? Делать свою работу с места событий или помогать вытаскивать людей из-под обломков? Звонить родственникам погибших? Ехать в глухую деревню, чтобы рассказать, как там живут люди, но потом возвращаться в столицу? Снять на камеру старушечьи слезы, ради хорошего кадра, чтобы передать чувства героя на фотографии и потом получать престижные премии на фестивалях Европы или закрыть глаза, понимая трепет момента? Старушка имеет право плакать. Это мы, журналисты, наверное, не имеем права выставлять напоказ чужое горе, если это горе не хочет быть обнародовано. Но вот парадокс – мы все равно делаем это. Профессиональная деформация. Конфликт этики и профессионализма.

Этот нравственно-дилеммический подход к журналистике был только одной гранью этой профессии.

Следующая лекция – занятие у Адольфа Геннадьевича Дракулы – предлагала другой взгляд на работу корреспондента. Но еще до пары Кира поняла, что мир, в котором она

оказалась, это не только вселенная коротких юбок, интервью с киноактерами и возгласами «Эй, студенточка...» Это еще и что-то тяжелое, с чем будет очень трудно справиться, и с чем придется столкнуться совсем скоро...

Если каждый день журналисты рассказывают о катастрофах и войнах, значит они каждый день пропускают через себя горы трупов. И что в итоге? Или черствеют душой, или уходят из профессии, или становятся такими, как Дмитрий Крысильев, и начинают обслуживать власть. Пока что ни то, ни другое, ни третье Киру не устраивало.

– Вы еще не журналисты. Вы – в лучшем случае, жирноглисты! Наш курс называется «Основы творческой деятельности журналиста», и он-то и сделает из вас профессионалов. Но я провожу на нем только вводное занятие, а затем принимаю экзамен, – ледяной тон Дракулы-старшего разнесся по амфитеатру аудитории.

И стоило графу заговорить, как все посторонние мысли рассеялись. Началась вторая лекция.

– Вы находитесь в старейшей аудитории этого здания.

Эхо его голоса как бы вторило его словам, доказывая, что аудитория действительно старейшая.

Наклонные парты, стоящие полукругом, постепенно восходили к арочным окнам, также расположенным полукругом, сквозь окна проходили косые лучи света, что создавало впечатление таинства, будто внизу амфитеатра находился алтарь.

Кира заворуженно рассматривала убранство аудитории, пока Дракула-старший называл все свои регалии.

– ... кроме того, учил таких великих журналистов как Дмитрий Крысилев и... – доносился голос дяди. – ... также вы научитесь писать разные тексты: начиная новостной заметкой и заканчивая полноценным журналистским расследованием. Но последнее ожидает вас на четвертом курсе, так что не будем забегать вперед.

«Будем. Я тебе такое расследование сделаю...» – думала Кира.

Понимание журналистики Дракулой-старшим было предельно простым и объяснялась двумя тезисами:

– Я пошел в ту профессию, суть которой сводится к превращению информации в деньги. Формула «информация = деньги» – это наша алхимия. И все что нужно об этом знать: информация в деньги не превращается. Точнее превращается плохо. Владение информацией – это привилегия, но платить за нее люди не готовы. Но тем не менее, в итоге я стал министром информации, и стою сейчас перед вами. Почему же так? Вот вам ответ: я не работаю по профессии, и вам не советую.

Уже второй лектор отговаривал студентов становится журналистами.

– Однако! Второе, что нужно знать о журналистике: что военно-воздушные силы – ВВС и издание «ВВС», имея одну аббревиатуру на двоих, также и являются, по сути, одним и

тем же – грозным оружием, способным уничтожать целые страны и народы. Думаю, в такой формулировке вы легко запомните идею профессии.

После пары они всей группой пошли в самое сердце «универса», то есть в бар через дорогу. Кира хотела еще попасть на лекцию Однабокова, однако преподаватель, утопленный шумом послелетних студентов, отменил пару. По словам Влада, у которого Однабоков все же провел занятие, на паре, посвященной русскому сентиментализму, некто высказался достаточно эпатажно, но в целом семантически верно, выкрикнув на всю аудиторию свое мнение о том, что «Эраст – педераст», после чего бедный лектор и распустил студентов восвояси.

Тем не менее, Кира примерно знала, о чем бы Однабоков повел свою лекцию. В последние дни лета они много общались по вечерам. И в голове у девушки ясно рисовалась картина возможной лекции.

«Все эти ваши «медиа»... – сказал бы Однабоков. Правда неясно было откуда он взял это странное слово «медиа», ведь время, о котором ведется повествование могло едва ли похвастаться наличием стиральных машин, не говоря уже о машинах вычислительных, однако, как известно, большие умы зачастую опережают время. А может Однабоков просто выдумал это слово сам? кто его знает... – Все эти ваши «медиа», ленты, рейтинги, СМИ... – говорил тем временем писатель. – Вы просто находитесь в бесконечном потоке. Пред-

ставьте, что происходит в голове у корреспондента, который непрерывно пишет новости: рождение белого мишки в зоопарке, чередуется с выпавшим из окна ребенком. Взятки, происшествия, пожары, железные дороги, упавшие самолеты, градозащита, активизм, урбанизм, империализм... – новостями интересуются те, кому нечем больше интересоваться. И главное, вы, журналисты, посмотрите на своих старших коллег: одутловатые лица, сутулые плечи и пивной живот. Такими вы ходите быть после тридцати? Нет, друзья мои, если журналистика для чего-то и была придумана, то точно не для того, чтобы делать людей счастливыми. Все это секундные новости, события, происшествия – все это пройдет. Завтра от этих «инцидентов» и «происшествий» не останется ни-че-го. Есть лишь бесконечный медиапоток, который сметает все на своем пути. И сметет и вас. Ему невозможно сопротивляться. Вы сойдете с ума от темпа жизни. Из каждого угла и прибора на вас орут и перекрикивают друг друга новости: «Отметим, что...», «Ранее СМИ писали...», «По сообщению губернатора...» «Городские активисты заявили...» – все это бессмысленно! Эти клише! Эти стандартные формулировки! Это все происходит от скудословия. Бегите, пока не поздно. Слова, слова, слова... люди говорят, потому что не привыкли к тишине. Это гонка информационного вооружения ведет нас к нервному срыву. Мы не внутри одного текста, мы уже между несколькими. В вашей голове образуется коллаж событий! Эклектика новостей! Буй-

ство безумия! Каша происходящего! Вы уже не в состоянии мыслить связными предложениями и образами! Из каждого угла на вас кричат заголовки: «Сенсация! Сенсация! Сенсация!» Сбор, обработка и распространение информации – это конвейер! Фабрика! В результате вы живете неполноценной жизнью, урывками! Клиповое мышление лишает вас возможности прочитать мало-мальски длинную книгу! Вы хотите картинок! Люди делятся на три типа: инфлюенсиров, иначе говоря создателей потока, тех кто обслуживает этот поток – журналистов, и тех, кто его потребляет. Пока что вы просто обслуга. И вы сами зачем-то сделали этот выбор. Вы могли создавать что-то вечное. Но вместо того, чтобы снимать кино и писать книги, вы берете интервью у тех, кто снимает кино и пишет книги. Зачем? Хорошо хоть вы не третья категория – потребители, пустышки, бессмысленно прожигающие время. И все же мой вам совет: подумайте о вечном, что останется, когда не будет вас, друзья мои? Бегите, пока не поздно, бегите, пока жизнь не превратилась в один сплошной пресс-релиз!»

Стена, у которой Влад дожидался Киру после бара, находилась в холле первого этажа института и пестрила фотокарточками. Стена походила на дерево студенческих воспоминаний. Тут были и официальные снимки, и детские фото, а также карточки с подписями и без.

– Что это? – спросила Кира любопытно.

Брат лениво оглянулся, будто увидел на коллажистую сте-

ну впервые.

– «Встограмм», – пробурчал Влад, не считая нужным объяснять. Плитка гематогена, которую он при этом сосал, осталась у него во рту во время разговора. Университет действовал на брата удручающе.

Дожевав, он все же объяснил, пускай и без энтузиазма.

– Ну вот у тебя есть стена. На ней «приложение» – так называется ватман или что там... – короче штука, *приложенная* к стене на нее все, кто хочет крепит свои фотографии. Называется «Встограмм», потому что образовано от английского «in-100-грамм», то есть каждый должен уложиться в сто грамм фотографий, а это ведь очень много! Хоть пятьдесят своих снимков прилепи сюда, а они все равно поместятся.

– А где твои фотографии? – Кира стала искать среди чешуи наложенных друг на друга листочков знакомое лицо.

– Вампиров нельзя запечатлеть, – пошутил было Влад, но тут же пояснил. – Я их сюда не прикрепил. Ощущение такое, что выставляешь себя напоказ, продаешь... Есть похожее «приложение», только хуже... «Тиндер-сюрприз» называется. Так там вообще люди научились торговать любовью – смотришь в глазок, а там аппарат крутит фотографии... внутри бесконечная лента из сисек и задниц. Никогда не знаешь, какая будет следующая – поэтому и «сюрприз»! Если понравилась, записывай телефон, который тоже под фотографией есть.

– А ты откуда знаешь, как «Тиндер-сюрприз» устроен? – спросила Кира подозрительно.

Вместо ответа брат откусил новый кусок гематогена.

– А разве это не проституция продает любовь? – Кира задала вопрос после паузы.

– Проституция продает секс. И человек получает то, за что платит. Без прикрас. А здесь сплошной обман.

– Ты сноб, Влад! – впервые она поняла, как точно описала его одним единственным словом. – Ты – сноб... – повторила она менее решительно, понимая теперь, какой силой обладало это определение, применительно к нему.

Точно! Вся его черная фигура, зажатая и скованная, подсвечивалась на белом фоне общества его сверстников. Нет, вовсе это не значило, что вокруг все невинные и безобидные. Но он ставил себя выше них. Он сам в глубине души ненавидел себя за это. Но чем лучше он становится, тем меньше у него оказывалось общего с окружающими. Если он отучился грызть ногти, то почему это не может сделать сосед по парте? Неужели так трудно не рыгать? Не чавкать? Ни хлюпать, когда пьешь коктейль через трубочку? Почему нельзя просто следить за собой? Почему бы не заняться самообразованием? Хотя бы почитать книгу, например! Вместо того, чтобы разглядывать фотографии однокурсниц «Востограмме»! Неужели это все, на что люди вокруг способны? Неужели это все, что они могут предложить обществу? Так думал Влад.

Кира не понимала его, вернее не понимала до конца, потому что не проживала его жизнь. Не знала, с чем ему пришлось столкнуться в детстве.

Еще в элитной начальной школе для мальчиков – самом жестоком месте на планете (ибо детский мир всегда жесток, а мальчишеский – особенно) – его любовь к томатному соку и, смешно и страшно сказать, манной каше с комочками, была более чем причиной для того, чтобы считать его «другим». Казалось бы мелочи, мальчишеские забавы, но они проложили ту трещинку в душе Влада, которая стала каньоном между ним и обществом, которое он так возненавидел и так искренне пытался полюбить.

Весь этот мир гольфа и бриджа с модой на все английское был отвратителен ему, равно как мир мещан – подражателей и завистников, не способных ни к каким стремлениям, кроме стремлений личных. Так какую же сторону выбрать? Жалкие и подленькие обыватели, трясущиеся над каждым рублем или же высокомерные циники, как его отец? Вампиры или оборотни? «...и именно такая марка машины, и именно такой акцент речи, именно такая сумма денег в банке, и обучение именно в той школе...» – Что ж, по крайней мере, благодаря своему снобизму, идущему под руку с образованностью и начитанностью, он помнил цитаты из книг наизусть. Благодаря литературе, он был не так одинок, но все же... Впрочем, может именно количество прочитанного и делало его таким умным, и как следствие одиноким чело-

веком? Ну просто не было в обществе ему места! Не было! И тогда он начал вырождаться и стал тем, кем стал. Ему пришлось смотреть на жалких мещан сквозь пальцы и относиться к ним так, как они того (не) заслуживали. Сострадание? Влад уже не мог переносить это чувство, это слово... «Я был готов любить весь мир – меня не поняли...» невозможно плакать над каждой старушкой! Нельзя идти в ногу со сверстниками, если все они позади тебя!

...И он презирал себя за такое отношение, за все свои поступки, которые были воплощением его мыслей. Мыслей, которые он контролировать не мог. И все-таки что нас определяет: поступки или суждения? Влад уже не знал ответа на вопрос. Мысли эфемерны, и мы совсем не то, что думаем, ибо не контролируем сознание (это только Достоевский не изменял жене даже мысленно), но мы также и не то, как мы чистим зубы, какие запонки выбираем и где проводим вечер. Ответа нет... Но для себя Влад понял, что и то, и другое в нем отвратительно, и простить он себя за это не мог. Это его ответ самому себе, и его решение, его бремя и способ существовать дальше. Он тонул, но тонул так, как тонут рыбы, то есть все же умудрялся двигать плавниками и плыть, плыть – с пары на пару, с курса на курс, в потоке людей и времени, среди сверстников и учителей, родственников и слуг, доброжелателей и врагов, ровно до тех пор, пока он не встретил ее...

Кира встретила с ним взглядом и увидела все это. Она

его поняла. А понять кого-то – это самое главное. Если вас понял человек, которого вы любите, знайте, что лучше момента уже не будет. Запомните его, потому что дальше, может быть, будет хуже...

Но сейчас Кира поняла его. И он был не один. Вокруг шли люди, оттеняя его, задевая сумками и плечами, бормоча грубости или, наоборот, извинения, он застывший, пришибленный, но на секунду открывшийся, стоял перед ней. «Смотри. Вот такой я».

Кира не выдержала его взгляд и опустила глаза:

– Прости, что назвала тебя снобом.

– Забудь, поехали домой. Нам еще надо найти последнюю выжившую с «Мирного».

Капот Астон Мартина грустно провожал проносащиеся мимо автомобили. Двигатель был заглушен и от этого прежнее буйство машины, которое делало ее почти живой, исчезло, оставив только красивую оболочку.

Закончился первый месяц учебы. Непрерывность рассветов и закатов, их сменяемость, казалось, может тянуться вечно, когда вокруг столько сентябрьской суеты пахнувшей типографской краской и кофе, выпитым натошак перед парой. Но вечно тянуться эта суета не могла, и Влад знал, что день, когда им придется продолжить расследование все же настанет. В первые же выходные октября Влад пообещал отвезти Киру в тубдиспансер.

– Мы и так потеряли месяц, поэтому давай разделимся: заведи меня туда, а сам поезжай к Вронским. Встретимся в три, в том кафе на первом этаже Имперской Государственной Постройке, где мы однажды обедали, помнишь?

Влад Дракула сидел в машине, глядя на белый фасад дома Вронских. В детстве он как-то даже был у них в гостях. Но потом отец порвал отношения с их семьей – мелковата рыбешка.

У входа стоял швейцар. Он насторожился, увидев, что перед домом остановился дорогой автомобиль, однако ни через пятнадцать минут, и через полчаса из него никто не вы-

шел, и швейцар решил, что машина просто кого-то ожидает.

Влад сжимал руль, и костяшки его были белы. Но никто, даже швейцар не видел эту сцену внутренней борьбы.

Что ж, похоже, что иногда подлые поступки оказываются самыми правильными. И что бы он ни делал, чью бы сторону не выбирал, он все равно совершал предательство. В этом не было чьей-то вины, и поэтому он не злился, ни на отца за то, что он приказал ему переспать с сестрой, ни на Киру за то, что она втянула его в эту историю и заставила пойти против Дракулы-старшего.

Он всем обязан отцу. Все что у него есть – его фамилия и его семья – это заслуга отца. Но Кира, милая Кира – тоже часть семьи. Они втроем должны быть на одной стороне. Почему же тогда началась эта негласная междоусобица, и линия фронта прошла по его хребту?

Отец – жестокосердный человек, Влад это знал. И ради Государства Россссийского Адольф Геннадьевич Дракула жертвует сыном. За эту властность и принципиальность Влад и уважал отца. А иначе бы каким министром тот был, если бы его не уважал собственный сын?

«Все началось, когда она только приехала, – думал Влад. – Мой отец – гений информационных заговоров. И стоило Кире появиться в нашем доме, она попала в его сеть. Паучьи лапки замуровали кокон с маленькой беззащитной девочкой... Это было predetermined. У отца с самого начала был план, как разыграть эту шахматную партию, к которой судьба до-

бавила новую фигуру – племянницу. «Ты должен выиграть для меня время, – сказал отец в тот день, когда Влад поехал за ней в больницу. – Отвлеки кухню, займи ее чем-то, покатай по городу. Она ведь не была до этого в Петербурге! Так пусть красота города замутит ей разум. И кстати, Влад, будет совсем хорошо, если ты понравишься ей. Прояви внимание, будь учтив, галантен, вежлив. Ты это умеешь!» И я все делал правильно, легкого флирта хватило, чтобы Кира, после пережитого, так беззаветно влюбилась в меня... Отец все рассчитал. И пока я занимал сестру, он занимался сбором сведений о крушении. Все шло по плану. До тех пор, пока я не решил помочь отцу в его деле, и ни убил свою бывшую возлюбленную Мари и этого Эрика! На кой черт я сделал это? Ведь есть же спецслужбы, которые занимаются такими вещами. Они профессионалы, не то, что я! Так почему же я пошел убивать ее? Ладно Мари, она предала меня... Но Эрик! Неужели из ревности к сестре? Неужели в этой игре разума, затеянной моим отцом, я поддался чувствам, потерял контроль над собой? В тот самый момент, совершая этот ужасный поступок, я не остановился, потому что сам хотел этого. И причина тому – Кира...»

Это убийство изменило ход всей истории. Кира начала догадываться, начала подозревать Адольфа Дракулу. Она больше не верила ему, не чувствовала себя в безопасности в его присутствии, хотя бояться надо было его – Влада! Это он настоящий убийца! А она верит ему, потому что любит...

«Твое дело – выиграть время. Император верит мне. Но нужен еще месяц. Мои люди разберутся с оставшимися свидетелями, а ты отвлекай Киру. Ты нравишься ей, это играет нам на руку. Хоть переспи с ней, если потребуется, но не пускай в это дело ее проворные женские ручонки» – глаза отца светились желтым.

«И вот, пожалуйста! Сначала я переспал с ней по наводке отца, а теперь она воспользовалась этим и втянула меня в расследование, – Влад тоскливо посмотрел на кованые ворота Вронских. – Но дело завернулось круто... и теперь я предаю отца. Но почему? Неужели я сам не заметил, как влюбился в Киру? Или дело в том, что она права – отец хочет начать войну, и я это знаю? Я пытаюсь остановить войну? Я? Остановить войну? Смешно. Это плохо, когда человек перестает быть человеком и становится супергероем. Я не супергерой, почему же я веду себя именно так, борюсь против лжи и не могу мириться с неправдой? С каких пор меня заботит судьба человечества? Нет, я не герой. Я просто пытаюсь прожить свою жизнь. Должно быть, наши хорошие качества – это всегда продолжение наших недостатков. И как только я, как маятник, наклоняюсь к Кире – непременно отдаляюсь от отца, предаю его. Я должен слушаться его, я должен быть хорошим сыном. Но я люблю ее, как бы странно это ни звучало, но я люблю свою сестру...! Смешно, но меня совсем не волнует то, что мы родственники. Я не вижу в этом нравственной дилеммы, будто то, что происходит абсолютно

естественно. Я люблю ее! И люблю как никогда не любил!»

Изоощренным, извращенным чувством наполнилась его душа. Неистовый экстаз, в котором смешалось и предательство семьи, и совокупление, и страх перед отцом и бессильная страсть перед Кирой, стирающая все внутренние границы...

«Я люблю и папу, но он использует меня, как оружие, в своих целях. Он думает только о стране, а стране нужна война. Он ее устроит, и Кира не сможет помешать этому... Нет, Кира слишком слаба, не ей тягаться с графом Дракулой. Он – акула, а она всего-навсего аквариумная рыбка, выращенная в тепличных условиях запада и теперь вынужденная выживать в холодном океане Росссии. Почему же я помогаю ей? Почему я на ее стороне? Мне ее жалко? Нет, ибо я вижу в ней силу. Я ей верю, верю в то, что у нее может получиться. Но дело не в этом. Я правда люблю ее. И в ту ночь, когда я пришел к ней, выбор уже был сделан. Наша страсть – кровная клятва друг другу. Кира одна против всех, а я ей помогаю. И я хочу, чтобы она победила».

Отец, его детство, семья, государство, инцест, любовь, секс – все стало едино, краски смешаны на холсте так, что уже не разобрать рисунок. Краски смешаны до черноты и чернота эта внутри него самого.

«И все-таки как я мог переспать с сестрой?! Но я хотел этого. Моя жизнь – мое личное дело. Подлые поступки иногда оказываются самыми правильными, но подлость была

лишь в том, что сделал я это по наказу отца. В первый раз. Теперь же нас тянет друг к другу каждую ночь, и мы мчимся по инерции, как камни во время обвала, сметая на своем пути землю, судьбы, людей, историю. Мы не в силах остановиться. Мы отвратительны, но при этом неужели мы не на стороне добра?

Впрочем нет. Не существует ни добра, ни зла, мы не герои, мы просто пытаемся жить так, как умеем. Нелепо, несуразно, у нас не выходит, но путь у нас только один – тот, которым мы и идем...

Кира, я люблю тебя. Или думаю, что люблю. И все это лишь слова, заложенные в мою голову кем-то. Мой отец может это. Может заставить людей думать так, как хочет он, мы все его пешки. На чьей же я стороне? Двойной агент, потерявший себя, неудачный эксперимент отца, который меня ненавидит. Я отщепенец, и мне некому сказать об этом. Отец вырастил меня в инкубаторе, надежно оградив от общества, чтобы я знал лишь один способ выжить – его бесконечную волю.

Чистота крови, древний род, вампиризм, старинные легенды – утопия, утопленная в крови... Обреченное счастье. Может отец Гавриил прав, правы все левосланные священники и на мне грех? Нет уж! В это я точно не поверю! Бога сюда не нужно привлекать, ибо, увидев, что творится на этой Земле Бог с отвращением сблюет!

Бойня против содомии. Грех двоих или война Россссии и

запада? Отец или Кира? В конечном счете у каждого из них своя правда. Куда же катится наша жизнь? И почему я не могу ничего изменить! Не хочу ничего выбирать! Не хочу! Не хочу! Не могу!»

Влад завел мотор и вывернул на дорогу.

– Значит я был прав, и у нее обострился туберкулез? – Влад вдавливал педаль в пол и как-то нервно вел машину по загородной трассе.

Кира в роли штурмана сверялась с картой.

– Да-да, прав! Ты уже третий раз говоришь, что ты прав! – Она провела пальцем по извилистой линии дороги. – Куда ты так гонишь?

– Держу темп! – Влад нехотя потянулся в кожаном кресле. – Расследование должно идти семимильными шагами.

– Что?

– Семь миль – очень большие шаги. Россссийская поговорка такая.

Вскоре они свернули с трассы на сельскую дорогу. Камушки защелкали по лобовому стеклу. Влад беззвучно выругался. Автомобиль провез пассажиров через березовую рощу. Свет искрился на белых стволах с черненькими засечками.

Кира перебирала в блокноте вопросы, которые готовилась задать мадам Дюбуа. А также переводила их на французский, что, по ее мнению, исходя из фамилии дамы, было совсем нелишним. А в России, а точнее в семье Дракулы, которая, по сути, являла апофеоз русскости в своем стремлении подражать всему английскому, Кира начала забывать журчащий язык любви и круассанов. И вместо свистящего «C'est

la vie» все чаще хотелось сказать, отдающее бирмингемским кирпичом и углем, строгое «That is life».

Влад недовольно хмурился и ворчал.

– Не успела поучиться на журфаке, а у тебе уже прорезался журналистский нюх на всякую ерунду!

– Я не понимаю, то ты сам спешишь и рвешься мне помогать, то осуждаешь мои методы и ворчишь! – изумилась Кира. – И вообще, разве «журналистский нюх» – это плохо?

– Ну как посмотреть... скоро начнешь курить, пить по десять стаканчиков черного кофе в день и бегать за людьми с фразами «Извините! Буквально пара вопросов!»

– Ты же сам на журналистике учишься!

– И поэтому знаю, о чем говорю!

– Притормози, мне кажется, мы не там свернули... тут должно быть озеро.

Но Влад и не думал останавливаться.

– Какой ты мерзкий, – фыркнула Кира, видя в нем сейчас только лишь своего брата. Но тут же что-то заставило ее посмотреть с другой стороны, и она, сменив тон, спросила. – Что с тобой?

– Что? – Влад глядел перед собой.

– Я же вижу, что что-то не так. Тебя будто что-то мучает.

– Ты меня мучаешь тем, что таскаешь по выходным к незнакомым людям, пытаешься доказать свою правоту. Правда – это, конечно, хорошо, но не всем она нужна и не всегда. Хотя, наверное, это не тот случай... в общем, не обращай

внимание, моя жизнь соткана из противоречий, и я давно с этим смирился.

– Тебе нравится себя жалеть, – Кира покачала головой, – ты хочешь быть тем самым «лишним человеком», «непонятым героем». Но такому образу место только в книгах.

Мимо них проехал черный автомобиль без опознавательных знаков. Водителя было не видно за темными стеклами, но Кира и Влад не вообще не обратили внимания на машину. Они смотрели в другую сторону – на озеро.

– Вот оно, а ты говоришь, мы не там едем...

Они выехали к водному разливу, на глади которого искрилось солнце. Кира подумала, что на самом деле и вода, и небо бесцветные, можно сказать безликие, но отражаясь друг в друге, они порождают эту сверкающую синь – и наверху, и под ногами – и на нее хочется смотреть пока не заболят глаза.

И она, и Влад – это тоже такое небо и вода, которые отражаются друг в друге, и наполняются жизнью только вместе. Но в то же время, они никак не могут соединиться, находясь по разные стороны линии горизонта. И только ниточки дождя связывают их то тут, то там в редкие моменты пасмурных дней. А что есть дождь, если не слезы? И все дни вместе с падением «Мирного», смертью Эрика, нервозностью и страхом за их расследования – это пасмурные дни. Пасмурные, но счастливые. И зато они вместе.

Гряды облаков протянули белые хлопчатые пальцы к лу-

чам, но обожженные, отдернули их, уволокивая за собой тень, позволяя солнцу освещать дорогу к дому мадам Дюбуа.

Это оказался небольшой домик с черепичной крышей, поросшей мхом, плющом на стенах и аккуратным садиком за каменной оградой. Буйство цветов на кустарниках заставило Влада поморщиться и чихнуть. Не потому, что у него была аллергия, просто как-то само собой так вышло.

– Будь здоров! – крикнула Кира, выходя с другой стороны машины.

Калитка была открыта, и они вошли в сад. Вдоль тропинки цвели розы. Названий других цветов Влад не знал, и пусть только Кира попробует теперь упрекнуть его в том, что он сноб. Снобом не может быть тот, кто не разбирается в цветах. Потому что снобы, как правило, по совместительству джентльмены. А он не считал себя ни тем, ни другим. Хотя и понимал, что в обоих случаях ошибается. Ему не хотелось думать о себе хорошо, признавая все свои достоинства, и поэтому он думал о себе плохо, но думая о себе так, Влад упивался подобными мыслями. Кира раскусила его, ему нравилось быть «несчастливым, романтическим героем» или, как она сказала, «лишним человеком» с гордо поднятой головой и рукой на горячем сердце. Она раскусила его, а значит победила, сломала его защиту от самого себя и от внешних угроз. Перед ней он был безоружен. И поэтому любил ее, и поэтому был сейчас с ней в этом саду.

А она, беззаботная девочка в летнем платьице, даже не

подозревая о своей силе, так непринужденно повернулась к нему и задала глупый вопрос, который его бесил и умилял одновременно.

– Когда-нибудь у нас будет такой дом? – спросила Кира с надеждой в голосе.

И пусть сколько угодно говорят, что девушки не падки на цветы.

– Не знаю, – настроение у Влада было совсем не романтическое. Его редко покидала тревога и плохое предчувствие, и даже легкость Киры не спасала его. Потому что даже с ней рядом, он оставался самим собой. И хотя он понимал, что быть самим собой – это самое правильное, что есть в мире. Тот, кем он был, ему не нравился. Влад хотел измениться, но не знал, как.

И сейчас он напрягся, предчувствуя угрозу. Они играли против графа – а противника более коварного придумать очень сложно. Но из-за этой легкости и беспечности, покоряясь Кириной красоте и молодости – всему тому, чего в себе он уже не видел – именно из-за этого он выбрал ее. Сделал ставку на сестру. Она так прекрасна, и поэтому она не может проиграть.

– Слишком тихо, – настороженно сказал Дракула-младший, глядя на бесшумно порхающих бабочек от одного яркого пятна на кусте к другому.

Путь преградила старая деревянная дверь. Кира позвонила в звонок, в доме вторя движениям ее пальца раздался ме-

таллический отзвук. Но, кроме этого, ничего не произошло.

– Позвони еще раз? – посоветовал Влад, и Кира так и по-ступила.

– В тубдиспансере сказали, что она уже пожилая... к то-му же она пережила крушения дирижабля и потом лечила осложнения в легких... может она медленно ходит или..., – рассуждала Кира.

Но Влад уже толкнул дверь, и она поддалась, приглашая незваных гостей внутрь, однако те не спешили и пока оста-лись на пороге, настороженно переглянувшись.

Никто ничего не говорил, потому что пока говорить было не о чем, однако теперь уже и Кира начала бороться с пло-хим тревожным чувством внутри, зная при этом, что оно уже никуда не денется.

Влад сделал первый шаг, и дом принял его полуденным прохладным сумраком. Кира, ступая след в след, как на мин-ном поле вошла за братом.

– Ау! Есть здесь кто-нибудь? – крикнул Влад в пустоту.

Он наступил на что-то мягкое и, посмотрев вниз, увидел раскрытую книгу. Тут же валялась еще одна, и еще. На ковер был опрокинут горшок с цветком. Крупицы черной земли забились в ворс.

Обогнув диван, Влад увидел истинный вид ухоженного снаружи дома – разбросанные на полу тряпки, упавший тор-шер, разбитый стеклянный столик. Обшивка дивана была распорота. По ковру в спальню тянулся кровавый след.

– А старушка похоже не сильно следила за чистотой, – попытался пошутить Влад.

– Ты издеваешься? – Кира смотрела на этот натюрморт широко раскрытыми глазами.

Влад аккуратно, чтобы не задеть первозданность обстановки, прошел к спальне и заглянул внутрь.

Кира выжидающе смотрела на его.

– Ну... это точно не туберкулез... – Влад пожал плечами. Девушка пересекла гостиную комнату за три больших шага – под туфельками захрустели осколки стекла – и отстранив брата, сама заглянула в спальню.

На широкой кровати со смятым покрывалом лежал труп пожилой женщины. Кровь заляпала одежду, белое жабо жалобно сжалось покрытое темными пятнами. Лицо выражало смятение и ужас. Окоченевшие руки заканчивались кулаками.

– Она боролась... она защищалась... – Кире было трудно говорить, но она себя пересилила. – Смотри, они не взяли украшения. На ней кольцо... и сережки... наверняка золотые. Такая женщина бижутерию не наденет...

Влад расчехлил фотоаппарат, который взял по просьбе сестры, и сделал несколько снимком с разных ракурсов, несколько общим планом, пара крупных. Пленка наполнялась изображениями порезов и синяков, закатившихся глаз и изуродованного криком о помощи рта, травмами от падения и травмами, нанесенными ножом.

– Надо уходить, вдруг скоро придет полиция, – он озабоченно посмотрел на сестру, которая в свою очередь разглядывала лицо дамы.

– Да никто за ней уже не придет...

– Все равно, здесь нам уже ничего не сделать.

Но Кира не двигалась. «Эти уроды не просто наносили увечья, они издевались, мучили женщину» – Кира видела следы пыток и почему-то чувствовала себя причастной к убийству. Будто она сама с удовольствием резала старую, морщинистую плоть.

– Кир, ты была права, ее убили. Последнего свидетеля убили. Доказательства у нас есть. А теперь нам надо уходить.

Кира стояла, как статуя.

– Кира! – позвал Влад, хватая ее за плечи. Когда он развернул сестру к себе, то увидел, что она плачет.

– Пожалуйста, давай уйдем отсюда, – она прижалась заплаканным лицом к груди брата.

Человечество знает лишь один способ бороться со смертью, которая крадется по пятам, в какой бы угол от нее ни прятался. И способ этот – жить. Жить жадно, жить изо всех сил, жить, даже если сил почти не осталось. И Кира с Владом жили в ту ночь друг другом, раз за разом становясь просто телами телам до тех пор, пока обессиленные не повалились на кровать – жить друг другом, жить чтобы не думать. Насмехаться над смертью с помощью секса. Плюнуть смерти в лицо: «Эй, смерть, еще немного и мы победим тебя тем, что зародим новую жизнь, стоит только захотеть!».

Глумиться над смертью, а на самом деле бежать, бежать, бежать от самих себя... Потому что уже невозможно развидеть труп старой женщины в загородном доме... Потому что Кира, закрывая глаза, видела кровавый след на полу, помнила холодные руки и страдальческий взгляд мадам Дюбуа...

Так они лежали в обнимку почти без мыслей и без сил, дополнив друг друга до подобия совершенства, которое возможно лишь на пике, апофеозе существования.

Кира повернула голову к Владу.

– Почему ты никогда не говоришь, что любишь меня?

– Что? – не сразу сообразил он. – А... ну... Разве тебе мало того, что ты это и так знаешь?

– А может я не знаю.

– Правда хочешь знать почему? Я не умею любить той чистой, отдающей любовью, о которой написаны книги. В моем случае это низкое чувство. Моя любовь жадная, эгоистичная. Беспощадная любовь. Я не умею отдавать, и мне хочется брать человека, всецело подчиняя его своей страсти. Понимаешь? Я, наверное, почти чудовище, которое в первую очередь чувствует ревность и тревогу из-за возможности потерять, и только потом нежность и все остальное... Если я признаюсь тебе в любви, тебе же будет хуже. Если я признаюсь тебе в любви, это будет начало конца...

– Так не бывает, Влад. Точнее, может и бывает, но не в нашем случае. Не забывай, что мы ведь еще и брат и сестра. Да и ты не такой... – помолчав она спросила. – А ты любил до этого?

– А это имеет значение? – ответил он вопросом на вопрос. – Достаточно того, что есть сейчас.

Он поднялся, показывая, что больше ничего не скажет на эту тему, и в подтверждение своих слов бросил:

– Я хочу шоколадного молока. Тебе принести что-нибудь с кухни?

– Нет, – Кира отвернулась.

Когда через несколько минут Влад вернулся в спальню, молока у него не было.

– Знаешь, важнее ведь не слова, а действия... – он поймал Кирина удивленный взгляд. – Отец уехал. Слуги спят. А у меня есть это.

Он разжал кулак, в котором был ключ. Жизнь полна сюрпризов. Иногда нужно выйти за шоколадным молоком, чтобы вернуться с ключом от тайной комнаты.

– Откуда...? – Кира посмотрела на него, ничего не понимая.

– Давай я отвечу честно? Я всегда знал, где его достать. Но не говорил тебе. Пойми, что он мой отец. Я люблю его. Но увиденное сегодня заставило меня передумать... А может дело в другом... Не знаю... Но, если ты права, нам надо остановить моего отца. Пойдем в кабинет и поищем доказательства.

Кира смотрела ошарашенно, но спорить не было смысла. Это их шанс.

«Да уж, – думал Влад, – как самому кого-то убивать, так ничего. А труп старухи меня так разжалобил? Наверное, я лицемер и предатель, раз меняю сторону по своей прихоти. Или все эти разговоры о любви подбили меня на это?». На самокопание не было времени, но Влад все же спросил:

– Ты никогда не думала, что мы плохие? Что на самом деле мы не совершаем добро?

– Не знаю, а как думаешь ты?

– Ну я-то вообще никогда не считал себя хорошим, но в моем случае... В общем, люди, которые считают, что они хорошие и честные, вызывают у меня много подозрений...

– Может мы и не хорошие, но мы стоим на стороне добра, я в это твердо верю. Добру придется смириться, что мы на его

стороне. Потому что больше никто не принял его сторону. Мы тут одни.

– Если у добра такие защитники, как мы, то оно обречено... – он кисло улыбнулся.

– Серьезно так считаешь?

– Я часть той силы, что вечно хочет благо и вечно совершает зло! – произнес он нараспев вместо ответа, накинув черный пиджак на одно плечо. Рукава при этом жесте затрепетали на ветру.

– Позер! – фыркнула Кира.

Спустя несколько минут они уже копались у дверной скважины, пытаясь отворить дверь.

– А где твой отец? – прошептала Кира.

– Улетел, размахивая перепончатыми крыльями, пить кровь девственниц!

Кира посмотрела на его исподлобья. Этот взгляд говорил: «Ты совсем дурак?»

– Да не знаю я! На каком-то приеме или срочном заседании... – дверь наконец поддалась, и Влад толкнул ее плечом. – Главное, что тут его нет!

Кабинет пустовал, но Кире от этого было не легче. Не покидало ощущение, что в любую минуту граф действительно влетит на крыльях или сконсистируется из темноты. Эта тревога подстегивала ее. Молодые люди бросились перебирать бумаги на столе и папки в шкапах. Наконец, Киру осенило:

– Тут есть сейф?

– Ну конечно! Вот тут в шкапу... – Влад распахнул дверцу и, надавив куда-то между книг, навалился на полки. Те тяжело отползли в сторону, открывая проход в смежную комнату без окон. – Я здесь прятался в детстве, хотя заходить сюда было запрещено... – Объяснил Влад.

Из комнаты на незваных гостей смотрел черный железный куб. Смотрел и насмехался.

– Вот и сейф...

– И что дальше...? – Кира взглянула на Влада, надеясь, что он также быстро разгадает и эту загадку.

– Вопрос, конечно, риторический, – Влад ответил Кире взглядом, который можно было трактовать как: «Сама понимаешь, дело непростое», но поняв, что она ждет от него каких-то действий, сел на корточки перед дверцей с кнопками.

– Четыре символа! – заключил Влад, решив, что это уже прогресс.

Прошла минута тишины. За окном шумела листва.

– Есть варианты? – спросила Кира жалобно.

– Так. Ну, конечно, это день рождение любимого сына! – Влад сказал первое, что пришло в голову, с такой злой самоиронией, что сам чуть не расхохотался. – Так... ноль, три, ноль, три. Нет, не подошло, странно... Впрочем, на что я рассчитывал...? Что тогда? Один, девять, один, четыре... снова нет. А я думал, что речь о Мировой войне. Тогда-а... Да, черт! Кира, есть варианты? Нет? Тогда четыре шестерки... твою ж! Значит... четыре тройки? Вот гадство! Все нули?

Проклятье!

– Стой. Я знаю этот тип замков. У моего отца был такой, хотя тайн у него не было, и он отдал его мне. Смотри. Тут не четыре символа. Точнее тут как раз четыре *символа*. То есть могут быть буквы, но в числовом эквиваленте. Например, порядковый номер «А» – один, но начиная с «И» – числа двухзначные. Я в детстве зашифровала свое имя. Вот так. – Кира ввела комбинацию. – 12-10-18-1.

Дверь плавно открылась.

– Твое имя? Почему отец поставил на код твое имя? Как это объяснить? – Влад поднял непонимающий взгляд.

– Может, потому что речь о событиях, которые связаны со мной...? в этом все дело...? Речь ведь о «Мирном», на котором летела именно я... версия слабая, но другой у меня нет... но сейчас это неважно!

Они склонились над большой шкатулкой – единственной узницей сейфа. Замка на ней, слава богу, не было. Крышка открылась. Внутри лежали стопки бланков похожие на медицинские документы. Кира взяла первый и попыталась прочитать:

«Рп лхмйхртз щъзшамкц чцфцбхртз тзчръзхз Т. Ц. Щрш-
цътрхз:

Хзщ чцлкцхжмъ щрудхгс щмймшщ-пзчзлхгс йъмьш. Хзл
хзфр шзпцфтхыурщд циузтз, чгъзмфщж умъмьд хзл ы-
язфр, эцъж цямхд хм эцямьщж ьмшжъд пмфуё рп йрлы.
Хц ыфзх чцйщёлы... Щъшзххзж, зхцфзудхзж чцкцлз луж

еъкцц йшмфмхр кцлз. Циузяхцфы чцтшщйы хмъ тцхюз. Ж
кцйцшру тзчръзхы, яъц хыохц йпжъд [тышщ] хз ёк, яъ-
циг чшр щчыщтм йъмъш игу йщъшмяхгф, яъц ыфмхдаруц
иг хзаы щтцщщцъд. Цшрмхърщцйъдщж й тъзтыё чцкцлы
хмйцпфцохц... Чшрщъычру т цижпзххцщъжф лмоышхцкц
аышфзхз. Хмщы йзэы...»⁹

– Боже что это за каракули?! – не выдержала девушка.

Влад пристально вглядывался в поток букв. Глаза его сузились от напряжения.

– Цезарь по ROT-8!!! – воскликнул он. – Интересно, почему по восьми...? – еще секундная промедления, он зашевелил губами что-то отсчитывая и наконец удовлетворенно заулыбался. – Ну естественно...

– Что...? – спросила Кира ничего не понимая.

– Все просто. Это шифр. Каждая буква алфавита сдвигается на восемь позиций. То есть «А» – это «З». Пожалуй также, как из стран – Англией, из исторических личностей отец восхищается только Цезарем. Полководец использовал этот код. Он простой, но, скорее всего, отец не думал, что я зайду так далеко. А кому-то другому понадобилось бы

⁹ Нас подгоняет сильный северо-западный ветер. Над нами разомкнулись облака, пытаемся лететь над тучами, хотя очень не хочется терять землю из виду. Но туман повсюду... Странная, аномальная погода для этого времени года. Облачному покрову нет конца. Я говорил капитану, что нужно взять [курс] на юг, чтобы при спуске ветер был встречным, что уменьшило бы нашу скорость. Ориентироваться в такую погоду невозможно... Приступил к обязанностям дежурного шурмана. Несу вахту.

больше времени, чтобы его расшифровать. В детстве отец натаскивал меня, учил читать код Цезаря с ходу. Смотри: «Из дневника старшего помощника капитана К. О. Сироткина: Нас подгоняет сильный северо-западный ветер. Над нами разомкнулись облака, пытаемся лететь над тучами, хотя очень не хочется терять землю из виду. Но туман повсюду...» – Влад читал, на ходу высчитывая нужные буквы.

– Почему сдвиг на 8? – все еще не понимала Кира.

– Это лишь предположение, но... Н-Е-Б-О-Т-О-В-А. Раз первое кодовое слово – твое имя, то второе – фамилия. А сейчас бери бумаги и помогай, мне все это унести отсюда.

«А дядя любитель загадок...» – думала Кира, собирая бумаги в шкатулку. Они принесли документы в ту часть замка, где Кира раньше не была. Тут стояли запылившиеся печатные машинки, типографский станок, катушки с киноплёнкой. Влад подвел сестру к странному агрегату с клавиатурой.

– Я-то умею читать шифр сходу, а тебе – вот это понадобится. Дешифровальная машина, – пояснил он. – Тут два диска с алфавитами, один внутри другого. Сопоставь так, чтобы «А» было на «З».

Он помог девушке разобраться с управлением, и вместе они принялись за работу.

Скоро нашлась «Шзщарыщйтз ищшьщйцкц щзфцчрщ-юз» – то есть «Расшифровка бортового самописца» с параметрическими показателями о состоянии воздушного корабля.

– Если под судном нет туч, и все время видно сушу или воду, то при непрерывном измерении скорости и дрейфа, можно лететь от одного ориентира к другому... но Сироткин пишет, что они ничего не видели...

– Но измерение дрейфа над водой труднее, так как нет точных ориентиров... – подхватывала Кира, тут же находя ответы в документах.

– При этом, на разной высоте ветер имеет разные силу и направления, при смене высоты нужно сразу же производить измерение скорости... Но оно занимает полминуты и даже больше, а за это время скорость и высота снова могут поменяться...

– Вот оно! – чуть ни закричала Кира. – Мы были не на той высоте, на которой думали! Должно быть сломался высотомер, но из-за тумана определить местоположение и скорость капитан не мог... вокруг было ничего не видно! Ориентиров не осталось, и мы оказались не там, где думали! И в итоге скорость была больше, так как мы попали под сезонный ветер, которого не должно было быть в той части континента, где, как думал экипаж, мы находились! И в итоге снасти не выдержали! Их просто сорвало штормовым ветром! Теперь я поняла это! Влад! Я вспомнила! Даже Эрик что-то про это говорил, что приборы показывают не то...! Ты слышишь меня! Мы сделали это! Мы нашли доказательства!!!

Дорогой папа,

Прости, что долго не писала тебе! Надеюсь, у тебя все хорошо. Как погода в Новой Англии? Как мистер Джонс? Вы все также играете с ним в карты по пятницам?

У меня все в порядке. Дом дяди – настоящий замок с кучей закутков и коридоров, я об этом уже писала, просто... иногда даже жутко ходить среди этих мрачных стен с выступающими из полумрака доспехами. Наверное, я очень капризная дочь, ведь в детстве каждая девочка мечтает жить в замке. Хотя я мечтала стать летчицей. Помнишь?

Прошел месяц учебы, и мне очень нравится. Я езжу в институт «Газетоведения» вместе с братом Владом. Они с отцом гостили у нас в Англии, ты должен помнить его. Вся их семья приняла меня как родную, но Влад... он особенный. И знаешь, я жалею, что мы в детстве так мало общались с ним. Хотя, с другой стороны, думаю все происходит в свой черед. И люди встречаются друг друга в самый нужный момент. Ни раньше и ни позже.

Он настоящий друг. Вежливый и заботливый. Влад показал мне город и все время был со мной, пока я привыкала к новому месту. Он то, что называется gentleman. (Не смейся, я правда уже отвыкла от французского. Здесь мода на все английское). В нем есть гордость и статъ. Не помню,

говорила ли я, но он был моим донором, когда мне требовалось переливание после катастрофы, но не будем про это...

Еще расскажу про учебу. Дядя Адольф Геннадьевич будет принимать экзамен по главному предмету на курсе – «Основам творческой деятельности журналиста». Зачет будет сложный, я уже чувствую. Он строг и требователен. Но больше всего мне пока нравится литература. Преподает ее Владимир Однабоков. Он, как и я, гостит в доме Дракулы. Еще он настоящий писатель! Наверное, все будущие журналисты в глубине души хотят стать писателями...

Но я все не то говорю!

Я хотела тебе кое-что рассказать.

И пусть это письмо будет копией тех сведений, которые мне удалось добыть. Помнишь крушение моего дирижабля? (Кстати все раны давно зажили, об этом я и так писала в прошлом письме, но ты все равно спрашиваешь...)

Я хотела рассказать про это крушение. Не знаю, что пишут у вас в газетах, но дядя уверен, что дирижабль сбили боевые самолеты НАЭТО. И если запад, как и Россия готовится к войне...

Только я знаю, что его не сбивали! «Мирный» упал из-за ошибки в навигации и неисправности приборов и такелажу. Мы с братом нашли доказательства, отправить их тебе не могу, хотя у тебя они были бы в большей сохранности... Похоже, что граф Дракула знал обо всем с самого начала, но он хочет выставить этот несчастный случай

перед Верховным судом как вооруженное нападение. Еще он хочет, чтобы я была свидетельницей и подтвердила, что видела иностранный самолет перед крушением! А самолет этот, видимо, просто пытался помочь скорректировать курс. Кстати, его пилот, мистер Солл Сбери был отравлен этим летом! Вспомнила, что этом говорилось в новостях! Это еще одно косвенное доказательство!

Но только мы с Владом знаем всю правду. Всех свидетелей крушения, кроме меня убили. Несколько дней назад я сама убедилась в этом. Меня же граф Дракула хочет использовать, как приманку. Прикрыться моими словами на заседании суда, чтобы подтвердить свою ложь моей правдой.

Папа, вот имена всех убитых свидетелей с короткими пояснениями, прошу сохрани это, отнеси в полицию, в парламент, куда угодно! Сделай что-нибудь!

Эрик прич. смерти – не определена

Мари прич. смерти – не определена

Коммерсант Лев Морозов прич. смерти – не определена

Капитан Вронский прич. смерти – этаназия

Лорд Брей прич. смерти – не определена

Княжна Волкова прич. смерти – переохлаждение легких

Месье Рю прич. смерти – переохлаждение легких

Мадам Дюбуа (видели труп в доме, пленку с фотографиями кладу в этот конверт)

И лучше спасайся сам, уезжай, прошу, уезжай! Потому что, если суд поверит Дракуле, чье слово все же сильнее мо-

его, начнется война. Россия и Новая Англия закидают друг друга бомбами. Я была на параде, я видела всю мощь российских военно-воздушных сил. Но главное оружие это информация, и, если граф вывернет эту историю выгодным ему образом, у западных стран не будет времени подготовиться!

Прошу, передай это письмо какому-нибудь знакомому лорду в парламенте и уезжай на время туда, где воздушные торпеды не достанут. Мексика, Аргентина... что угодно!

С любовью, твоя дочь Кира Неботова

P.S. Также вкладываю в конверт наше фото. Ты, мама и маленькая я. Ты отдал его мне, когда я уезжала из дома, чтобы в «холодных и суровых», как ты всегда говорил, Соединенных Штатах России фотокарточка грела меня. Она была со мной во время крушения, во время воссоединения с братом, и когда мы проводили наше расследование. Теперь этот снимок – доказательство того, что пишет тебе действительно твоя дочь. Хочу, чтобы фотография вернулась домой, и когда-нибудь вернусь и я.

Кира едва успела запечатать письмо, как в дверь постучали. От неожиданности она чуть не свалилась со стула.

– Письмо!

Кира вздрогнула, машинально смахнув конверт на пол и наступив на него ногой.

– Вам письмо, мисс! – домовый Пашик стоял на пороге держа в руках конверт.

– Ой...! Напугал... – убедившись, что это действительно служка, Кира перевела дыхание. Мальчик положил на стол розовый конверт.

– Постой здесь, – Кира разорвала конверт.

От Влада.

Это та старинная романтика красивого почерка, бумажных писем и стихов, которую не коснулось время и которую Кира так любила. Влад сидел в соседней комнате, но все равно написал ей письмо. Их тайная игра двоих, где-то в мире Шекспира и Фицджеральда:

*Да ладно, брось, я же пошутил,
под моей кроватью не прячется монстр.
Я выключил свет, погасил фитиль,
достал одеяло и простынь.*

А там на улице наверняка

*кто-то замерз, столкнулся, умер,
а мне хорошо здесь сейчас так
от мыслей моих безумных.*

*А ты упиралась, тогда я сказал:
– Очаровательное платье в горошек.
Но ты отступила на шаг назад,
беспомощно глядя, как лошадь.*

*Почему-то вспомнились ветки сырые
и разъезды снежных колеи,
и захотелось со всей своей жадной силой
взяться к тебе в колени.*

*Ты пятилась, пятилась до стола,
волосы растрепал сквозняк,
а напротив тебя стоял я,
но отвернувшись размяк:*

*– Как же ты, в таком платье в горошек,
пришла ко мне, замерзший подснежник?
– Думала ты будешь хорошим,
теплым, весенним, нежным.*

*Над подснежниками у оврага
я стоял, говорил просто:*

– Знаю, ты мне не рада.

Наверное, я и есть монстр.

Кира читала, шевеля губами. Мальчик заворуженно смотрел на едва заметные изменения выражения лица девушки. Выдержав тактичную паузу, Пашик спросил:

– Что-то ответите?

Кира поджала губы, крепко задумавшись. Затем черкнуло несколько строк на розовом клочке бумаги.

– Держи. А вот это, – она достала из-под ноги конверт. – Отнести на почту. Сейчас. Это срочно. Только никому не показывай. Это наш секрет, хорошо?

Пашик кивнул.

За последние несколько суток их дом стал шахматной доской. Черный король против белой королевы. Как сказал Влад, когда они с Кирой собрались поиграть в шахматы, еще тогда, летом: «Вампиры всегда играют за черных».

Все обретало смысл, подтекст. Она смотрела в глаза графа Дракулы, спрятанные за темными очками, не видела их, но знала – они следят за каждым ее шагом, ждут удара. При этом внешне дядя по-прежнему изображал доброжелательность. Холодная вежливость, подвешенная на ниточках лицемерия, которые вот-вот должны были оборваться, выглядела деревянной марионеткой в руках умелого кукловода.

То, что казалось хаотичным передвижением людей по комнатам – фигур по игровой доске – на самом деле было хитрыми попытками сделать выпад в адрес оппонента. Ки-

ре приходилось маневрировать между скользкими взглядами слуг и дядиными вопросами: «Как ваше настроение?». Она чувствовала, что за ней следят, и единственные люди, которым она еще могла верить были Влад, Пашик и, возможно, Однабоков.

Но Влад – сын своего отца, Кира это помнила, Пашик – ребенок, а Однабоков прожил в доме Дракулы много лет и, должно быть, пропитался его сущностью, погрязнув в этом болоте мрака.

«Берегитесь, Кира! Бабочка, которой отрывают крылья, снова становится гусеницей» – предупредил ее писатель, но Кира знала, что ее крылья никому не оторвать. Это не крылья бабочки, она стала ястребом, она – хищник.

Но хищники тоже боятся. Ей страшно, но она выдержит. Она уже не боялась монстров под кроватью, как в детстве, когда от страха мочила трусики, а нянечка, причитая меняла простыни. Нет, монстры над кроватью были куда страшнее, и, закрывая на ночь глаза, она старалась их уже не открывать, потому что ждала увидеть ужасное клыкастое лицо Дракулы-старшего прямо перед собой. И этот страх снова и снова загонял ее в постель к брату. Он – рыцарь ночи, развеивал ее страхи. И спрятавшись у него за плечами, обняв спину, она засыпала, засыпала тихо до следующего утра.

Кира встала, чтобы крадучись на цыпочках, как обычно пробраться в спальню к Владу, но не успела она выйти из комнаты, как где-то на первом этаже раздался крик! Вой!

Выстрел!

Дорогой читатель, оторвемся ненадолго от повествования о главных героях и переместимся на несколько минут назад. Причем, перемещение это будет не как часто бывает в книгах – посредством движения персонажей, за которыми как бы следует зритель. Нет, в данном случае читатель проследует не за героем, а предметом – Кириным письмом, которое приведет невидимых наблюдателей к еще одному персонажу, не главному, однако все же значительному, может быть самому важному, по крайней мере, в этот момент...

Пашик шел по коридору, стараясь ставить ногу так, чтобы ни одна половица не скрипнула. Подсунув письмо для Влада под его дверь, мальчик теперь спешил выбраться из дома. Дальше останется перемахнуть через ворота и бежать, бежать, бежать, прижав горячий конверт к груди. Бежать как кузнечик. Бежать чтобы не увидели, не догнали. Он не подведет Киру. Ни за что.

Она нравится ему больше, чем кто-либо другой в этом доме, куда отец пристроил его и брата Яшу на работу. Кира добрая, и в ней есть жизнь. А дети всегда это чувствуют.

Лестница... теперь нужно пройти через холл... В доме ни звука. Кажется, что все спят, но это не так. На улице ночь, а значит вампиры вышли на охоту. Герб с летучей мышью шевелился над камином. Свет потушен, но кровопийцам не

нужен свет.

Осталась входная дверь. Маленькая ручка схватилась за холодную щеколду. Заело. Пашик изо всех сил дернул – один раз... другой... ЩЕЛК! Металлический звук похожий на щелчок затвора винтовки, которой тебя будут расстреливать, прошелся по всему дому.

Дверь распахнулась, впуская в дом мокрый ветер. Северный пейзаж уже напитался осенней краской. Шелест желтых цветов манил к себе...

– Стой, паршивец! Куда это ты собрался так поздно? – сзади мальчишки стояла темная фигура Дороти.

– А? – почти прокричала она. – Что это ты там прячешь?

Пашик рванулся через двор. На ветру качалась его растрепанная шевелюра, кучерявое приведение мелькало между елей, размахивая растянутыми рукавами рубашонки.

– Ага, щас мы тебя!! – слышалось позади.

Унести письмо. Унести письмо. Унести письмо!

– Эй! Эй! Эй! – и голос Дороти постепенно сменился собачьим лаем. Пашик глянул – доberman графа Дракулы взяли след. Они – черные оборотни ночи. Мускулистые лапы уверенно ступают на землю и в ту же секунду отрываясь, несут лоснящееся тело вслед за мальчиком. Он – добыча. Он – мясо.

Погоня длилась не долго. Азраил быстро настигнул цель, вцепился в ногу, разрывая штанину и плоть. Пашик повалился на пыльную землю. Сзади уже поспешала Дороти и

другие слуги, но они не успевали. Челюсти Азазелло клацнули у самого уха, сбрызнув лицо песьей слюной.

Еще секундная и собака вонзит клыки мальчику в горло, вырвет кадык, сломает шейные позвонки, будто это всего лишь куриные хрящички.

Пашик попытался хотя бы засунуть письмо себе в рот – так делали в фильмах про шпионов. Съесть конверт, пока он еще может жевать, и не важно, что кровожадные псы хозяйина все равно выпотрошат ему брюхо, достанут из желудка письмо, уже покрытое желчью и кислотой, но не успевшее перевариться. От Дракулы ничего нельзя скрыть.

Вдруг раздался выстрел. Сквозь слезы и сопли Пашик увидел спешащего к нему Владимира Однабокова с дымящимся револьвером в руках. И тут же Азазелло повалился на ребенка, заливая его одежду кобелиной кровью.

Пес еще скулил, но через секунду притих и уже не двигался. Испугавшийся Азраил куда-то убежал.

Когда собачье тело подняли, мальчик пришел в себя и огляделся. Вокруг него стояли Дороти, Однабоков, Кира, Влад и... Адольф Геннадьевич Дракула...

Все молчали. Первым заговорил граф:

– Поздравляю вас, прекрасный выстрел. Полагаю, мальчик обязан вам жизнью.

Однабоков склонился в полупоклоне:

– Я прошу прощения за вашего пса.

– Пустяки, – Дракула взял мальчика цепкой рукой и рыв-

ком поставил на ноги. – О, вижу ты поранил ногу. Какая жалость. А это что у тебя за бумажка?

Он вырвал из потных ладоней конверт и оглядел всех, остановив взгляд на Кире и Владе. Сын и племянница молчали.

– Вы не в курсе что это? – Дракула поднял одну бровь.

У Кире что-то сжалось в животе. Еще миг и она упадет к ногам дяди. На лбу Влада проступили тяжелые капли пота. Никто не может долго выдерживать этот взгляд.

– Хм, – игра графа была бесподобна. Он посмотрел на адрес и марки. – Тогда должно быть рекламная рассылка...

С этими словами он достал зажигалку и, не вскрыв конверт, поджег его.

– Так-то лучше, – Дракула-старший дождался, пока языки пламени не начнут лизать сухие пальцы, и кинул чернеющую бумагу на землю. Он смотрел на Пашику свысока. – К сожалению, раненые слуги работают хуже. Убирайся вон, ты уволен.

Дракула развернулся, намереваясь удалиться в дом, но как бы случайно вспомнив, вдруг обернулся к Кире.

– Чуть не забыл. Завтра же заседания суда. Советую выспаться. Покойной ночи, – он остался стоять над телом своего пса. Однако его фраза читалась однозначно. Остальным тут делать было нечего.

Все поспешно разошлись, а граф, дождавшись, когда все зайдут в дом, склонился над пепелищем, которое заблаго-

временно примял ногой, и, запустив руку в еще горячий пепел, вынул из него сгоревший наполовину кусок фотографии. Той, на которой запечатлена семья Киры. От фотографии остался край с ее матерью. Дракула бережно вложил почерневший кусочек снимка в шелковый платок.

Ночь Кира не спала. Просто лежала, ощущая дыхание Влада в темноте, и плакала. Поэтому утром чувствовала себя разбитой – тяжелая голова болела, на припухших веках проступили красные пятна. Она спрятала в сумку записи, фотографии мадам Дюбуа и наброски речи, которую она не успела написать.

Холодный завтрак. Крепкий кофе. Служебная машина в одиннадцать. Дракула сел вперед, Кира и Влад сзади. Перед их автомобилем ехали машины сопровождения. За всю дорогу никто не произнес ни слова.

Перед зданием Центрального суда возвышалась трехметровая скульптура Фемиды на постаменте. У дверей прохаживалось несколько црушников. Влад придержал дверь и зашел последним.

Пол был выложен черно-белыми плитами, на белой широкой лестнице переговаривались несколько человек в дорогих костюмах.

– Мы еще рано приехали, – Дракула-старший глянул на часы. – Пойдемте пока в гардероб.

Сняв верхнюю одежду, они поднялись в зал заседаний. Из темного дуба были выделаны перила, столы, стулья и судейская кафедра. Постепенно помещение заполнялось важного вида людьми с вытянутыми лицами: юристы, делегаты, пред-

ставители «Дирижаблестроя», баллистические эксперты, дипломаты. Большинство были пожилыми.

Дракула достал напечатанный многостраничный доклад, и Кира подумала о жалких пяти листочках на дне своей сумки.

Они сидели в одном ряду за длинным столом – Дракула, потом Влад и потом Кира. По крайней мере, дядя не убьет ее сразу.

– Надеюсь ты подготовила речь, – шепнул Адольф Геннадьевич через Влада.

– Не сомневайтесь, – прозвучало это, как надеялась Кира, угрожающе.

– А вот и Шайбу! – услышала Кира чьи-то слова слева от себя. – Теперь кажется все, можно начинать.

Судебный пристав объявил:

– Всем встать. Суд идет.

Зал поднялся. Вошел верховный судья в черной мантии. Его помощники заняли места по бокам.

– Смотри, – Влад показал на немолодого человека, единственного сидящего через три места от кафедры судьи, видимо какого-то секретаря. Во всяком случае не слишком важного служащего, потому что, чем важнее человек, тем он ближе к судье.

На мужчине был ничем не примечательный костюм. Усталые глаза бесцветно смотрели то в одну, то в другую сторону. Редкие волосы плохо прятали лысину.

– Неужели не узнаешь? – удивился Влад. – Я же уже показывал тебе его.

Кира попыталась вспомнить, но не смогла. Сил ни на что уже не осталось.

– Кира, это император.

Если бы мужчина сейчас посмотрел чуть левее, он увидел бы широко раскрытые глаза девушки, но он лишь лениво зевнул, прикрывая рот, и что-то шепнул на ухо подошедшему црушнику.

Все стояли на своих местах, пока судья объявлял о начале заседания.

– Проводится слушание по делу крушения дирижабля «Мирный» № 179 от 7 октября настоящего года о привлечении к ответственности Небесного Альянса Экс-Тевтонского Ордена. Слово предоставляется министру информации графу Адольфу Дракуле.

– Благодарю, – длинная фигура дяди вытянулась над столом. Черные полы сюртука струились чуть ли ни до колен. Это делало Дракулу еще выше.

– Достопочтенный судья! – обратился граф.

Дальше Кира не слушала. Все было как в тумане. «Если мне удастся сказать всю правду прямо перед императором...» – думала она.

До девушки доносились обрывки дядиной речи:

– В связи с этим... при таком направлении ветра... Войска НАЭТО... Фюзеляж дирижабля «Мирный», сшитый из...

Крепления не выдержали, что привело... Согласно заключению местной комиссии МЧС... Таким образом... В результате погибло... Отважные члены экипажа... Метеорологические данные, которыми мы располагаем... Состояние геополитической ситуации... Границы Соединенных Штатов России...

Граф перелистнул очередную страницу отчета. Все молчали, но каждый по-разному: судья – сосредоточенно и внимательно слушая, Шайбу – периодически кивая, император – скучающе поглядывая в окно.

Дракула читал долго, вкрадчиво, с расстановкой, чтобы у слушателей не возникло и мысли, что он может врать. Все его аргументы были разумны и логичны. Что Кира может противопоставить такому замечательному оратору? Только правду? А если этого будет мало?

– Подводя итог, мы считаем, что у Соединенных Штатов России нет другого выбора, кроме как ответить на проявленную агрессию и немедленно объявить войну НАЭТО, начав военную операцию, дабы сохранить суверенитет и упредить посягательства на нашу государственность. Но самое главное, разумеется, это не допустить бессмысленных жертв наших граждан. А теперь, – граф обратился к Кире, – я хочу предоставить слово единственной выжившей после крушения свидетельнице, моей племяннице Кире Неботовой.

Он сел, и пришла ее очередь говорить.

– Ваша честь, – Кира поднялась и почувствовала, как дро-

жат колени. – Вопреки ожиданиям моего дяди, я хочу предложить иную версию развития событий. Не только как выжившая свидетельница, но и как человек, которому самостоятельно удалось собрать сведения по этому делу.

На лице графа не дрогнул ни один мускул.

– С вашего позволения, я начну.

Она говорила, говорила, с каждым словом обретая все больше уверенности, все тверже и прямее стоя на ногах. Влад смотрел на нее и думал: «Неужели одна маленькая, хрупкая девушка способна победить эту милитаристскую машину?»

Кира говорила меньше, чем дядя, сбивчивей, не так умело, но брат смотрел на нее с восхищением. Она достала документы, которые удалось собрать. Медицинские дела и фотографии жгли руку, поэтому она как можно скорее передала их судье через посредников. Судебный пристав принял их из дрожащих девичьих рук, и брови его поползли на лоб. Кира не останавливалась. Она назвала имена всех выживших после крушения и указала причины последующих смертей, сделав упор на подозрительность происходящего. И наконец, – те сведения, которые им удалось достать из кабинета графа: параметры полета, внутренние показатели функционирования систем «Мирного», доказательство их неисправности и личные записи команды.

Когда Кира закончила говорить, в зале никто не шелохнулся.

Наконец, пристав объявил:

– Всем встать. Суд удаляется для вынесения решения по делу.

Объявили получасовой перерыв. Кира видела, как император покинул зал в сопровождении двух охранников. Они с Владом и Адольфом Геннадьевичем вышли в коридор с высокими арочными окнами, выходящими на Кремль.

– Bravo, Кира! Вы застали меня врасплох, – надменный тон и высокомерная улыбка графа говорили об обратном. Кира попятилась, пока не уперлась в торс брата. – А кто же тот герой, который помог тебе? Да вот же он – стоит прямо за твоей спиной! И вы вдвоем думаете обыграть меня? Думаешь, что ты провела настоящее расследование? Думаешь ты теперь кто? Журналистка? Что ж, зачет по расследованиям ты получишь!

Глаза Дракулы наполнились безумной яростью.

– Ты, гадкая воровка, которую я так гостеприимно принял в свой дом! И ты, жалкий предатель, возомнившей себя романтическим героем! – он расхохотался, и эхо разнесло его гогот по зданию. – А ты сказал ей, что все, что ты делал, происходило с моего ведома и одобрения? А, Влад?

Кира окаменела, не в силах повернуться к брату. Нет, нет, нет... – ни за что не видеть его лицо сейчас! Лучше блаженное неведение! Пусть это окажется неправдой! Но ноги ее сами хрустнули, подкосились, и она повалилась на холодный пол, забившись в слезах – она знала, чувствовала подвох, но

не хотела верить! Как же она могла отстаивать правду, если сама велась на сладкую, не причиняющую боль ложь!

– Нет, нет, нет... – рыдала она на полу. Влад опустил ся к ней на колени, прижал к себе как ребенка.

– Это неправда, я люблю тебя, слышишь! Я люблю тебя, люблю, Кира, я люблю тебя!

Он никогда раньше не говорил этого вживую. И теперь накопившиеся слова лились из него потоком. Но у нее уже не было сил принять их, и Кира с отвращением и отторжением замахала руками, она билась и вырывалась из его объятий!

– Это ложь! Это все ложь! – подразумевая то ли слова дяди, то ли признание Влада, Кира металась в его руках, а он сжимал ее дрожащее тело, над которым нависла грозная фигура графа Дракулы.

– Тогда буду любить, буду любить, любить тебя, пока это не станет правдой! – глядя на нее Влад тоже плакал, потому что верил, что теперь у них одно тело на двоих.

– Ты! – он посмотрел на отца красными от злобы и слез глазами. – Слышишь меня! Я люблю ее! Я женюсь на ней! Она станет Дракулой! Пусть это запретная любовь! Но если любовь не запретная, то какой в ней вообще смысл?!

– На здоровье! Женись, если так хочется! – граф усмехнулся. – К слову, возможно, она больше Дракула, чем ты думаешь. Даже больше Дракула, чем ты.

– Что ты имеешь в виду...? – растерялся Влад.

Ошеломленная Кира перестала плакать, и они с Владом

встали, обессиленные оперевшись на стену. Граф Дракула загадочно пожал плечами.

– Как я однажды уже сказал: я любил свою сестру больше жизни.

Он видел, как медленно, нерешительно две пары глаз его детей наполняются пониманием. Дракула был доволен их реакцией.

– Но... мой отец... – Кира глядела в пустоту.

– Не отец. – Отрезал граф.

– Мама...

– Моя сестра! Моя несчастная сестра, которую убили во время Мировой войны! – на мгновение он рассвирепел. – И знаешь, кто ее убил? Русские! Русский бомбардировщик сбросил снаряд на госпиталь! Английский госпиталь! А почему? Из-за ошибки в навигации! Чертовой ошибки в навигации! – Дракула взревел, но вокруг никого не было, и никто не мог слышать его речи. – О, как я любил свою сестру! Пусть это порочно, пусть такие связи не признаются обществом, но посмотри на себя – разве ты, Кира, ни прекрасный плод нашей любви? Да наплевать на то, что подумают люди! Я уже много лет ненавижу людей! И вообще в нашей семье... ни это ли и называется «чистота крови», а? И тогда, когда ты приехала в Россию, я уже знал, что начну новую войну, чтобы отомстить за смерть моей сестры. Отомстить за мою убитую любовь! И зачем она вообще вышла замуж за твоего... – он осекся на слове «отца», которое утратило

всякий смысл. Незаконченное предложение повисло в воздухе рваным лоскутом. – Зачем уехала с ним в Новую Англию? Ответ есть! Она вышла замуж, когда поняла, что беременна от меня! Она не могла позволить себе сделать аборт, убить тебя, нашего драгоценного ребенка. Тогда она выскочила замуж и уехала, только чтобы сохранить тебе жизнь! Это ты, Кира, разрушила нашу любовь! Ты разлучила нас! Тебя мне и надо ненавидеть, – Дракула выглядел уставшим от собственной ненависти. Он тяжело дышал, но не останавливался. Рука его, опущенная в карман, нащупала обгоревшую фотографию сестры. – Но не мог я начать войну, пока ты была там. И когда ты поселилась у нас, запад потерял свою последнюю защиту. Я не хотел, чтобы ты пострадала! Ведь я полюбил тебя! И теперь ты здесь! И надо же – еще одна случайность – сбившийся с курса дирижабль, не вписавшийся в воздушный фарватер. И вот совпадение – на нем едешь ты! Я понял, что это нужно использовать. Это шанс отомстить всему миру. Западу за то, что не уберегли сестру, Росссии за то, что убили ее. Война сокрушительна, она уничтожит обе державы. И только я один это понимаю. Что же до императора, то он уверен в нашей победе. Эту мысль я взращивал в его голове на протяжении двенадцати лет, как паразитический гриб. Поэтому суд примет мою сторону независимо от того, прав я или нет, просто такова воля императора! Такова моя воля! Императору тоже нужна эта война! Мне нужна эта война! Как видишь, я подготовился, Кира. А ты?

Ты думала, что у тебя есть план? Думала, ты победишь? Да что ты можешь, маленькая девочка, верящая в справедливость и правду? Как вы неопытные журналисты делали свое «расследование»? Вы серьезно думали, что можете ездить на красном кабриолете, демонстрировать налево и направо фамильный перстень, и я об этом не узнаю? Да, о каждом вашем шаге мне докладывали, еще до того, как вы его делали. Я решил подыграть вам. Я сам приказал, зная, что вы поедете к старушонке, убить ее! А когда вы проникли ко мне в кабинет? Влад, как настоящий герой, нашел-таки этот ключ! И ведь искренне думает, что самостоятельно! Это спектакль! Все вокруг – лишь игра, которую я вел много лет. А все ради этого разговора, чтобы мы стояли сейчас втроем здесь и вы слушали меня. Я сказал, что это месть миру? Это месть тебе, мой драгоценный ребенок, одной тебе. Ты разлучила меня с сестрой, и теперь ты не спасла никого! Это твои надежды не оправдались! Это по твоей вине начинается война. Моя дочь, которую я ненавижу, но которая напоминает мне сестру и мой сын, который продолжает дело нашего рода и любит тебя. Ты думала, появившись в последний момент, после стольких лет моей ненависти, ты сможешь что-то изменить? Тебе остается только эвакуироваться из города, скоро он будет в огне, бери Влада, и уезжай! Думаешь будет вам покой? Вы никогда не найдете место в мире, также как не нашел я. Вы прокляты! У вас не получится любить, также, как не получилось у меня. Это моя месть и исповедь тебе, Кира.

Любите друг друга! Любите, пока можете! Все равно у вас ничего не получится!

Все последующие события Кира помнила смутно. Помнила, как судья оглашал приговор под радостные возгласы заседавших: «Да будет война! Да здравствует война!». Помнила, как торжественная процессия проходила мимо Фемиды, глядящей на судей и министров грустными глазами. Помнила, императорский воздухоход, взлетевший с крыши Верховного суда и направившейся в сторону Кремля. Помнила, машинные пробки и давку людей на тротуаре – беженцы в спешке уезжали из города. Помнила парад воздушных войск, направляемых в сторону заходящего солнца. И помнила обрывки газет, летящие по улицам и разносящие последние новости: «Началась война!», «Враг разбит под Харьковом!», «Линия фронта сместилась!», «Задавим НАЭТОВскую гадину!». Громкие, кричащие, лживые слова.

Но солдат проводили на смерть, и жизнь потекла вяло и скучно. Новости с фронта приходили редко. Здесь, в тылу новостей вообще не было, осталась одна пропаганда.

Граф Дракула (или может теперь его называть отцом?) появлялся в поместье редко. В министерстве было много пропагандистской работы. Каждый день по телевизору выступал Дмитрий Крысилев. Его передача «Вести с воздуха» уже неделю держалась в топе по просмотрам. Позже Влад и Кира вообще перестали знать, где находится Дракула-старший.

Но он всегда был подле императора. И раз император жив, значит жив и он. А император жив, потому что война продолжалась.

Однабоков уехал на фронт.

– И вы туда же...? – спросила его Кира, глядя тупыми глазами в никуда.

– О, Кира, я сделал все, чтобы не допустить этой войны. Но сейчас, когда моя страна выбирает этот путь, мне ничего не остается, кроме как пройти его до конца. В конце концов, я из знатного рода и ношу офицерский чин. Хотя, пожалуй, это тут ни при чем... Мужчины мобилизованы, а я мужчина.

Слуги тоже разбежались. Преданная Дракуле Дороти сбегала первая, украв из дома какие-то драгоценности. Позже Влад нашел ее имя газете среди списков умерших или пропавших без вести.

Поместье опустело, став прибежищем для двоих запутавшихся людей и пса Азраила, который не вставал с могилы своего брата-близнеца, и только делал, что ходил по ней кругами.

Влад похоронил Азazelло на внутреннем дворе, выкопав глубокую, почти человеческую могилу только для того, чтобы хоть чем-то себя занять. Непривыкшие к физической работе ладони покрылись мозолями от черенка лопаты. Под ногами забила грязь.

Электричество периодически отключали, поэтому они сидели в темных комнатах и слушали сирену предупреждений

о воздушных налетах.

Город окружили враги.

Шли ноябрьские дожди. Кира и Влад сидели на кровати, накрывшись одеялом, среди разбросанных вещей, грязных тарелок, которые теперь некому было убирать, среди крошек еды, оплавленных свечей, сгоревших спичек, недочитанных книг... Сборник стихов Ахматовой валялся с загнутым уголком на странице той частью «Реквиема», которая начиналась словами: «Показать бы тебе насмешнице, И любимице всех друзей...», а «Доктор Живаго» лежал, раскрытый на том моменте в конце книги, когда Юрий Андреевич отдает Лару Комаровскому и остается в снежном бреду пить водку и писать стихи. Влад запомнил страницу. 495.

В итоге ведь, думала Кира, все обернулось фарсом, несмешной и бессмысленной комедией. Прав граф Дракула, эту войну устроили они сами, а теперь они отсиживались в своем богатом доме. Как трусы. Как злодеи. Они – плохие! И все, что у них осталось это их любовь.

– Ты лучшее, что случилось в моей жизни, – говорил Влад бездвижными губами.

– Что ж это должна быть за жизнь, раз ты говоришь, что я лучшее, что с тобой случалось? – отвечала Кира вяло.

Друг на друга они не смотрели.

Медленными, ломаными шагами они по очереди совершали вылазки на кухню за остатками еды, хранящимися в размороженной холодильной камере. Все свежие продукты

сгнили, остались только консервы. А потом, вернувшись в спальню, брат с сестрой снова садились на кровать или на пол, тупо глядели на свет окон и ожидали плохих вестей.

Все забыли о них. И они отвратительные в своем бессмысленном безобразии ходили подобно теням или призракам по обветшалому дому. Учеба в универе прекратилась, производство встало. Работали только военные заводы. Военные заводы, производящие на своих конвейерах войну.

Влад и Кира выходили несколько раз на улицу выменивать золото и платину на талоны, по которым потом получали хлеб, сахар, водку и крупы. И тогда редкие прохожие видели две фигурки: парня в осеннем пальто, полы которого раздумал промозглый ветер и девушку в дешевом полушубке из шерсти дикого полиэстера.

Все мясные консервы скормили Азраилу, и когда припасы кончились, пес начал голодать. Тогда Влад решил усыпить его. Он достал кольт, подаренный отцом на совершеннолетие. Беспольный и ненужный подарок, саму суть которого он презирал. Однако, как он понял, все меняется и принципами приходится поступаться.

Азраил смиренно сидел перед ним во дворе, высунув язык из пасти, когда Влад нацелил дуло псу в голову. Выстрел. И вот Кира смотрит, робко выглядывая из окна, как ее брат копает вторую могилу рядом с первой. Мертвый зоопарк.

Никто не знал, что они живут одни. И поместье, занесенное пеплом и сажей от горящих в городе зданий стояло в

преддверии Нового года, как игрушечный домик в стеклянном шаре с искусственным снегом черного цвета.

Они брат и сестра – все, что осталось от их семьи. Он пишет стихи, а она плачет и ходит кругами.

– Ты моя грустная радость... Ты плачешь, но ты так прекрасна... – слышался в доме шелест слов среди обветшалых, облезавших обоев и покосившихся картин.

Старинные окна выбиты взрывными волнами. Стекло-вые осколки на полу и зимний холод, живущий в стыках половиц, стали новыми соседями последних обитателей замка.

– Кира, – позвал ее Влад, – я должен тебе что-то сказать. Еще кое-что, что ты должна знать. Отец сказал правду, и я просто делал что он велел, даже когда... когда был с тобой... Но все это было, как сон... я жил в страхе, от которого ты меня освободила... и потом все изменилось... я искренне верил в твое дело... но...

Она не смотрела в его сторону.

– Это я убил твоих друзей. Эрика и Мари. И это я сделал не по воле отца. А потому что сам так решил. Это было мое первое самостоятельное решение. Меня как личности. Таким извращенным образом я начал освобождаться из-под влияния отца. Это мой протест. Шаг от него, навстречу тебе. Это меня не оправдывает. Но это был правильный поступок. Я впервые начал двигаться в нужную сторону. Просто путь к свету лежал через тьму.

Лицо Киры, все также повернутое в профиль, ничего не

выражало. Слишком много, слишком много боли. Теперь уже ничего не страшно. Теперь уже ничего не поделаешь. То, что она потеряла их, не значит, что ей придется потерять и его.

– Твой отец, – наконец заговорила она после длинной паузы, с каждой секундой все больше походящей на тишину после титров монохромного фильма. Влад уже решил, что Кира ничего не произнесет, но она заговорила:

– Твой отец, как-то раз сказал: «Мы то, откуда мы идем». Но он ошибался, как и во многом другом. На самом деле, мы то, *куда* мы идем.

Эти слова, несущее в себе прощение единственного любимого родственника, отняли у нее слишком много сил, и она опустилась на кровать, закрыв глаза.

Вокруг них опадали последние листья, опадала штукатурка и вензеля из лепнины. И в конце не осталось ничего.

Дождь накрапывал сквозь грязную, мокрую шерсть облаков. Однабоков оторвался от созерцания свалявшегося неба и опустил глаза на равномерно серую шеренгу юнкеров, стоящих перед ним по стойке смирно.

Ему поручили принимать построение на аэродроме перед экипировкой очередного полка, дивизии, роты... (или как это называется?). Он хоть и носил офицерскую форму, тем не менее, был далек от всей этой военизированной лабуды и ничего в ней не смыслил. Громкое бряцанье торжественных аксельбантов боевых коллег, раздражало его чувствительный слух. Что он забыл здесь? Зачем он стоит сейчас перед солдатами и что-то говорит не своими губами?

Почему-то вспомнился детский стишок, который он сочинил в дошкольном возрасте, ничего не смысля в политике:

Вот к нам катится карета.

Ну а в ней сидят НАЭТО.

Я возьму свое ружье.

Причину им боль и зло...

Листок со стишком, сжимаемый пухлой мальчишеской рукой, остался всего лишь чернильным памятником его глу-

пости и детской жестокости. Поддаваясь какому-то внутреннему отвращению к сделанному, чувствуя стыд, как от первой мастурбации, он поспешил приказать гувернантке принести урну и спички. Но память не горит. И сейчас спустя полвека он все также отчетливо помнил то четверостишие, как и в день, когда сочинил его.

Тогда он был несознательным малышом, который поступил неправильно, теперь он сознательный взрослый, который поступает неправильно. Может вся его жизнь ошибка? Он жил под крылом Дракулы, в его доме, но всегда идеологически противостоял ему. Противостоял, но ел с ним за одним столом. Ни это ли и называется политикой?

Это он надоумил Киру ввязаться в их игру. И к чему это привело? Вся его жизнь, его книги, в которых он так усердно критиковал власть и говорил о необходимости реформации – все это просто лицемерная маска до тех пор, пока он каждый вечер говорил графу: «Good evening...»

Позор! Стыд! Фальш! Он всего лишь неудачник...

«Так почему же я здесь стою? Я, который всегда был против войны? Я, который ненавидел ненависть? Не потому ли, что таким образом я пытаюсь искупить свои ошибки? Сейчас, когда моя Родина в опасности, когда мой город вот-вот уничтожат, я пытаюсь хоть как-то извинить самого себя. Или же я в очередной раз обманываю себя, пытаюсь казаться лучше, чем я есть в своих глазах...»

Однабоков смотрел на стоящие перед ним обездвиженные

яростью морды, закованные в железо. Забрало закрывало песье лицо юноши-солдата. Панцирь покрывал его тучное тело. Ни дать, ни взять – доспех! Кинокефалы в погонах. Оборотень лучший друг человека. Полные полчища оборотней, наштигованных пропагандой, готовых идти на смерть и эту смерть сеять.

Их мясистые животные лица с собачьей щетиной, и пустые глаза, в которых отражались кадры, просмотренных накануне фильмов, снятых министерством пропаганды, их уши еще слышали голос графа Дракулы из репродуктора, и он резонировал в их черепах. Пустой взгляд, не обремененный мыслями. Заторможенные, но резкие, животные движения. Замотанные в кожу сапог голенища и шерсть шинелей – в них больше ничего нет. Они все состоят из униформы.

Ветер шумел в ушах.

«Помнится, некогда жил великий полководец Александр Суровый, служивший при Екатерине Великой. Да... великим правителям нужны великие полководцы. Возможно, будь я не таким мягкотелым, я бы принес больше пользы на фронте. А так... погибну сам и людей сгублю... Но может быть я все же прав? И то, как я жил – было правильно? В конце концов, нет величия в том, чтобы убивать людей...»

К Однобокову подошел генерал. «Дегенерал...» – усмехнулся про себя писатель. Вся его жизнь – это работа со словом. Вот такие вот остроты и колкости – это его способ сражаться. «Может быть, жизнь и не имела смысла, но я зато я

отлично повеселился...»

Генерал что-то говорил. Наверное, что-то важное...

Однабоков опустил руку в карман офицерской шинели. По уставу он, как и все, должен был носить военную форму. Но там, в кармане лежала его маленькая шелковая бабочка, которую он бережно грел в руке...

Самолет, планирующий над его лысеющей головой, запутался в переплетениях потока воздуха, резвых, как тысяча белых китайских дракончиков. Двухстворчатые крылья резали, косые полосы прожекторов, скрещенные, как световые мечи в неистовой битве, выскивающие что-то в мрачном небосводе. Но настоящая битва еще предстоит. И дальше, за ней уже ничего не будет, только погорелая мгла, копоть и горы трупов.

Самолет снижался до тех пор, пока не слился с собственной тенью на земле. Капли клацали по обшивке.

Теперь генерал молчал.

Самолет доставит их на боевой дирижабль под командованием Смертина. Не самая лучшая смерть, но теперь поздно о чем-то сожалеть.

Колонна юных солдат начала постепенно погружаться в недра самолета.

«... разве что можно было бы дописать последнюю книгу, которую я начал летом. Самую красивую. Про моих юных знакомых... про Киру и Влада... да... как же я назвал ее? А да «Кира в стране дирижаблей»... Вроде бы звучит непло-

хо...»

Однабоков садился в самолет последним. Он оглядел аэродром еще раз и, достав руку из кармана, разжал кулак. Бабочка-шелковица, затрепыхавшись на ветру, секунду еще держалась лапками-застежками за его ладонь, но спустя мгновение выпорхнула прочь...

Грозовые тучи медленно наползали с горизонта. И по мере их приближения, смотрящие с земли деревенские жители могли разглядеть на тучах палубы, винты, бортовые орудия... Армада железных облаков, надвигающаяся, как гроза, как смерть, несущая за собой в атмосферу гряды темных конденсатов водяного пара заслоняла землю под собой овальными тенями.

Дирижабли плыли подобно тучам или, правильнее сказать, надвигались вместе с ними, потому что и то, и другое было чем-то единым – каким-то ужасным природным явлением, стихийным бедствием, катастрофой. Цеппелин – это болезнь, опухоль, нарост на облаке. Нарост противоестественный и неживой. И уже не важно, чьи эти воздушные корабли свои или вражеские. Подобно тому, как опухоль несет смерть тому, на теле кого она вырастает, так дирижабли несли смерть и разрушение людям на земле и людям в воздухе.

В ходе сражений, которые растянулись на месяцы, то преследуя врага, то отступая, больше борясь с погодными условиями, нежели с противником, цепь цеппелинов разметало по всему фронту на северо-западном направлении. Наконец, армии удалось укрепить оборонительные позиции где-то над Смоленском.

Казалось, что война тянется не месяцы, но годы. Сквозь

обледенелый облачный покров не было видно ни земли, ни врагов, так чего же говорить о времени? Аэронавты не могли даже точно сказать, когда в последний раз стояли на твердой земле. Садиться и пополнять припасы было нельзя – слишком велик риск приземлиться на минные поля, которые тянулись по обе стороны границы.

Россия – страна дирижаблей, но почему? Неужели читатель так ни разу за всю книгу и не задался вопросом, в какой момент Россия встала на путь воздушной индустриализации? – много лет западная граница была очерчена растянувшимся минным полем по обе стороны невидимой линии. Ни машины, ни поезда давно не ходили. Только с помощью дирижаблей и самолетов удавалось поддерживать авиасообщение с Европой. Великая русская стена отделила страну от западного мира. И для это даже не пришлось ее, стену строить. Попробуй пройти на ту сторону... – давно уже не было таких смельчаков. Но теперь стена достала до неба – аэромины оказались, может быть, даже страшнее летательных аппаратов, управляемых человеком. Здесь конструкция подчинялась лишь стихии. Пупырчатые железные шары, начиненные взрывчаткой, носились по небу, прикрепленные к баллонам с газом до тех пор, пока топливо не прогорит, или же на них не наткнется несчастный самолет или неповоротливый цеппелин.

Растеряв половину флота на воздушных минных полях, адмирал Шайбу проклинал всех вражеских инженеров-си-

ноптиков, которые рассчитывая силу и направление муссонов запускали беспилотное оружие в сторону руссского флота. Тем не менее, наши корабли медленно прорывались на запад. А обтекаемая воздушная линия фронта не успевала за маневрами войск...

– Адмирал, мы запеленговали сигнал, – доложил один из пилотов в капитанской рубке и все рассеявшееся внимание Шайбу тут же сконцентрировалось на настоящем.

– Мы думаем это станция на вражеском аэродроме. Шайбу зашел в капитанскую рубку, утыканную, как подростковое лицо – прыщами, циферблатами термометров, барометров и прочих приборов.

– Вычислите курс, рассчитаете расстояние. И идем прямо на них. – отдал приказания Шайбу. И в руках аэронавта-пилота замельтешили рычаги.

Через какое-то время вдалеке на земле можно было различить полукруглые эллинги, в которых некогда велись ремонтные работы воздухоплавательных средств.

– Вот они, сукины дети, – Шайбу посмотрел в бинокль. Но скоро уже невооруженным глазом разглядел вражеские воздушные корабли, пришвартованные к причальным мачтам. – Где наш «Громобой»?

Не успел он спросить, как от тучи отделился мощный корпус цеппелина. Он подлодкой вынырнул из воздушного настила, породив исторгнутым на поверхность телом рябь облаков.

– А, прекрасно! Свяжите меня с капитаном!

В этот момент на «Громобое» радийщик подал Смертину трубку.

– Заходите с правого фланга, – по ту сторону трубки Смертин услышал хриплый голос, искаженный помехами. – Нападем из-под облаков. Ветер у нас попутный. Будем бомбардировать в несколько заходов.

– Так точно! – отозвался капитан.

Смертин, повесив трубку, повернулся к стоящему рядом Однабокову, назначенному против его воли первым помощником. Было непривычно видеть этого мирного, светского, пухлого человека в полном обмундировании пилота Императорского военно-воздушного флота: лётный комбинезон, подшитая мехом кожаная куртка, авиационный полушлем с очками, высокие офицерские сапоги с голенищами до самых колен, отличительная символика старшего лейтенанта на серой офицерской шинели... Несмотря на серьезность обстановки, Смертин улыбнулся про себя. Однабоков выглядел неуместно и потому комично.

– Принимайте командование орудийной палубой, – распорядился капитан. Смертину показалось, что он увидел смятение и нерешительность в глазах писаки.

– Ну что же вы? – гоготнул он. – Бойтесь, что летчиков не похоронят в могилах?

– Никак нет, – глухо отозвался Однабоков, понимая, что он свой выбор сделал и здесь ему остается только подчинять-

ся. Он смотрел в сторону, куда-то вбок, поверх коренастого Смертина. И неожиданно спокойно для самого себя сказал:

– Ваше благородие, посмотрите туда...

С подветренной стороны, будто из ниоткуда, на них вышла армада кораблей... Один, два, три...

– Твою ж... – прошептал Смертин. И тут же собравшись с мыслями скомандовал:

– Срочно свяжите с адмиралом! Это ловушка! Эллинги – подделки!

Вражеский дирижабль, корпус которого проступал сквозь туманную дымку, призраком подкрадывался к ним двигаясь по большому радиусу. Однабокову не нравилось, как корабль лавирует среди облаков, вражеское судно взяло странный курс и как будто уходило в сторону. Другие корабли, отделяясь от флагмана, стали окружать руссский флот.

– Они хотели нас заманить, чтобы ударить с тыла. На пять часов, с севера идет вражеская армада. Количество кораблей уточняется...

«Громобой» сменил курс и тяжело, как огромный зверь, прячущийся в берлогу, стал заползать в сгусток облака, чтобы, выйдя из него неожиданно дать бортовой залп по «Хозяину неба» – так назывался вражеский дирижабль, с которым, судя по всему, предстоял бой. Последнее, что Однабоков увидел – как с «Пожирателя туч» взлетали истребители. Пять... десять... двадцать... Целый воздушный аэродром, несущий в себе разрушительную силу. Мощь и гордость рус-

ссской армии. Гордость, за которую ему было стыдно.

«Началось...» – подумал он. И тут же в наушниках зашипела частота пилотов бипланов «Тетер, Тетер, прием, как слышно, вижу цель...» – и где-то за облаком загрели взрывы разрывных снарядов. Значит, эскадрилья вступила в бой, чтобы позволить основным силам совершить отступательный маневр. Сквозь бойницы Однобоков видел алые всполохи. Постепенно воздух наполнялся запахом гари и пороха, который уже не пройдет, пока не пропитает всех.

– Вышли на ветер, – рапортовал Смертин, глядя на работу пилотов.

«Громобой» начал отступать на юго-восток – их задачей, как понял Однобоков, было перетянуть на себя «Хозяина неба», который, судя по его маневру пытался закрасться в тыл с правого фланга.

– Ну, где же он...

Минуты ползли медленно, а «Хозяин неба» все не показывался. Так называемый «бой», который все ожидали, так и не случился. Погромыхав в начале, взрывы утихли, самолеты вернулись на стартовые позиции, и началась муторная, многочасовая игра в кошки-мышки. Перемещаясь внутри облака, используя его как естественную завесу, «Громобой», как и другие дирижабли русской флотилии, бросившиеся врассыпную, все дальше уходил от прежнего курса – азимута 270° .

По расчетам капитана они должны были вот-вот выйти на

«Хозяина неба» левым бортом, но вместо этого – лишь тревожная дымка вокруг с примесью сажи, и редкий шум боя за кормой. Облако, которое их прикрывало, в то же время загораживало обзор. В любую минуты они могли наткнуться на врага, как на айсберг.

– Ну... где же этот черт... Однабоков! – позвал Смертин. – Спуститесь на нижнюю палубу, опустите смотровую корзину. Нужно проверить местность, мы, вероятно, отклонились от изначального курса, а в этом облаке ничего не видеть.

Однабоков слез по узкой вертикальной лестнице. Сапоги глухо стучали по железным ступенькам. Слева и справа, как в миниатюрном метро тянулись бесконечные черные трубы, подающие резервный газ в фюзеляж.

«Может быть мы опарыши или тромбы внутри тела этого величественного воздушного кита? Мы разъедаем тело дирижабля, из-за нас он умрет, из-за нас он вынужден метаться и убивать. Люди, как личинки, копошатся в чем-то огромном, чего просто не могут осознать...»

Изогнутые металлические балки делали нижнюю палубу похожую на перевернутый грот. «Гроб...» – подумал Однабоков.

В специальных отсеках располагались бомбы. У смотровой корзины дежурили два солдата.

– Рядовой Ефимов! Сержант Арцеулов! – представились они по очереди.

Однабоков передал приказ капитана.

Ефимов с готовностью залез в корзину, Арцеулов принялся травить металлический трос, намотанный на лебедку, закрепленную над головой. Корзина угрожающе зашаталась и поползла вниз – в открывшийся под ногами квадратный люк.

– Ну что там?! – зашипела рация Однабокова голосом Смертина. – Докладывайте!

– Двадцать метров... – отсчитывал Арцеулов шепотом. – Двадцать пять...

– Одну минуту, Ваше Благородие! – отозвался Однабоков. – Облачный покров слишком плотный и обширный.

Тут механическое шипение в ухе Однабокова, переплелось с другим, не менее механическим шипением – заговорила рация Арцеулова:

– Вышел из-под облака. Вижу бой на юго-западе. Там... раз... два... пять дирижаблей. Они на расстоянии десяти километров. Кажется, там наш «Пожиратель туч» Остальные скрыты за облаками...

Однабоков повторил его слова в рацию.

– А где «Хозяин неба?» Что находится под нами? – тут же последовали вопросы.

Однабоков передал их Ефимову.

– Что?

– Что? – вторил Однабоков каждому из говорящих.

– Я спрашиваю, какой ландшафт под нами?

– Какой ландшафт под нами?

Рация Арцеулова зашуршала – это передатчик Ефимова, прикрепленный к овечьей подкладке «оверола»¹⁰ запутался в складках одежды, когда солдат перевесился через борт, чтобы осмотреться.

– Вижу две... нет, три деревни. Река. Лес на два часа.

– Где «Хозяин неба»? – перебил Смертин.

– Где «Хозяин неба»?

– Не вижу такого! – отозвался Ефимов.

– Он не видит «Хозяин неба», Ваше Благородие, – подвел итог Однабоков.

Вдруг нижняя палуба содрогнулась от взрыва. Бомбы, закрепленные над головой, угрожающе зашатались.

– Что за...?! – взревел Смертин. – Он был нас на хвосте!

– Теперь вижууу! Вижу его!!!

Тут же по обшивке прошла пулеметная очередь. Завязался бой, орудия «Громобоя» открыли ответный огонь.

Вражеские истребители нашли «Громбой» в чаще облаков по спущенной смотровой корзине. Она послужила ориентиром и выдала местоположение цеппелина. Как стервятники, самолеты облепили корпус, и теперь обстреливали палубы и обшивку. Застрекотал наш пулемет.

– Я не отдам наш корабль на растерзание этой своре самолетов! Запросите поддержку седьмой эскадрильи! Сбросить противовесы, слить балласт! Моторы на полную мощность, подать охлаждающую жидкость! Нам нужно набрать высоту,

¹⁰ То же, что комбинезон

на которой нас не достанут! – Смертин раздавал приказания под гул вьющихся вокруг истребителей.

– Однабоков! – Капитан вновь заговорил в рацию. – Скро-
емся в облаках! Нет времени поднимать наблюдателя! Режь-
те трос!

Только спустя мгновение Однабоков понял, чего от него
хотят. Трос все это время предательски медленно полз вверх.
Зазвенели и полетели вниз отцепленные балласты.

– Они вокруг меня! Они повсюду! – обезумев от страха,
кричал Ефимов. – Скорей! Поднимайте меня! Прошу!

Вражеский самолет пролетел в нескольких метрах от
смотровой корзины, на дно которой забился Ефимов.

– Долго еще? – мрачно спросил Однабоков, глядя в отвер-
стие в днище, из которого задувал ветер.

– Минута, – отозвался Арцеулов, не отрывая глаз от при-
боров.

Очередной взрыв снаряда где-то совсем рядом с дирижаб-
лем сотряс палубу так, что Арцеулов сам чуть не свалился в
люк. Трос заскрежетал и остановился.

– Режьте!!! – командовал Смертин из рации.

– Что? – не понял Однабоков.

– Заклинило трос!! – на лбу Арцеулова проступал пот.

Они с Однобоковым видели в отверстии, в десяти метрах
под собой жалобно задранное кверху лицо Ефимова. Солдат
покачивался в корзине, вцепившись в бортики.

– Что же вы остановились?! – не дождавшись ответа, он

пополз вверх, вцепившись руками в железный трос.

На связь снова вышел Смертин.

– Твою мать! Однобоков! Ты нас всех погубишь! Это жизнь одного солдата! Его учили умирать! Режьте трос! Корзина создает сопротивление ветру, мы не можем набрать высоту!

Будто в подтверждение его слов палуба просела, Однобокову даже показалось, что они падают. Несколько пуль пробили железо, аэронавты рефлекторно присели, прикрыв голову.

– Но ведь... – Однобоков заговорил в рацию. – Там человек...!

– Режьте! Они используют заградительный огонь и ведут нас по коридору прямо под торпедный залп «Хозяина неба». Мы должны успеть войти в гущу облаков! Живо режьте трос! Или мы все умрем! Режьте же!

Еще семь метров...

– Не могу... – Однобоков тупо глядел на болторез, который ему протягивал Арцеулов.

– Идиот! Это неповиновение! Трибунал! Чтобы я еще хоть раз поднялся в небо с таким идиотом!

Крики Ефимова уже было слышно без рации, вцепившись в трос ободранными, и потому кровоточащими ладонями, он полз наверх, оставляя на канате красный след. Но намокшие руки предательски соскальзывали вниз. Ефимов тянул за собой весь экипаж своей корзиной. Пять метров...

– Режьте! РЕЖЬТЕ!!!

– Я... – Однобоков тупо смотрел на раскачивающегося на ветру Ефимова.

Три метра...

Вдруг на палубу с грохотом приземлились тяжелые сапоги, спустившегося с капитанского мостика Смертина. Весь красный капитан яростно ткнул пальцем в болторез.

– Дай сюда эту штуку!

Арцеулов не посмел возражать. Но тут уже за край люка зацепились красные пальцы. Показалась вторая рука... голова... Ефимов ввалился на палубу. Из него вытекали капли пота и слез.

Смертин, разведя широко локти, одним резким движением перерезал толстый трос. Пустая корзина канула в пустоту. Капитан отбросил болторез в руки перепуганного Арцеулова.

Сейчас разбираться с этой тройкой не было времени. Смертин бросил презрительно-суровый взгляд на Ефимова, а затем на Однобокова и уже собирался вернуться на капитанский мостик, как вдруг остановился, слушая, что-то в наушниках.

– Мы должны сбросить бомбы, – Смертин обернулся к Однобокову. – Хотя бы несколько. Из-за вашего промедления нам повредили фюзеляж. Мы не можем набрать высоту. Мощности уже не хватает. Придется выкидывать все лишнее. Сбросить бомбы. Сейчас.

– Ваше Благородие, там внизу деревни. Наши деревни. Русские.

– Неужели?! – почти провизжал Смертин. – Это твоя вина! – он ткнул пальцем в пухлый живот Однобокова. – Я тебе говорил! Нужно было всего лишь пожертвовать жизнью одного солдата! Неужели ты хочешь пройти всю войну так никого и не убив?

Рот на красном лице капитана плевался, когда Смертин, обильно жестикулируя, напирал на писателя.

– И что же теперь ты предлагаешь? Кстати, сколько в тебе килограммов, толстяк? Может, раз такой умный, прыгнешь вместо бомбы? В тебе же не меньше центнера, не так ли? Вон какой живот отрастил!

Однобоков смотрел, как над головой угрожающе колыхнутся гроздья бомб – огромные железные виноградины, налитые смертоносным соком. Писателю вдруг стало все равно на них, на голоса вокруг, на кричащего Смертина, на громахающие снаряды – он видел небо.

В разбитом иллюминаторе по левую руку от Смертина он видел его – бескрайнее великое небо, не упирающиеся в землю, но обволакивающее ее. Под ним не было ничего кроме этого неба, высокого, грязного, но все-таки высокого, с тихо ползущими вокруг облаками. «Как тихо и торжественно, и прекрасно, совсем не так, как жил я, как жили все мы, и только для того, чтобы оказаться здесь, – думал Однобоков, глядя в пустоту. – Как же я не видал прежде этого высокого

неба? И как я счастлив, что узнал его наконец. Да! Все бессмысленно, все глупо, все пошло, кроме этого, бескрайнего неба. И ничего не существует, кроме него, да и оно на самом деле тоже обман... и есть только покой... покой... и тишина. И слава богу...!»

Однабоков застегнул шинель на все пуговицы, отдал честь Арцеулову и сделал шаг в пустоту. Его тело, прежде чем потеряться в облаках несколько раз перевернулось в воздухе.

Журналист Дмитрий Крысильев занял место на бомбардировщике в хвостовом отсеке возле отверстия, где должен был располагаться пулемет. Пулемета там не было, но крепилось не менее грозное оружие – съемочная камера. Ассистент менял катушку с пленкой – своеобразную обойму.

Крысильев снимал военную хронику для своей передачи. Его самолет Б-28 летел вместе с седьмой эскадрильей императорского летного корпуса на подмогу «Громобоя», но, когда они вышли из облака, увидели грузное тело дирижабля, медленно сползающее вниз. Объятый огнем, распираемый тысячью взрывов торпед, которые уже добрались до склада боеприпасов, что породило новую волну пламени, затмившую солнце, бездвижимый и неживой «Громобой» исторгал из себя последних аэронавтов, которые спасаясь от огня летели навстречу гибели от другой стихии. У большинства не было парашютов. И люди летели просто кубарем, сыпались, как песок.

Камера заработала, стараясь запечатлеть кадр за кадром, ужасные сцены людской смерти.

Из-за гибнущего тела «Громобоя» показался «Хозяин неба». Он летел как ядерная ракета в замедленной съемке. И тут же клин эскадрильи рассыпался на отдельные самолеты, которые взвились, как хищные птицы.

– Мы можем поднырнуть под килем этой громадины? – спросил Крысилев пилота.

– А можно мы будем исполнять не ваши приказания, а? – огрызнулся летчик.

Бомбардировщик совершил маневр и попытался подняться над фюзеляжем «Хозяина неба». Но неповоротливый, как слон, дирижабль, хоть сам и уступал в скорости самолетам, его орудия – нет. Корпус тряхануло, линза камеры разбилась, пленка вылетела и спуталась.

– Они попали в мотор! Срочно отключи подачу топлива, пока мы не сгорели на хрен! – Крысилев сквозь звон в ушах услышал голоса в кабине. Журналист поднялся с пола, куда свалился, услышав жуткий треск.

Сквозь круглые отверстия в корпусе зияли покрывшиеся копотью облака.

Самолет постепенно замедлялся, пока не начал планировать. Подбитая ласточка оказалась легкой целью для стальных когтей коршуна. У Крысилаева сжался желудок, когда он осознал, что самолет падает. На полу валялось мертвое тело ассистента, из кабины пилотов уже не доносились голоса...

Крысилев пробрался к спасательному люку, надел парашют и кубарем вывалился в небо. Поток воздуха подхватил его большое тело. Падая, он видел, как самолет расчерчивает небо черной полоской дыма, внизу его взгляд встретил тетрис заснеженных полей. Переполненные гари облака напоминали вареный говяжий жир.

Адмирал высунул голову в иллюминатор и посмотрел вверх. Принявшая бой по правому борту «Аркадия» все сильнее смещалась влево под натиском вражеского огня. Казалось, взрывы буквально толкают воздушный корабль на дирижабль-близнец «Арабеллу». Столкновения не избежать. Еще секунда и на его голову посыплются кровавые ошметки погибших солдат. Их построение обратной пирамидой – два цеппелина сверху, один снизу – было полностью разбито противником.

Небо истекало кровью. Потерявшие управление самолеты неслись по воздуху, как игрушечные конфетти. Их подбрасывало, переворачивало, рвало на куски. Асы еще пытались что-то сделать, они брали высоту, маневрировали, крутили мертвые петли, пикировали, но в конечном счете вражеские орудия доставали и их.

Шайбу не видел в смерти ничего ужасного, но не так, как это не видит монах-отшельник, познавший естественность процесса умирания. Адмиралу казалось нормальной возможность одного человека убить другого, поэтому открывшаяся панорама не вызывала в нем никаких эмоций. Для него небо, когда он смотрел на него, было расчерчено линиями и пометками. Облака – это просто сектора на карте с соответствующими координатами. Он просто исполнял

свой долг.

На секунду у Шайбу промелькнула мысль о той девочке, которую видел в суде. Ее звали Кирой. Кирой Неботовой.

«Сама профессия, которой солдаты посвящают жизни, в сущности, без прикрас сводится именно к убийству, а не к благородной защите своей страны. Это мы объявили войну. Мы никого не защищаем. Государство, страна, правитель – это лишь наименования, слова в словаре. Только смерть настоящая, поэтому-то такие как адмирал Шайбу или капитан Смертин выживают, а такие как Однабоков умирают» – так сказала бы Кира.

Но он тут же отогнал от себя мысли. Что одна девчонка может понимать в этом мире? Она приехала с Запада. У нее промыты мозги. Она уж точно ничего не понимает в российской душе. Россия за мир, мы защищаем своих! Это освободительная война. А те, кто на ней умрут попадут в рай! Войну развязала Американская Федерация! НАЭТО у наших границ. А как же договор о нерасширении? Они нарушили его. Теперь они будут знать свое место. Мы великая держава! По сути мы сражаемся за свой славянский мир! Он, Шайбу не должен думать. Он оружие. И сейчас его задача сохранить как можно больше солдат для будущих битв.

Шайбу приказал отступить.

Смертин с обгоревшими волосами и испачканным кровью лицом, пузырящимся от ожогов, продирался по насту смерзшегося снега к старому дереву – это был единственный ориентир вокруг. Капитан знал, что где-то на востоке есть город, который они должны были защищать, но они проиграли теперь это не имело значения. Для него города, страны, границы, перестали быть ориентирами.

Он просто шел к дереву.

Над ним, на высоте двух тысяч метров еще шел бой, но «Укротитель ветров», как он слышал, взяли на абордаж, а связь с «Арабеллой» и «Аркадией» пропала, еще когда он был на палубе «Громобоя». Ничего не было слышно и о флагмане. Смертин выкинул рацию за ненадобностью.

Он остановился у высокого ствола векового дерева, которое могло пережить еще несколько поколений, но теперь погибнет под обломками воздушных судов. В ветвях висел запутавшийся в веревках и вероятно задохнувшийся парашютист.

Смертин с трудом узнал на искаженном от ужаса лице черты журналиста Крысилева. Страшная смерть.

Казалось бы – вокруг столько воздуха, но ему не досталось. Смертин перекрестился и выругался.

Под ноги упал болт.

Капитан поднял голову и увидел летящие вниз обломки, которые его сейчас похоронят.

Выпирающие алюминиевые балки – единственное, что не сгорело – торчали из земли ребрами мертвых воздушных китов.

Домовой без дома шел по шпалам и думал, что теперь не важно, куда идти – назад или вперед, в деревню к брату Яше или все-таки в город...

Железная дорога была старой, поезда по ней уже не ходили несколько лет. Рельсы тянулись прямо по болоту, поэтому казалось, что идешь по воде – слева и справа были большие водные разливы. Среди шпал путались камыши, рогоз и всякие кустарники, названия которых мальчик не знал. Железо утопало в воде с песком. В тех местах, где должны были крепиться болты, прорастал кучерявый мох. Кое-где под ногами росла морошка, мальчик сорвал одну ягоду и неторопливо положил в рот.

В воздухе пахло гарью и дизелем.

На соседних путях, еще более старых и совсем уже утонувших в жиже, стоял проржавевший вагон. Откуда он тут, вряд ли мог кто-то ответить. Стекла вагона были выбиты, а на железных пластинах обшивки виднелись нацарапанные неприличные слова.

Пашик вспомнил свою книгу с картинками, оставшуюся дома, там был нарисован паровоз с точно такими же вагонами, но только новыми.

Позади виднелся город, над которым красными облаками курилось небо.

По телевизору мальчика научили, что, если видишь на небе такое пятно, надо вытянуть руку вперед и поднять большой палец вверх, как будто показываешь «класс». Если пятно не видно из-за пальца, значит беспокоиться не о чем.

Пашик попробовал сделать, как говорил телевизор, – все небо вокруг пальца полыхало и пульсировало подобно тому, как содрогается тело в агонии. Дальше по инструкции: из спецпакета достать противогаз, надеть как показывали в передаче, прикрыть всю кожу спецэкипировкой, чтобы защитить от радиоактивного обгорания, лечь на живот головой в сторону эпицентра взрыва...

Но противогаза не было, и вообще ничего не было из того, о чем говорила инструкция. Пашик почесал по-детски большой живот, на который ему нужно было бы лечь. Он знал, что сейчас в городе суeta и давка у входа в бомбоубежище, если, конечно, жители еще не умерли. Но судя по пятну, взрыв был где-то за городской чертой, чуть левее. Наверное, бомбардировщик ошибся в вычислениях, и еще есть минута или полторы...

А разве это не бессмысленно – все время убегать? Ведь теперь уже не важно, куда идти.

Пашик остановился и сел на ту шпалу, которая была более сухой. Нагретая пожарами, она приятно уперлась в попу. Мальчик засунул палец в нос и стал ковырять. На ноготь попался зеленый катышек козюли. Мальчик раскатал его в колбаску и отбросил в лужу.

В ясном небе парил оранжевый треугольник дельтаплана. Маленький моторчик жужжал пчелой, разгоняя облака и тоску. Вечерело, но это было неважно.

– Над облаками вечер наступает позже, – Влад повернулся к Кире и поцеловал ее в ремешок защитных очков, но она все равно почувствовала поцелуй.

Когда Влад предложил ей улететь, она сначала не поверила.

– Ты умеешь водить дельтаплан? – спросил ее Влад.

– Нет, – ответила Кира.

– А я умею.

– Знаешь, Влад, в детстве, когда я училась в пансионате... я хотела оттуда сбежать, но упала со второго этажа. Это был мой первый и самый короткий полет. Так вот, тогда мне казалось, что мой побег не окончился, а только начался и длился он всю жизнь... до этого момента. И хотя сейчас мы снова в бегах, и наш путь только начинается, мне кажется, что я впервые нашла, что искала. Мой поиск окончен.

Они собрали в доме кое-какие вещи: немного еды и теплую одежду. Влад уже ждал ее у выхода, когда она решила обойти дом в последний раз. Сначала она заглянула в комнату Однабокова, там столе лежала аккуратно подшитая стопка листов, на первом из которых виднелись печатные буквы.

Кира увидела свое имя. «Кира в стране дирижаблей». Она взяла стопку бумаги всунула себе в сумку.

Затем девушка поднялась в самое запретное, но теперь никому не нужное место в поместье – кабинет графа. Они ни разу не заходили сюда с тех пор, как искали информацию для расследования, хотя дверь уже давно не запиралась.

На подбитом бархатом столе валялись, разнесенные сквозняком документы. Среди них – половинка обгоревшей фотографии матери в треснувшей раме.

Кира забрала снимок себе. Сейчас она чувствовала его грудь, там – под курткой и свитером.

Она смотрела на заходящее солнце, которое для них – Кира знала это – не зайдет еще много часов. Это был самый длинный закат в их жизни.

– Мы оба так готовились к худшему, что забыли, что может быть счастливый конец, – сказал Влад, но порыв ветра развеял его слова по небосводу. Так звучат слова, брошенные на ветер. Только на самом деле, любые слова, если они произнесены – уже брошены на ветер.

Поэтому Кира молчала, напряженно сверяясь с компасом. Ее мечта сбылась, она была пилотом хотя даже и не самолета, а почти бумажного самолетика. Влад следил за тем, как она справляется с управлением, готовый в любую минуту подстраховать ее.

...И кто они? Счастливые грешники, вознесшиеся к небесам своей любовью или ангелы, спасающиеся бегством из

рая? Беспечные эгоисты или святые влюбленные? Что они наделали? Или не было их вины в том, что люди гибли на войне, пока они спасались бегством? Кира не знала ответов. Кире было уже все равно.

Они улетали, оставляя позади себя войну, политику, правила, предрассудки, убеждения, определения, смыслы, названия, имена, понятия, все слова и даже звуки...

У нее остался только ветер в волосах.

Андрей Швед

4 марта 2022 года